Саади

Гулистан

- «Гулистан» Саади
- ГУЛИСТАН
- Во имя Бога Милостивого и Милосердного
- Причина написания этой книги
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- ПРИМЕЧАНИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- 23

«Гулистан» Саади

«Гулистан» («Розовый сад»)—замечательное произведение персидского поэта Саади Ширазского, творения которого входят и в золотой фонд классической таджикской литературы, — по праву занимает одно из почетных мест в сокровищнице мировой культуры. На страницах этого произведения, важнейшего памятника литературы Ирана XIII века, нашли яркое отражение существенные стороны жизни общества того времени, быт народа, его чаяния, его борьба против иноземных завоевателей и местных феодалов.

«Гулистан» представляет собой своеобразный сборник коротких рассказов и поэтических афоризмов, в которых проза, нередко рифмованная, переплетается со стихами. По общему характеру этих афоризмов и содержанию большинства рассказов книга в целом принадлежит к числу так называемых поучительных, дидактических произведений.

О лучших дидактических произведениях прошлого великий русский критик В. Г. Белинский говорил: «...они... выходят из живого и пламенного рассудка, берут у поэзии все ее краски, говорят душе образами, а не отвлеченными идеями. В основе их глубокое миросозерцание и благородный юмор, форма дышит красками вдохновенной поэзии, мысль мощно охватывает душу читателя и высказывается резко и определенно» Это определение применимо и к книге Саади.

Основная цель Саади — преподать советы и наставления нравственного или чисто практического характера. Но свои поучения Саади высказывает, выражаясь словами Белинского, «не в холодной аллегории, не в моральных сентенциях и ходячих истинах, которых справедливость все признают... но которые всем надоели и никого не убеждают», а в форме живых картин и увлекательных рассказов, в проникнутых чувством глубокого гуманизма изречениях, через конкретные художественные образы.

Сам автор писал, что в «Гулистане» «жемчуг спасительных увещаний нанизан на нитку прекрасного слога, а горькое снадобье

наставлений правдивых приправлено медом замечаний шутливых».

В этих увлекательных и полных тонкого юмора рассказах «Гулистана» Саади оставил нам целую галерею высокохудожественных образов, яркую реалистическую картину жизни не только Ирана, но и всего Ближнего Востока XIII века. Это образы простых честных тружеников, к которым поэт относился с особенной симпатией, царей и вельмож-самодуров, которых ненавидел народ, дервишей — бедняков, вынужденных вести голодный аскетический образ жизни, представителей официальной религии, призывающих обездоленных и несчастных переносить «посланную им свыше долю, не жалуясь на неотразимую волю «провидения», «суфиев» — шарлатанов, обманывавших обездоленный народ.

Автор «Гулистана» принадлежал к средним слоям средневекового феодального города и был одним из первых ярких выразителей дум и настроений этих слоев. И «Гулистан» — первый памятник персидской литературы, на страницах которого нашла разностороннее отражение жизнь средневекового восточного города.

Помимо своего художественного и историко-литературного значения, «Гулистан» представляет значительный интерес и как источник, содержащий большое количество историко-географических сведении, а также автобиографических моментов. «Гулистан» является также чрезвычайно ценным памятником персидского языка классического периода.

***

Полное и точное имя автора «Гулистана» — Абу-Абдаллах Мушрифаддин ибн Муслихаддин Саади Ширази, а не Муслихаддин Саади, как было принято считать до недавнего времени. Дату рождения Саади обычно относят к 80-м годам XII века. Однако, судя по ряду данных, содержащихся, между прочим, и в «Гулистане», поэт родился гораздо позже, а именно — между 1203—1208 годами, в Ширазе.

Шираз — один из древнейших городов Ирана — в те времена играл немаловажную роль в культурной, политической и экономической жизни Ирана. Здесь и провел Саади свое детство и юношеские годы и здесь же получил свое первоначальное образование. Отец его Муслихаддин Ширази был мелким религиозным деятелем и проповедником, он получал определенное содержание и не владел ни землей, ни каким-нибудь движимым имуществом. После его смерти, примерно в середине 10-х годов XIII века, его сыновья остались лишенными каких-либо средств к существованию. Старшему брату будущего поэта пришлось после долгих мытарств заняться мелкой торговлей.

Детство Саади, как это видно из его воспоминаний на страницах «Гулистана» и другого его крупного произведения «Бустана», протекало сравнительно счастливо, пока был жив отец, хотя Саади воспитывался весьма строго и не без помощи подзатыльников и палки. В одном из стихотворений XII главы «Бустана» он говорит:

Знай: Саади достигнуть цели мог
Не потому, что сто прошел дорог:

Он в детстве много получал затрещин,
И Богом был ему покой обещан.

(Перевод А. Старостина.)

Однако он рано, двенадцати — четырнадцати лет, лишился отца, и, оставшись сиротой, испытал немало страданий и горестей. В «Бустане» и «Гулистане» имеется ряд стихотворений и рассказов, в которых поэт, трогательно описывая тяжелое положение сирот, вспоминает эту переполненную страданиями пору детства. Одно из стихотворений в «Бустане» озаглавлено так: «О милости к сиротам»:

Бедняге сиротке, о друг, помоги,
Обмой, вынь занозу ему из ноги.

И если поник сирота , пожалей —
Своих перед ним не ласкай ты детей.

С очей сиротинки кто слезу утрет?
Коль гневен — к спокойствию кто призовет?

Ах, если до слез сироту ты довел,
Всколеблется Высшего Бога престол!

Люби сиротинок от всей ты души,
Обмой их, одень, им глаза осуши.

Родительской сени сиротка лишен.
Пусть будет он кровом твоим осенен.

Когда был лелеем я милым отцом.
Казалось, был венчан я царским венцом.

Мне муха садилась на лоб, и моя
Кругом волновалась тревожно семья.

А ныне никто не поможет, хотя б
Во вражьем плену я томился, как раб.

Изведал я долю сирот до конца,
В младенческих годах лишившись отца [1].

После долгих мытарств, «испив чашу превратностей судьбы», Саади попадает в Багдад, где ему удается устроиться стипендиатом в знаменитое училище «Низамия», основанное во второй половине XI века знаменитым сельджукским вазиром Низам-уль-Мулком.

Мы достоверно не знаем, когда именно и при каких обстоятельствах Саади отправился в Багдад и какова была причина его отъезда. Обычно принято считать, что Саади был отправлен в Багдад правителем Фарса Атабеком Саадом ибн Занги в 1196 году. Однако это чистый анахронизм — в 1196 году Саади еще не было на свете. Судя по единственному указанию поэта на этот счет, — стихотворению, находящемуся в разделе «Хаватим» его собрания сочинений, «Куллията», но обычно приводимому и в предисловии к «Гулистану», Саади отправился в Багдад в середине 20-х годов, после того как Чингис-хан со своими ордами вторгся в Среднюю Азию и Иран и подверг эти страны безжалостному опустошению. Вот это стихотворение:

Друг, или ты не знаешь, почему я
Замешкался, в чужих края кочуя?

Танги Туркан я бросил, озабочен:
Весь мир был, словно эфиоп, всклокочен.

Мне вид людей тогда был безотраден —
Любой из них, как волк, был кровожаден...

Вернулся я — и прежней нет опаски,
И тигры не ревут, а просят ласки.

Как ангел каждый житель —добр, спокоен,
Как лев, могуч в борьбе с врагами воин.

Сначала мир я видел потрясенный,
Взволнованный, смущенный, угнетенный,—

Теперь — для сердца и очей отрада
В правленье справедливого Саада.

(Перевод А. Старостина.)

Багдад в те времена был культурным центром всего мусульманского Востока. В училище «Низамия» преподавали известные богословы, суфийские шейхи, историки и филологи того времени. Преподавание велось на арабском языке, и этот язык для Саади сделался вторым родным языком; на арабском языке он написал впоследствии ряд замечательных стихотворений. Преподавателем Саади, как это явствует из его указаний, был Джамаладдин Абульфарадж Абдаррах-ман ибн Мухьиаддин Юсуф ибн Джамаладдин Абиль-фарадж Ибнальджузи II (1186—1257), внук знаменитого арабского богослова, проповедника филолога, и историка Джамаладдина Абульфараджа Абдзррахмана Ибнальджузи I (1116—1201), которого исследователи смешивали с его внуком. Учитель Саади родился в Багдаде, там же получил свое первоначальное и высшее образование и с 1228—1230 годов начал преподавать в Багдаде, а год спустя к немоу по наследству отца его Мухьиаддина Ибнальджузи перешла должность мухтасиба города Багдада.

Как второго своего учителя Саади называет известного суфия, проповедника и писателя шейха Шихабаддина Сухраварди (1144—1234), ученика знаменитого основателя суфийского ордена «Кадырия» Абдалькадира Гиланского (ум. 1166).

Если первый учитель Саади воспитывал своего ученика, как доброго мусульманина-суннита, то второй — Шихабаддин Сухраварди — старался привить ему любовь к мистическим учениям суфиев, аскетические идеалы отречения от мира. Однако воспитание этих шейхов не оставило заметных следов на характере Саади. Как справедливо отмечает академик А. Е. Крымский, «...те стихи, какие — по всем признакам — именно тогда писал Саади, дышат юношеской любовью к жизни и ее радостям»[2].

В одном из рассказов «Гулистана» Саади сам указывает: «Сколько ни приказывал мне достославный шейх мой Абуль-фарадж Ибнальджузи, да помилует его аллах, музыку оставить и свои стопы по пути уединения и отшельничества направить, молодость моя превозмогала, плотские желания брали верх, и иногда я невольно шел наперекор советам наставника благим и наслаждался музыкой и обществом друзей дорогим»[3].

Как явствует из многочисленных подобных воспоминаний поэта, учась в «Низамия», он не проявлял особого усердия и рвения к учению, вернее к овладению теми «науками», которые составляли основные -дисциплины мусульманской академии. Судя по дальнейшему образу его жизни, он, по-видимому, даже не окончил училище «Низамия», и по каким-то причинам ему пришлось покинуть Багдад.

В эти годы он совершил свое первое паломничество в Мекку, после чего начались его долголетние скитания, продолжавшиеся вплоть до 50-х годов XIII века. Он, странствуя пешком, как обыкновенный дервиш-бродяга, неоднократно посещал Мекку, побывал в Дамаске, Триполи, Баальбеке, Алеппо и других городах Среднего Востока. В течение больше чем двадцати лет он исходил множество стран от Восточного Туркестана и Индии — на Востоке до Северной Африки — на Западе. Как указывает сам поэт, в продолжение долгих лет «судьба, полная превратностей», бросала его в разные концы мусульманского Востока. На страницах «Гулистана» и «Бустана» перед нами проходят, как на экране, самые разнообразные картины его странствий и образа жизни во время этих скитаний. Сначала — он ученик в училище «Низамия» в Багдаде, часто беззаботно предающийся непозволительным, с точки зрения шариата, развлечениям и увеселениям, затем — странствующий дервиш, совершающий неоднократные паломничества в Мекку, к черному камню храма Каабы. Мы узнаем далее, что в Дамаске он жил при какой-то мечети и часто свое время проводил в спорах с дамасскими учеными и богословами, а в Баальбеке читал пламенные проповеди «изнуренному народу»; из Дамаска, разочаровавшись в своих друзьях, он уходит в Иерусалимскую пустыню и там попадает в плен к крестоносцам, которые заставляют его рыть рвы в Триполи; из плена его спасает один купец и, увезя его с собой в Алеппо, выдает за него замуж свою сварливую дочь, от которой поэт спасается бегством. Из других рассказов становится известно, что какое-то время он жил в Басре, где часто слушал рассказы и приключения ювелиров, а в Диярбекире гостил у какого-то полоумного старого богача. В Южной Аравии, в Йемене, смерть вырвала у него единственного сына, а в Александрии он голодал вместе с другими странствующими дервишами; поэт побывал и в Индии, в городе Сомнате (где

разоблачил шарлатанов, жрецов храма, и спасся бегством), в далеком туркестанском городе Кашгаре, где он был принят с большими почестями; на острове Киш (Ормуз) в Персидском заливе он гостил у богатого купца, ведшего крупную транзитно-караванную торговлю с отдаленными странами; он посетил и азербайджанские города Бейлакан и Тавриз, где он давал наставления монгольскому хану Абаке, и наконец через Дамаск он вернулся в свой родной город Шираз, где и создал свои знаменитые произведения.

Во время своих долголетних скитаний и странствований Саади испытывал трудности и лишения, подвергался большим опасностям. Бывали случаи, когда жизнь его висела на волоске от смерти, он голодал, нищенствовал, ходил босиком и в лохмотьях, часто еле двигал ногами от усталости и изнурения.

Однако эти трудности и лишения не могли заставить Саади прекратить свои странствования. Он беспрестанно переходил из одного города в другой, из одной страны в другую. Мы не располагаем достаточными данными о том, что заставляло Саади часто менять свое местопребывание. Причину этого, по-видимому, нужно искать в ею материальной необеспеченности, в том общественном положении, которое он занимал. Как явствует из многочисленных рассказов «Гулистана», Саади был типичным странствующим дервишем, который добывал себе пропитание и средства к жизни тем, что, собрав вокруг себя людей, читал им на улицах и площадях при мечетях проповеди. Он жил, питаясь подаяниями верующих. В одном из своих рассказов он писал:

«Однажды в соборной мечети города Баальбека я держал небольшую речь, что-то вроде проповеди, перед людьми изнуренными, с огрубевшими сердцами, неспособными переноситься душою из этого видимого мира в мир божественных тайн. Заметил я, что вдохновение мое ими не овладевает и огня в их сырых дровах не раздувает... Бесполезным показалось мне воспитывать ослов и держать зеркало в квартале слепцов».

Содержание проповедей Саади, судя по рассказам «Гулистана», было весьма пестрым. Главным предметом подобных дервишеских проповедей служили деяния пророка и первых четырех халифов, имамов и разных святых, деяния и жития суфийских шейхов и пр. Но, помимо этого, Саади, несомненно, читал проповеди и на другие темы,

по вопросам чисто нравственного и практического характера, общественной морали и поведения, на тему о том, что такое добро и зло, кто творит добро и кто совершает зло, что такое богатство и бедность, каким должен быть хороший правитель, к .чему должны стремиться люди.

Свои проповеди Саади подкреплял конкретными примерами, живыми, увлекательными рассказами, яркими бытовыми картинами, фактами, взятыми из живой действительности, народными поговорками и пословицами, а также нередко своими собственными стихами.

Некоторые рассказы, афоризмы и, разумеется, стихи, оказывавшие большое эмоциональное воздействие на слушателей, он записывал, чтобы не забыть и повторить при других своих выступлениях в других местах. Эти именно записи и легли в дальнейшем в основу «Гулистана». Человек, добывавший себе пропитание, средства к жизни подобной профессией, естественно, не мог оставаться долго в одном месте, в одном городе. Когда люди одного города теряли интерес к его проповедям, когда исчерпывался весь репертуар дервиша-проповедника, ему больше невозможно было оставаться там, и в поисках новых слушателей он отправлялся в другие города.

Коль слушатель речь не способен понять,
То можно ль держать вдохновенную речь?

Мы ждем доброй воли внимающих нам,
Желая сердца вдохновеньем зажечь.

(Перевод А. Старостина.)

Помимо этого, без сомнения, к странствованиям и путешествиям Саади побуждала его большая любознательность. Как справедливо отмечал С. Ф. Ольденбург: «Саади был большой сердцевед, и его всегда глубоко интересовали люди, их поступки и побуждения, и потому, вероятно, ему и хотелось сравнивать людей разных стран и народов. Вывод, который он сделал из этих сравнений, если судить по

его сочинениям, тот, что люди всех народов и стран мало чем друг от друга отличаются: одинаково, как ему казалось, и любят и ненавидят»

Саади был свидетелем того, как одна часть общества беспрестанно трудилась, но вместе с тем голодала, нищенствовала, а другая — присваивала плоды ее трудов, угнетала, унижала ее, жила в бессмысленной роскоши и разврате. Вот эту основную и существенную сторону жизни своего времени Саади чрезвычайно рельефно запечатлел на страницах «Гулистана» и других своих произведений.

Какие тайны знает небосвод
И звезд, на нем горящих, хоровод!

Один — слуга; другой — владетель трона,
Суд нужен этому; тому — корона.

Один — в веселье, в горести другой.
Вот этот счастлив, тот — согбен судьбой.

Вот этот в хижине, а тот — в палатах,
Тот в рубище, другой — в шелках богатых.

Тот жалкий нищий, этот — богатей,
Тот бедствует, другой — гнетет людей.

Один здоров, другой всегда болеет,
Стареет тот, а этот молодеет.

Один и добр и честен без прикрас,
Другой — в болоте злых грехов увяз.

Один доволен, а другой расстроен,
Один в беде, другой — всегда спокоен.

Один величья мира властелин,
Другой — ничтожный раб в цепях судьбин.

Тот опьянен довольством, негой, властью,
Другой привык к невзгодам и несчастью.

Один улыбкой радости цветет,
Другого горе и тоска гнетет.

У одного безмерно достоянье,
Другой семье не сыщет пропитанье.

Светильник счастья пред одним горит,
А от другого тучей день закрыт.

(Перевод А. Старостина.)

Таким образом, Саади из своих долголетних путешествий и странствований, во время которых он встречался и близко познакомился с самыми разнообразными людьми, представителями разных слоев общества: дервишами-бродягами, суфийскими шейхами, их учениками, ремесленниками и учеными богословами, купцами, отшельниками, поэтами и воинами, простыми людьми из низов и сильными и великими мира сего, вынес огромный опыт и знание жизни, любовь к подлинным творцам ее. Вот почему он так восторженно отзывается на страницах «Гулистана» о пользе путешествий и странствований»:

«Выгоды путешествия велики: путешествуя, радуешь сердце, извлекаешь выгоды, видишь разные диковины, слышишь о чудесах, расширяешь образование и познания, умножаешь богатство и состояние, знакомишься с людьми и испытываешь судьбу».

Свои силы на поэтическом поприще Саади начал пробовать, вероятно, еще в юношеские годы, когда он жил в родном городе Ширазе. Однако стихи, относящиеся к этому периоду, до нас не дошли. Самые ранние из дошедших до нас стихов Саади относятся к 30—40-м годам XIII века, то есть они написаны в период пребывания поэта в Багдаде и во время скитаний. Это стихи главным образом лирического содержания — газели. Все они впоследствии вошли в

разделы «Таййибат» (сборник приятных стихов), «Бадаи» (сборник изящных диковинных стихов), «Газалият» (сборник газелей) и другие разделы его «Куллията».

Саади считается основоположником чистой газели. До Саади тоже писали газели, и в диване каждого крупного поэта можно найти немало замечательных лирических стихов. Однако «Саади довел жанр газели... до высокой степени совершенства»[4]. Только после Саади газель завоевала право серьезного жанра, и на литературной арене появились крупные поэты, которые подвизались исключительно в жанре газели.

Даже самые ранние газели Саади представляют собой классические образцы этого жанра и чрезвычайно высоко ценятся знатоками восточной литературы. Эти газели отличаются простотой и ясностью образов, естественностью и реальностью описываемых чувств, убедительностью сравнений, доступностью языка, отсутствием головоломных метафор и формальных украшений, исключительной певучестью и музыкальностью, глубоким содержанием и чрезвычайно изящной художественной формой.

Однако эти стихи Саади, несмотря на их достоинства, до написания им «Бустана» и «Гулистана» не пользовались особым успехом и популярностью среди тех слоев общества, которые являлись заказчиками, покупателями и ценителями поэзии. От Саади требовали хвалебных од — касыд, прославляющих «подвиг», «величие» и несуществующие доблести власть имущих, представителей господствующего класса. Но это претило поэту: истина была для него дороже презренного золота. В одном из своих стихотворений поэт описывает, как друзья его, видя бедствия, которые он терпел, советовали ему писать «мадх» — панегирик, чтобы избавиться от «лишений»...

На эти советы своих друзей Саади отвечает следующим образом:

Мне говорят: «О Саади! Зачем живешь в лишеньях ты?
Есть верный у тебя доход, с ним не узнаешь нищеты!

Десницей царскою твоей ты царством овладел,
Так почему тебя гнетут заботы дальней суеты?

Властителя ты похвали — богатство притечет к тебе,
А без богатства и талант — добыча слез и маеты».

«Да в мире многие сочтут, что коршун лучше, чем симург,
Но коршун падалью живет, симург же — символ чистоты.

Нет, не случится так со мной, к правителям я не пойду —
Не буду заниматься тем, чем попрошайки заняты.

У них иглу ты попроси — как будто сядешь на ежа,
Выпрашивать у них — позор, он доведет до тошноты...»

Тем не менее следует отметить, что Саади отдал определенную дань и этому традиционному жанру. В его «Куллияте» имеется небольшой раздел касыд. Однако касыды Саади коренным образом отличаются как от выспренных придворных панегириков, так и от суфийских касыд, прославляющих бога. Часть касыд Саади носит чисто дидактический характер. В них даются советы и наставления людям. Поэт призывает к справедливости, к мудрому управлению страной, учит добру. Другая же часть этих касыд по своему содержанию ничем не отличается от обыкновенных газелей. Они посвящены описанию природы, приходу весны и т. д. Эти касыды исключительно красивы. В них поэт воспевает силу и красоту природы, дает почти физическое ощущение величия космоса. Они дышат свежестью, солнечным светом и ароматом зеленых полей...

Помимо газелей и касыд, «Куллията» Саади содержит также разделы: «Кыт’а», в которых поэт излагал для себя и своих друзей свои сокровенные мысли и чувства, «Четверостишия», носящие чисто лирический характер, «Рисала» — трактаты, написанные в суфийском духе, а также «Хазлият» — шутки, в большинстве случаев непристойного содержания. Саади оставил также целый сборник газелей на арабском языке.

Однако венцом его творений являются не эти сочинения, а знаменитые его «Бустан» («Плодовый сад») и «Гулистан» («Розовый

сад»), которые снискали поэту бессмертную славу.

Около 1250 года Саади оставил свои скитания и обосновался в городе Дамаске. Здесь он приступил к написанию «Бустана» и работал над ним до 1255 года, то есть до возвращения в родной город Шираз.

«Бустан» — стихотворная поэма, состоящая из десяти глав: глав I — «О справедливости, рассудительности и мудрости», глава II — «О великодушии», глава III — «О любви», и т. д.). Каждая глава состоит из определенного количества рассказов и притч и небольших философских отступлений автора. Хотя рассказы и притчи в поэме занимают основное место, однако они выполняют служебный характер, иллюстрируя обращения и сентенции поэта, которые или предшествуют рассказам, или же содержатся в них самих.

После появления «Бустана», который сразу обратил на себя внимание, отношение к Саади высокопоставленных меценатов, богатых ценителей поэзии, изменилось. Если в предисловии к «Бустану» Саади жаловался, что «его стихи не ценят в Фарсе так же, как мускус в Хотане» то через год во время написания своего другого произведения — «Гулистана» — он гордо заявляет, что добрая слава о Саади ходит в устах у народа, молва о его красноречии распространилась по земле, сладкую хурму его рассказов едят, как сахар, его сочинения распространяются как позолоченные грамоты и так далее.

Правитель Фарса Атабек Абубекр ибн Саад Занги (1223—1258) пригласил Саади занять место среди его придворных поэтов. Саади высоко ценил Атабека Абубекра, который спас Фарс и его жителей от монгольского погрома, выплатив монголам большую сумму. Фарс был, пожалуй, единственной областью Ирана, которая уцелела от варварского набега монголов.

Однако, несмотря на это, Саади вежливо отказался от предложения почитаемого им Атабека. Подлинная причина отказа Саади от придворной службы становится ясной не из того, что он говорит в своем предисловии к «Гулистану» по поводу этого, а из его других многочисленных высказываний на этот счет. «Есть свой хлеб и спокойно сидеть лучше, чем золотой пояс службы надеть!»

Ты лучше горячую известь мешай обнаженной рукой,
Но, руки скрестив пред эмиром, ему услужая, не стой.

*

Ты жизнь дорогую проводишь в заботе —
«Что летом мне есть, что надеть мне зимою?»

О глупое чрево! Хоть коркой питайся,
Но спину не гни перед властью земною...

(Перевод А. Старостина.)

Отказ вступить в ряды придворных поэтов навлек на Саади немилость двора. На страницах «Гулистана» и других произведений поэт постоянно жалуется на своих врагов и завистников, которые причиняли ему немало беспокойства.

Саади остался до конца жизни верен себе и продолжал говорить горькую правду, обличать пороки общества, в котором он жил.

Саади, боязни чужда твоя речь,
К победе иди, если поднял ты меч.

Всю правду яви! Все, что знаешь, открой,
Прочь речи корысти с их лживой игрой.

Иль смолкни, чтоб жар твоей мудрости чах.
Иль, алчность отринув, будь волен в речах.

(Перевод Н. Липскерова.)

В одном из «посланий» «Куллията» Саади, записанном кем-то с его слов («Встреча Шейха с Абака-ханом»), очень ярко раскрывается в этом отношении облик поэта:

«Шейх Саади, да помилует и да простит его аллах, рассказывал:

«Когда я, возвращаясь из паломничества к Каабе, прибыл в резиденцию шаха Тавриз, я отыскал там

ученых, улемов и праведных людей города, удостоился встречи с этими досточтимыми людьми, общение с которыми для меня было священным долгом. Я хотел повидаться с великим Хаджой Сахибдиваном Алааддином и Хаджой Сахибдиваном Шамсаддином, ибо я находился с ними в очень близких отношениях. Однажды я отправился к ним на поклон и вдруг на дороге увидел, что они едут на конях вместе с государем лика земли Абака-ханом. Увидев их с падишахом, я хотел было удалиться в какой-нибудь уголок, чтобы они не увидели меня, ибо при таких обстоятельствах было извинительно избегать встречи с ними.

В то время, когда я намеревался уйти, я заметил, что они оба сошли с коней и направились ко мне. Я подошел к ним, и они, осыпав меня приветствиями и поклонами, стали целовать мне руки и лицо. Выразив свою радость по поводу прибытия, они сказали:

— Как жаль, что мы до сих пор не знали о твоем прибытии!

Заметив все происходившее между нами, султан воскликнул:

— Уже несколько лет, как этот Шамсаддин и Алааддин находятся со мной и знают, что падишах лика земли — это я, но никогда эти братья не оказывали мне такого почета, какой они оказали сейчас этому человеку.

Тогда братья вернулись и сели на коней. Султан, обращаясь к Шамсаддину, спросил:

— Кто этот человек, которому вы оказали такое внимание и с которым обошлись так учтиво?

Он ответил:

— О владыка, он наш отец.

Султан воскликнул:

— Ведь я много раз спрашивал вас о вашем отце, но вы говорили, что отец ваш умер, а сейчас заявляете, что этот человек — ваш отец?

Братья ответили:

— О владыка, он наш духовный отец, наставник. Вероятно, до благословенного слуха падишаха дошли имя и песни знаменитого шейха Саади, речи которого известны всему миру.

Абака-хан повелел:

— Приведите его ко мне!

Братья ответили:

— Слушаемся и повинуемся!

Спустя несколько дней Шамсаддин и Алааддин начали всячески уговаривать шейха, чтобы он пошел к Абака-хану, но он не соглашался и только говорил:

— Избавьте меня от этого и извинитесь как-нибудь перед ним.

Братья начали упрашивать его:

— Пусть шейх хотя бы ради нас пожалует к падишаху, а потом воля его.

Шейх далее рассказывал:

— Ради них я отправился и посетил падишаха. Когда я собирался уходить, падишах попросил меня, чтобы я дал ему какой-нибудь совет. Тогда я сказал:

— Из этого мира в загробную жизнь ничего нельзя унести с собой, кроме вознаграждения за добрые дела или же наказания за свои грехи. Сейчас ты волен в выборе.

Абака-хан сказал:

— Вложи эту мысль в стихи.

Тогда шейх сразу же сочинил кыту о справедливости и правосудии:

Коль подданных своих султан оберегает и хранит,
Пусть подать благо принесет ему, как пастырю людей;

Когда ж не пастырь он страны, пусть подать обратится в яд —
Берет он с верных джизию[5] в безмерной наглости своей.

(Перевод А. Старостина)

Абака-хан несколько раз переспросил:

— Кто я, по-твоему, пастырь народа или нет?

Каждый раз шейх отвечал ему:

— Если ты пастырь своих подданных, то к тебе относится первый бейт, если нет, — то второй.

Справедливость требует признать, что в наше время шейхи и ученые века не могут высказать подобные наставления даже лавочникам или мясникам!»

* * *

Через год с лишним после окончания «Бустана», то есть в 1258 году, Саади написал свое второе крупное произведение — «Гулистан». Во введении к книге поэт рассказывает об обстоятельствах ее написания.

Почувствовав приближение старости, Саади стал думать, что минувшие годы его жизни прошли даром, и он решил остаток своих дней провести в уединении и молитвах. В это время его навестил один из его старых и близких друзей и уговорил его отказаться от этого безрассудного решения. Наконец ему удалось вызвать Саади на беседу, и они отправились за город, где им пришлось ночевать в саду одного из друзей:

В саду ручей с прохладной тек водой,
И пенье птиц звучало голосистых.

Румяные плоды на всех ветвях,
Тюльпанов пестрых много, роз душистых;

В тени немало ветер расстелил
Ковров роскошных, мягких и пушистых...

(Перевод А, Старостина.)

«Утром, когда желание вернуться домой одержало верх над отрадой пребывания в саду, — говорит Саади, — вижу я, что друг мой собрался в путь, полу свою наполнив розами и гиацинтами, настурциями и цветами базилики. И я промолвил:

— Тебе ведь известно, что недолговечны розы в садах и не всегда кусты роз в цветах. Мудрецы же говорят: «Что непостоянно, то любви недостойно!»

— Что же тогда мне делать? — воскликнул он.

Я сказал:

— Для развлечения читателей и отрады всех желающих я могу написать книгу «Розовый сад» — от жестокого дыхания осеннего ветра лепестки этого сада не облетят, его радостную весну круговращение времени не обратит в унылую осень».

Поэт тотчас же приступил к исполнению своего обещания и в тот же день написал главу из книги (главу восьмую «О правилах общения»). «Когда розы в саду начали осыпаться», книга «Розовый сад» уже была готова.

Теперь возникает вопрос, каким образом Саади удалось написать «Гулистан», книгу довольно объемистую, в такой короткий срок — в течение почти трех месяцев. Это объясняется тем, что, как нам удалось установить, большинство стихов, рассказов и афоризмов «Гулистана» было написано задолго до возвращения на родину, еще во время скитаний и странствии, когда он занимался проповеднической деятельностью. Как уже было отмечено, в тексте своих проповедей Саади приводил конкретные примеры из живои действительности, яркие бытовые картины, народные поговорки и пословицы, облекая их в форму увлекательных художественных рассказов и поэтических афоризмов. Наиболее удачные из них он, по-видимому, записывал. Вот эти записанные поэтом рассказы, поговорки и пословицы (почерпнутые из народного творчества, иногда из книг) и явились основой «Гулистана». В заключение своей книги Саади специально указывает, что он, вопреки обычаю его современников, ничего не заимствовал из стихов и афоризмов предшественников.

Лучше старое рубище буду латать я —
Но зачем напрокат брать мне новое платье?

(Перевод А. Старостина,)

Иными словами, поэт использовал в «Гулистане» свои ранее написанные стихи и рассказы, «починив», отшлифовав и исправив их.

Таким образом, «Гулистан» в своих основных частях был готов уже давно, и в 1258 году Саади оставалось привести его в надлежащий вид.

Попутно следует отметить, что утверждение Саади о том, что он ничего не заимствовал из произведений его предшественников не полностью соответствует действительности. Дело в том, что в «Гулистане» есть очень много рассказов, афоризмов и даже стихов, содержание которых восходит к произведениям арабских поэтов, писателей и историков. Только словесное оформление их принадлежит Саади.

В то же время несомненно, что во время составления «Гулистана» Саади пришлось не только шлифовать и «латать» свои старые стихи и рассказы. Поэт написал и немало новых стихов и рассказов. Он облек в художественную форму многие из своих воспоминаний и впечатлений.

Книга состоит из восьми самостоятельных глав, введения, содержащего традиционное славословие Аллаху и пророку, посвящения царствующему дому и заключения.

Первые семь глав состоят из коротких рассказов, распределенных неравномерно по тематике. Общей сюжетной линии нет. Многие рассказы из разных глав легко могут быть объединены по тематике, несмотря на то что они включены в разные главы. Восьмая глава, написанная раньше всех и по типу которой первоначально была задумана вся книга, состоит из афоризмов, изречений, поговорок и пословиц и почти не содержит рассказов.

Последний рассказ седьмой главы «Спор Саади с лжедервишем», судя по тексту старейших рукописей, написан после окончания всей книги. По-видимому, поэт хотел этим рассказом защитить себя от обвинений в сочувствии угнетенным и нуждающимся. Но легко заметить, что точку зрения Саади выражает как раз его противник.

Книга написана в форме «садж», то есть прозой со включением рифмованных кусков, — одной из трех классических форм прозы. В

книгу включены стихи самых разнообразных размеров.

Форма, избранная Саади для своей книги, не была придумана поэтом. Она существовала и до Саади как в арабской, так и персидской литературе.

Но Саади превратил эту форму в самостоятельный жанр и достиг высокого совершенства. Никто из персидских поэтов не владел так мастерски рифмованной прозой, как Саади.

Язык «Гулистана» высокохудожествен, прост, понятен и лаконичен. С гениальным мастерством поэт умеет индивидуализировать язык своих героев Там, где он излагает события, его язык отличается лаконичностью и экспрессивностью. Скупыми, но исключительно выразительными штрихами он воссоздает целые картины жизни, предстающие перед взорами читателя почти с физической ощутительностью. Речи шахов выспренни, многословны, речи ученых шейхов схоластичны и книжны, а разговоры простых людей, дервишей сочны, колоритны и как бы взяты из просторечия.

Многие афоризмы, изречения и стихи Саади давно вошли в народную жизнь.

***

Как мы видели выше, детство и юность Саади совпали с периодом, предшествовавшим монгольскому нашествию, с периодом непрерывного роста городов в Иране и Средней Азии, временем бурного развития производственной и торговой жизни. В результате мощного подъема ремесленного производства, развития и усиления торговли росло и крепло ремесленное и купеческое население. Ремесленники и купечество составляли основную массу городского населения.

На страницах «Гулистана», а также и других произведений, Саади предстает перед нами человеком, для которого социальная среда города была наиболее близкой. Он выступает главным образом как выразитель интересов и идеологии ремесленников и купцов. Поэт выступает как постоянный защитник ремесла и ремесленников,

которые являются частыми персонажами его произведения. Поэт проповедует и советует всем учиться какому-нибудь ремеслу, которое, по его мнению, является самым надежным и почетным источником жизни.

Так, в одном из рассказов поэт ставит простых людей, владеющих ремеслом, выше вельмож, ничего не умеющих делать.

«Некий мудрец наставлял своих сыновей:

— Любимые дети, учитесь какому-нибудь ремеслу, ибо не заслуживают доверия богатство и мирское добро, в этом мире легко могут исчезнуть золото и серебро: или вор украдет все, или сам владелец растратит их мало-помалу; ремесло же — это живой родник и вечное богатство. Если человек, владеющий ремеслом, лишится власти, — не беда, ибо ремесло в его душе — богатство. Куда бы он ни пошел, он всюду встретит уважение, будет встречен по чести и усажен на почетном месте, а человек, не владеющий ремеслом, всегда нищенствует и терпит лишения.

Однажды смута в Сирии была
И многие покинули жилище;

Ученые, из прежних мужиков,
Пошли в вазиры, кинув пепелище,

А неучи, вазиров сыновья,
В деревне у крестьян просили пищи».

Не менее частым персонажем Саади является и купец. Он советует царям и правителям оберегать купцов, развивать торговлю, ибо страна без торговли, по мнению поэта, не может существовать.

В последние годы правления Хорезм-шахов усиление междоусобных войн и феодальных раздоров создало в стране благоприятные условия для вторжения иноземных захватчиков. Над Ираном и Средней Азией разразилась невиданная катастрофа. В 1220 году на Иран и Среднюю Азию обрушились варварские кочевые

племена монголов под водительством Чингис-хана. Предав огню и мечу города, истребив население, превратив в руины цветущие края и поработив оставшихся в живых, орды Чингис-хана разрушили производительные силы завоеванных областей. В это время особенно ухудшилось положение крестьянства. Оно подвергалось хищнической эксплуатации, жестоким притеснениям и насилию.

Хотя Саади был выходцем из городского населения и ярким выразителем его интересов, в творчестве поэта в известной степени отразились также интересы и быт, чаяния и стремления крестьянства. Но защита интересов крестьян и других обездоленных масс в творчестве Саади выразились в своеобразной и характерной для того времени форме. Саади призывает царей и правителей, ханов и эмиров не подвергать насилию и притеснению, грабежу и обидам трудящийся народ, «тех, на труде которых зиждется государство и которые составляют корень общества».

Когда поэт убеждался, что подобные поучения остаются бесплодными и не оказывают никакого воздействия на падишахов, ханов и правителей, он старался устрашать их всевозможными божескими карами и адскими мучениями.

Он постоянно напоминает сильным мира сего, что не нужно забывать о загробном мире, об огне вечном и возмездии Бога; советует им вести воздержанный, аскетический образ жизни, довольствоваться малым и не расточать народное добро, не жить в разврате и пустой, бессмысленной роскоши. Но нередко поэт предупреждал «притеснителей сердца народного» — сильных мира сего, остававшихся глухими к его наставлениям и проповедям, что народ, доведенный до крайности, может расправиться с ними, «вырвать корень жизни»:

«Рассказывают, что один иранский шах несправедливо на имущество подданных руку налагал, насилию и притеснению их подвергал. Дошло до того, что народ из-за его разбоя разбрелся по всему свету, из-за мучений, не знавших предела, стал на чужбине лучшего искать удела. Подданных стало меньше, пришла в упадок вся страна, опустела царская казна, неприятель стал одолевать царское войско».

Или:

Коль тучи комаров начнут кусать слона,
То, как он ни могуч, едва ль спасется слон.

А если муравьи на льва пойдут гурьбой, —
Как он ни яростен, ободран будет он.

(Перевод А. Старостина.)

Но в «Гулистане» поэт призывает к справедливости, угрожая, в основном, божественными карами и возмездиями тем, кто творит несправедливость.

На основе подобных призывов поэта многие востоковеды объявляли Саади мистиком, суфием, проповедовавшим умерщвление плоти, непротивление злу и призывавшим людей бросить мирскую суету и обратить свои взоры к потустороннему миру.

Это утверждение не соответствует действительности. Саади, как доказывают это хотя бы его газели, не был суфием в указанном смысле этого слова. Наоборот, в своей практической деятельности и в своих произведениях он разоблачает и клеймит позором тех суфиев, под рубищем которых скрывались самые низменные пороки, которые обманывали народ и обирали его. Он едко высмеивал и тех суфиев, цель проповеди которых объективно состояла в том, чтобы доказать бесполезность стремлений обездоленных людей к лучшей доле, к человеческой жизни.

Саади был одним из тех суфиев, которые смысл своего учения и жизни видели в служении ближнему, людям и в конечном итоге — народу. Об этом поэт говорит неоднократно:

Служи как следует народу — и это будет тарикат,
А коврик, рубище и четки о внешнем только говорят.

(Перевод А. Старостина.)

***

Творчество Саади — одно из замечательных явлений в истории культуры персидского и таджикского народов. Оно оказало огромное влияние на последующее развитие литературы. «Гулистан» вызвал к жизни десятки подражаний.

Как уже было сказано выше, «Гулистан» возник на основе народного творчества и, будучи неразрывно связан с народной культурой и традициями, с народной идеологией и мировоззрением и с народным языком, отвечал народным чаяниям. Благодаря этому книга сразу же после ее написания стала известной на всем Ближнем и Среднем Востоке, где и поныне пользуется огромной популярностью среди широких народных масс.

Большая часть афоризмов, изречений и других выражений «Гулистана» сделались народными поговорками и пословицами. В течение семи веков «Гулистан» являлся основным учебным пособием по персидскому языку и литературе не только в иранских школах, но и в тех странах, где сколько-нибудь изучались персидский язык и литература. Книга переписывалась и распространялась в массовом количестве в Иране, Средней Азии, Турции, Египте, Индии.

Поэтому не удивительно, что текст «Гулистана» уже к началу XIV века успел сильно засориться всевозможными искажениями, добавлениями и переделками. В дальнейшем количество искажений и переделок текста, вносимых либо вследствие неграмотности и небрежного отношения переписчиков, либо по другим причинам, еще более возросло. В результате значительного искажения содержания и языка книга, естественно, потеряла многие из своих достоинств.

На засоренность текста «Гулистана» обратили внимание еще в XVI веке некоторые из комментаторов и толкователей «Гулистана». Так, например, известные турецкие филологи XVI века Сурури и Суди, комментируя «Гулистан», попутно старались, по мере возможности, восстановить первоначальный текст произведения.

Однако понятно, что работы этих ученых над восстановлением текста «Гулистана» не могли привести к серьезным результатам при тогдашнем состоянии науки, да и сами работы этих ученых дошли до нас в плачевном состоянии,

«Гулистан» давно привлекал внимание русских ученых. Первый перевод «Гулистана» на русский язык был сделан еще в XVI веке. Этот перевод был сделан с немецкого перевода Адама Олеария.

Интерес к «Гулистану» в России возрос особенно в XIX веке, когда русское востоковедение окрепло.

На протяжении этого века «Гулистан» переводился неоднократно, в том числе А. Казембеком (перевод не опубликован), Назарянцем, Ламбросом, Холмогоровым и др. Из этих переводов наилучшим и наиболее полным является перевод И. Холмогорова (Москва, 1882, второе издание).

Академический перевод И. Холмогорова отличается большой точностью. Однако, к сожалению, в него перешли все неточности и ошибки, которые содержались в тексте оригинала (Стамбульское издание).

В 1922 году был опубликован перевод Е. Э. Бертельса, отличающийся исключительной точностью и правильным толкованием текста. Перевод Е. Э. Бертельса сделан со сравнительно хорошего издания персидского текста. Но он, к сожалению, неполон и включает в себя только отдельные «избранные» рассказы.

Предлагаемый перевод покоится на критическом тексте «Гулистана», подготовленного нами на основе старейших рукописей произведения. Полный поэтический перевод стихов Саади на русском языке публикуется впервые.

Рустам Алиев

ГУЛИСТАН

Во имя Бога Милостивого и Милосердного

Хвала Богу Всеславному и Всемогущему, покорность Ему приближает нас к Нему, а благодарность Ему увеличивает Его благодать, изливаемую на нас. Когда мы дышим, воздух, входя внутрь, продлевает жизнь, а выходя, обновляет наше естество. Итак, даже в каждом дыхании содержится двойная благодать, а за каждую благодать благодарность мы должны воздать.

Но где же руки, где язык найти,
Чтоб благодарность Богу вознести?

«О семя Давидово! Воздавайте деяниями за милости. Но как мало благодарных среди рабов моих!»

Тот Божий раб хорош, кто на коленях
Порог лобзает Божьего дворца,

Деяньями одними мы не можем
Добиться благосклонности Творца.

Всех окропляет дождь Его милости бессчетной; скатерть беспредельной щедрости Он всюду расстилает охотно; Он не срывает со своих рабов завесу чести за их смертные грехи, за недостойные поступки Он не лишает их насущного хлеба.

Ты и для гебров и для христиан,
Высокий, открываешь тайный клад!

Ужели ты забудешь о друзьях,
Врагам дающий множество отрад?

Он повелел фаррашу — восточному ветру — расстелить изумрудный ковер, а кормилице — весенней туче — напитать малые ростки, лежащие в земной колыбели; деревья Он одел в наряд Новруза — в плащ из зеленых листьев — и возложил на голову их детей — древесных ветвей — шапочки из цветов, празднуя весны приход; тростниковый сок по Его велению превращается в прекрасный мед, а финиковая косточка становится высокой пальмой.

Трудятся облако, ветер, луна, и солнце, и небо,
Чтобы ты хлеб мог добыть и чтоб ел ты его не беспечно;

Все услужают тебе, все воле твоей покорились,
И справедливо, чтоб воле Творца покорился ты вечной.

Предание, дошедшее до нас от венца всего сущего, гордости творений, славы человеческого рода, лучшего из людей, совершеннейшего создания от начала дней, Мухаммед а-Избранника — да благословит его бог и да пребудет с миром

Добровольный наш заступник, и пророк наш, и спаситель,
Благ совершитель, победитель, сана признаков носитель.

Когда такой защитник есть, какой же нужен нам оплот?
Зачем морских бояться волн, когда сан Ной корабль ведет?

*

Достиг вершин он совершенства, он мрак рассеял красотой,
Мы молим Бога за пророка с его друзьями и семьей,—

гласит, что, когда кто-либо из нас, рабов, несущих тяжесть оков злосчастья и грехов, возведет с раскаянием руки к чертогу Господа Всеславного и Всемогущего, уповая на Его милосердие, Всевышний Творец не остановит на нем своего взора; когда раб вторично Господа призовет, Тот снова свой взор от раба отведет; но когда в третий раз к Господу он воззовет с рыданием и мольбой, вымолвит Господь Всевышний и Всеблагой:

— О ангелы Мои, стыжусь Я своего раба — нет у него иного Господа, кроме Меня, и Я прощаю ему; благосклонно молитву его Я приму и просьбу его исполню, ибо стыдно Мне молений и стенаний раба Моего.

Как милосерден Тот, что в небесах царит,—
Раб совершает грех — Творца терзает стыд!

Ревностные служители храма Его величия признают недостаточность своего услужения, говоря:

— Мы не можем Тебе услужить так, как Ты достоин, а люди, описывающие Его благолепие, поражены изумлением и уверяют:

— Мы не знаем Тебя, как следует знать Тебя!

Ясновиденья нет у меня — и когда бы меня попросили,
Что бы мог я ответить о том, кто отличий лишен?

Ведь влюбленные сокрушены даже мыслью одной о любимой,
Как же голос расслышать того, кто навек сокрушен?

Некий благочестивый мудрец устремил свой взор в пучину размышлений и погрузился в море откровений. Когда он очнулся от этого состояния, один из друзей шутливо спросил его:

— Какой же чудесный подарок принес ты нам из сада, в который ты ходил?

Мудрец промолвил в ответ:

— Я думал, как только подойду к розовым кустам, полу свою розами наполню, в подарок друзьям. Но, когда я туда добрался, так опьянил меня запах роз, что пола моей одежды выскользнула из рук.

Учись любви у мотылька, о утренняя птица,
Погибнет он, в огне сожжен, но уст не разомкнет...

Все лжеискатели любви найти ее не могут,
А кто нашел — безмолвен он и уст не разомкнет.

*

Ты выше всего, что представить мы можем — сравнений, мечтаний, понятий,
Всего, что читаем, всего, что мы знаем и что донесли нам преданья.

Собранье окончилось, жизнь к завершенью подходит незримо и тихо,
Мы все говорим о твоих совершенствах, — лишь начали мы описанье.

Добрую славу Саади и речи его искусной, звучащую в молве народной изустной и растекшуюся по лику земному, любовь к сладким финикам его рассказов, вкушаемых, словно сахар, и распространение отрывков его сочинений, словно золотых листов, нельзя приписать совершенству его дарования и красноречия. Может быть, все дело в том, что владыка мира, ось круговращения времен, преемник Сулеймана, защитник людей веры, великий атабек Музаффараддин Абубекр, сын Саида, сына Занги, — тень Бога Всевышнего на земле (о Господи, будь доволен им и удовлетвори его желания!) обратил на Саади благосклонные взоры, выразив ему полное одобрение и искреннее расположение, и потому-то все люди, простые и избранные, единодушно полюбили его, ибо каждый из них привык следовать вере своих владык.

С поры, когда твой взор в награду был мне дан,
Щедрей, чем солнце, я свечу для разных стран.

Хоть недостатков тьма у этого раба,
Они — достоинства, коль хочет так султан.

*

Однажды мне кусок душистой глины
Дал банщик — «На, возьми-ка для мытья».

«Ты мускус или амбра», — в изумленье,
Вдыхая благовонье, молвил я.

Она: «Я — прах, но роза расцветала
Недалеко от моего жилья;

Была б я прахом, но явилась роза —
Переменилась вдруг судьба моя!

Аллах, осчастливь мусульман его долгой жизнью; его прекрасные и достохвальные добродетели умножь, его друзей и наместников возвысь, а недругов и недоброжелателей унизь; за то, что он прилежно читает Коран, его страна пусть живет безопасно, а жизнь его наследника пусть будет прекрасна!

Он счастье в мир принес — пусть сам он счастлив будет,
Пусть одоленье Бог дарит ему с небес,

Пусть возрастает ветвь сего благого корня —
Мы от благих семян высоких ждем древес!

Строгостью справедливых правителей и стараниями ученых попечителей да сохранит Творец Всевышний, Всевеликий в безопасности чистую землю Шираза — вплоть до Страшного суда!

Фарсистан не знает горя от насилья —
Им тень Бога правит, солнце наших дней,

На земле надежней не найдешь приюта,

Чем порог высокий у твоих дверей;

О несчастных душах думаешь ты вечно,
Бог же — о награде для души твоей.

Сколько б мир ни длился и ни веял ветер,
Ты на Фарс, о боже, ветром бед не вей...

Причина написания этой книги

Однажды ночью, о минувших годах размышляя и даром погубленную жизнь в памяти оживляя, камни дома сердца своего я подтачивал алмазами слез и твердил следующее стихотворение, показывавшее мое тогдашнее положение:

Один лишь вздох уходит каждый миг,
Но ты взгляни — остаток невелик!

Ты, пятьдесят проживший лет! Быть может,
Тебя пять дней оставшихся встревожат?

Уйти, не сделав дела, — это стыд!
Не взвален вьюк, хоть барабан гремит!

Не нужно спать, о путник, слишком много —
Ведь впереди неблизкая дорога!

Пришедший в мир стал строить новый дом.
Не кончив, был сменен другим жильцом.

И у другого были те ж мечтанья,
Но вот — никто никак не кончит зданья...

Неверного ты другом не зови,
Изменчивый достоин ли любви?

Пусть умереть и злым и добрым надо,
Верши добро—и в том твоя награда!

Бери припас с собою, друг, в поход, —
Потом его никто не принесет!

Жизнь — снега горсть под ярким солнцем мая,
Он тает — так о чем мечта пустая?

Пойдешь с пустым на рынок кошельком —
Боюсь, вернешься ты с пустым мешком.

Ты на корню проел свой хлеб — не диво,
Что в жатву ты получишь только жниво.

Обдумавши всесторонне эту мысль, за благо счел я поселиться в обители уединения, отказаться от дружеского общения и праздных речей избегать, чтобы потом, раскаявшись, себя не ругать:

Молчаливо сидящий в углу, прикусивший язык,
Лучше тех, кто язык за зубами держать не привык.

В это время зашел ко мне, по старому обычаю, мой друг, спутник мой на трудных караванных дорогах, мой товарищ по учению в медресе. Но как ни весел был его разговор, как он передо мною ни расстилал забавы ковер, я не отвечал на его реченья, не поднимал головы от колен поклоненья. Обиделся он на меня, поглядел и так сказал:

Ты покуда можешь говорить,
Время проводи в беседе, брат.

Завтра, как настанет смертный час,
Ведь уста невольно замолчат.

Кто-то из близких моих знакомых так сказал ему о моем решении:

— Решил он и твердо намерен остаток жизни Богу служить и в полном безмолвии жить. Возьмись и ты за ум, встань на путь воздержания.

Ответствовал мой друг:

— Клянусь величием Всевышнего Творца и старинною дружбой нашей: я и шага не ступлю, пока не завяжу с ним беседы по известному обычаю и исстари заведенному правилу. Невежливо обижать друзей, легкомысленно отступаться от клятвы своей; неблагоразумно и с рассудком мудрых людей несовместимо, чтобы меч Али лежал в ножнах, а язык Саади — за зубами:

Что такое язык, о мудрец?
Это ключ от дверей кладовой.

Как узнать, если дверь заперта —
Там алмаз иль булыжник простой?

*

Коль нужно говорить, и мудреца не бойся,
Но будь всегда учтив и зря не молви слова:

Два легкомысленных — болтающий без дела
И тот, что в нужный час замолкнет бестолково!

Словом, не хватило сил у меня удержать язык от разговора с ним, не счел я благородным отвернуть от него лицо — ведь был он искренний друг и хороший мой приятель.

Если воин ты, силы не жалей,
Враг слабее — бей; враг сильнее — бей!

В силу необходимости разговорился я с ним, и пошли мы погулять за город. То было весною, когда успокоилась ярость холодов и наступало время господства цветов:

Деревья в зеленых рубашках стоят —
Такой лишь у райских счастливцев наряд!

*

Настал урдбихишт по Джелаловой эре,
Поют соловьи на мимбарах-ветвях;

Как пот на висках разъяренной красотки,
Жемчужная влага на алых цветах.

Ту ночь пришлось нам провести в саду одного из наших друзей. То было приятное и цветущее место, верхушки деревьев там соединялись друг с другом, а земля казалась покрытой разноцветной мозаикой; сверху висел виноград, подобный красотой созвездию Плеяд.

В саду ручей с прохладной тек водой
И пенье птиц звучало голосистых,

Румяные плоды — на всех ветвях,
Тюльпанов пестрых много, роз душистых;

В тени немало ветер расстелил
Ковров роскошных, мягких и пушистых.

Утром, когда желание вернуться домой одержало верх над отрадой пребывания в саду, вижу я, что и друг мой собрался в путь, полу свою наполнив розами и гиацинтами, настурциями и цветами базилика. И я промолвил:

— Тебе ведь известно, что недолговечны розы в садах и не всегда кусты роз в цветах, мудрецы же говорят: «Что непостоянно, то любви недостойно!»

— Что же тогда мне делать? — воскликнул он.

Я сказал:

— Для развлечения читателей и отрады всех желающих я могу написать книгу «Розовый сад» — от жестокого дыхания осеннего ветра лепестки этого сада на облетят, его радостную весну круговращение времен не обратит в унылую осень.

Зачем ты сыплешь розы на поднос?
Унес бы лепесток из «Сада роз»!

Дней пять иль шесть — и розы цвет поблек.
А «Саду роз» назначен вечный срок.

Но едва произнес я эти слова, как он цветы высыпал из своей полы и схватил за полу меня, говоря:

— Великодушный выполняет свои обещания!

В тот же день я набело написал одну главу: «О правилах общения и искусстве беседы», изукрасив ее так, чтобы она могла пригодиться рассказчикам и увеличить красноречие писателей. А когда розам сада оставалось уже немного жить, книга «Розовый сад» была мною завершена. Но в действительности она будет завершена лишь тогда, когда ее прочтет и взглянет на нее взором царственной милости шах,— опора мира, тень Творца, свет Божественного милосердия, сокровище наших дней, оплот верующих людей, любимец неба, сокрушитель врагов, десница могущественного государства, светильник чистой веры, краса человечества, гордость ислама, Саад, сын Атабека великого, могущественного царя царей, владыки народов, покорившихся ему, как рабы, покровителя арабских и иранских царей, властителя суши и морей, наследника владений Сулеймана, победоносного защитника мира и веры, Абубекра, сына Занги (да продлит аллах счастие их, да возвысит их величие, да сделает благополучным исход их предприятий).

Если книгу удостоит царским взором он,
То китайские узоры расцветут по ней;

Может быть, не отвернется он, скрививши рот,
Ибо этот сад не место для пустых речей —

Ведь недаром в предисловье назван сам Саад —
Это имя скуку гонит от своих дверей.

*

Продолжая, я должен заметить, что моя книга — невеста моей мысли — не поднимет голову, стыдясь своего безобразия, и не поднимет своих печальных взоров, смущенно опущенных к земле, и не

будет блистать в обществе благородных мудрецов, пока ее не украсит своим убранством благосклонный прием великого эмира, справедливого, ученого, победоносного, поддерживаемого небом, опоры царского трона, советника в государственных делах, защитника бедняков, убежища чужеземцев, учителя мудрецов, друга праведных, гордости народа Фарса, десницы царства, царя избранных, славы, веры и мира, оплота религии и правоверных, главы султанов и царей Абубекра, сына Абинасра (да продлит аллах его жизнь, да увеличит его могущество, да расширит его грудь и да умножит его награду),— славнейшего из великих мужей под небесами, средоточия наиблагороднейших качеств!

Кто милостью великой осенен,
Пусть грешен — прав, пусть враг — стал другом он.

На каждого из его рабов и приближенных возложена определенная обязанность. Если кто-либо из них свои обязанности исполняет беспечно и нерадивость проявляет вечно, тот обязательно должен дать ответ, и ему не спастись от бед. Но для сословия дервишей, на обязанности которых лежит благодарение, восхваление и благословение великих мира сего за их благодеяния, лучше исполнять эту обязанность издалека, чем вблизи, ибо последнее близко к лести, а первое удалено от лицемерия и подобные мольбы будут быстрее услышаны Аллахом.

Стал свод небес от восхищенья прям,
Когда, царь наших дней, родился ты;

Как мудро, что Творец избрал тебя,
Чтобы спасти людей от маеты,

Как счастлив тот, кто честь свою соблюл, —
Ему не знать посмертной клеветы.

И пусть тебя не хвалят мудрецы —
Красавица живет без машшаты.

Причины моего уклонения от благой службы при дворе владыки могут быть изложены следующим образом:

Несколько индийских мудрецов рассуждали некогда о достоинствах Бузурджмихра. И только один недостаток в конце концов стал ясным для этих мудрецов: слишком уж он медлителен в разговоре, слишком уж долго обдумывает свои слова в каждом споре, так что собеседнику приходится долго ждать, пока он скажет хоть одно слово. Бузурджмихр услышал об этом мнении и так ответил: «Лучше говорить, обдумав, чем раскаиваться в сказанном».

Велеречивый опытный старик
К речам вполне обдуманным привык.

Не смей промолвить, не обдумав, слова,
Пусть медленно, но говори толково.

И собеседникам не докучай,
Замолкни прежде, чем вскричат «кончай!»

Ты от зверей отличен слова даром,
Но лучше зверь, коль ты болтаешь даром!

Это особенно верно по отношению ко мне. Если я отважусь нанизывать слова перед взорами вельмож его царского величества (да будет прославлена его помощь людям), шаха, двор которого — средоточие глубокомысленных и прибежище мудрейших ученых, то тем самым я дерзость совершу и перед его высоким величеством согрешу: ведь так уж заведено — дешевый коралл на рынке ювелиров

не стоит камня величиной всего с ячменное зерно, свет свечи не виден при сиянии солнца, а у подножия горы Эльбурс высокая башня кажется низкой.

Надменно вздымающий шею свою
Сломает ее непременно в бою.

*

Упал Саади — потому он свободен:
Ведь бьющий упавшего — неблагороден.

*

Подумав как следует, мысль излагай.
А стен без фундамента не воздвигай.

Я умею делать искусственные цветы, но я не стану предлагать их в цветнике; я торгую красавцами, но только не в Ханаане.

Лукмана спросили:

— У кого ты научился мудрости?

Он ответил:

— У слепых. Ведь они, пока не ощупают места, куда им нужно ступать, не двинут ногой.

*

Прежде чем входить, подумай о том, как ты выйдешь.

*

Сначала испытай, какой ты мужчина, потом можешь жениться.

*

Казалось бы, петух в бою — крепыш.
Но с соколом его ты не сравнишь.

И кошка — лев, коль попадутся мыши,
Но против тигра кошка — просто мышь.

Однако, будучи уверены в благородных качествах вельмож, закрывающих глаза на недостатки подчиненных своих и не разглашающих грехов людишек простых, мы запечатлели в этой книге несколько происшествий, притч, стихов, рассказов и случаев из жизни прежних царей, потратив на это часть драгоценной жизни своей. Вот причина написания книги «Розовый сад». Да поможет мне Аллах!

Пусть много лет пребудут мои стихи и книга,
Пока частицы праха не поглотит пространство

Хотя бы этот образ оставить в память жизни —
Ведь бытие людское не знает постоянства, —

И, может быть, дервишей деяния благие
В молитве упомянет честное мусульманство.

Желая соблюсти соразмерность при написании книги, распределении глав и расстановке слов, я счел за благо, чтобы этот богатый цветник и прекрасный сад, подобно раю, делился на восемь частей. Чтобы книга моя не навевала скуки, мы изложили ее в следующем порядке:

Глава первая. О жизни царей.
Глава вторая. О нравах дервишей.
Глава третья. О преимуществах довольства малым.
Глава четвертая. О преимуществах молчания
Глава пятая. О любви и молодости.
Глава шестая. О старости и слабости.
Глава седьмая. О влиянии воспитания.
Глава восьмая О правилах общения.

Приятным занимался я трудом
В году шестьсот и пятьдесят шестом.

Сказал я, где лежит стезя благая.
И удалился, богу труд вручая.

Глава первая
О ЖИЗНИ ЦАРЕЙ

РАССКАЗ 1

Слыхал я, что как-то встарь велел казнить пленника некий царь. Несчастный пленник, находясь в отчаянном положении, стал государя поносить и бранить. Ведь, как говорят, кто руки свои в ожидании смерти умоет, тот все, что у него на сердце, откроет.

В опасный час, коль некуда бежать,
Невольно схватишься за рукоять.

*

У мужа, что в отчаянье пришел,
Невольно удлиняется язык —

Так кошка, если ей спасенья нет,
Бросается на грозную собаку.

Государь спросил, что говорит пленный. Некий благородный вазир ответил:

— О владыка, он говорит: «Тот, кто гнев укрощает, тот виновных прощает».

Государь пожалел пленника и даровал ему жизнь Но другой вазир, противник первого, сказал:

— Людям нашего звания в присутствии царя разрешается говорить только правду. На самом деле осужденный бранил государя, изрыгал непристойности.

Государь, услыхав эти слова, нахмурил брови и молвил:

— Ложь, сказанная тем вазиром, мне понравилась больше правды, сказанной тобой. К добру была направлена его ложь; а ты своей ложью к преступлению влечешь. Мудрецы говорят, что ложь, преследующая благую цель, лучше правды, ведущей к бедствию.

Тот, чьим словам сам царь внимать привык.
Злодей, когда недобр его язык.

*****

Над входом во дворец Фаридуна было начертано:

Брат, этот мир останется ничьим,
К Творцу привязан сердцем будь своим!

О люди, миру бренному не верьте:
Взлелеяв, скольких он довел до смерти!

Не нужен трон, была б чиста душа —
Для смерти и циновка хороша!

РАССКАЗ 2

Одному из хорасанских царей приснился Махмуд, сын Себуктегина: все тело государя этого истлело и превратилось в прах, но глаза еще были живы, они вращались в глазницах и смотрели вокруг. Пришли мудрецы со всех сторон, но ни один из них не мог истолковать этот сон. Наконец один дервиш догадался и сказал:

— Он все еще беспокойством томим и смотрит, как его царство досталось другим.

Как много под землей героев именитых,
Но и следа уж нет от тех богатырей.

Кто предан был земле, изъеден так землею,
Что от него теперь уж нет и двух костей.

Но жив Ануширван, желавший людям блага,
Хотя давно он стал добычею червей.

Твори ж добро и жизнь не трать напрасно: скоро
Нам возвестят: «Его уж нет среди людей».

РАССКАЗ 3

Про одного царевича я слыхал, что он был низкого роста и некрасив собой, а другие его братья были высоки и красивы. Отец царевича однажды посмотрел на него с отвращением и презрением. Юноша был проницателен и сказал:

— О мой отец, ведь лучше низкорослый мудрец, чем рослый глупец. Не всякий, кто высок и строен, уважения людей достоин, ведь овца принадлежит к чистым животным, а слон — все равно, что падаль.

На земле меньше всех Тур-гора,
Но пред Богом она больше всех.

*****

Ты, верно, слышал, как худой мудрец
Такую речь с невеждой толстым вел:

«Пусть конь арабский даже очень худ —

Он лучше, чем откормленный осел».

Отец засмеялся, столпы государства одобрили речь юноши, но братья смертельно обиделись.

Покуда человек не говорит,
Неведом дар его, порок сокрыт.

Ты мнишь: все полосатое — подстилка,
Остерегись, а вдруг там тигр лежит.

Слыхал я, что в это время против царя выступил опасный неприятель. Когда войска обеих сторон двинулись друг на друга, юноша первым выступил на поле брани. При этом он воскликнул:

Моей спины в день битвы не увидишь,
Я весь в крови. Главу усыпал прах.

Со мной воюя, ты играешь жизнью,
А побежишь — урона жди в войсках.

Вымолвив это, он бросился на вражеское войско и свалил несколько ратников. Вернувшись к отцу, он поцеловал прах у его ног и вымолвил:

Меня ничтожным ты считал, так знай же,
Что не дородность — мужества исток.

В день битвы тощий конь вперед стремится,

А от коровы жирной есть ли прок?

Но врагов, говорят, большая рать нападала, а в войске царя было ратников мало. Обратились они в бегство. Тогда юноша закричал на них:

— О мужи, врагов убивайте или женский наряд на себя надевайте!

Его слова вселили храбрость во всадников, и они дружно напали на врага. Потом государь поцеловал сына в глаза и лоб и обнял его; изо дня в день оказывал ему все больше и больше внимания и наконец провозгласил его наследником. Братья, позавидовав ему, налили яда в его пищу. Сестра заметила это с айвана и хлопнула окошком. Юноша понял ее, отнял руки от еды и сказал:

— Несправедливо, чтобы доблестные мужи умирали, а бездарные их место забирали.

Под сенью совы не укроемся мы,
Коль в мире не будет волшебной хумы

Сообщили отцу о том, что произошло. Он вызвал братьев царевича и сурово побранил их. Затем он выделил каждому определенную область, так что смута улеглась и распри прекратились — ведь говорят же, что десять дервишей могут спать на одном коврике, а вот двум царям тесно в одной стране.

Святой человек лишь полхлебца откусит
И нищим скорей остальное дает;

А царь, если царство какое захватит,
Скорее спешит на другое в поход.

РАССКАЗ 4

Одно арабское разбойничье племя, на вершине горы расположившись станом, путь преградило купеческим караванам. Жителей окрестных краев этот раз-бой устрашал, а войска султана терпели от них поражение за поражением, ибо разбойники, забравшись в горы, заняли неприступные проходы, и не было для них лучшего убежища и опоры.

Правители этих краев стали совещаться о том, как бы им избавиться от беды, и решили, что, если шайка продержится еще некоторое время, ей нельзя будет противостоять.

Пока деревцо не пустило корней,
Любой его вырвет рукою своей;

Но если его много лет не тревожат,
Могучий рычаг тут едва ли поможет.

Источник засыпать лопатой — не труд,
Рекой полноводной слоны не пройдут.

Они решили человека на разведку послать, свои намерения пряча, и потом выжидать, пока не улыбнется удача. А когда разбойники напали на жителей, оставив свое гнездо пустым, правители послали туда несколько воинов, испытанных в боях, и те укрылись в горном проходе. Разбойники вернулись ночью, после набега, привезя с собой награбленное добро. Сняв с себя оружие, они разделили добычу. Тогда-то напал на них первый враг — сон. Когда прошла первая стража ночи

И солнечный диск обняла темнота,
Как будто Иону во чреве кита,

выскочили отважные воины, сидевшие в засаде, и всем разбойникам поодиночке связали руки сзади, а утром, когда занялась заря, они привели их ко двору царя. Царь приказал всех пленных казнить. Случайно среди них оказался молодой человек в расцвете ранней юности; травка на лужайке его ланит едва пробивалась. Один из вазиров поцеловал подножие трона государя, с мольбой приник лицом к земле, и промолвил:

— О царь, этот мальчик еще не вкусил плодов сада жизни и не наслаждался блаженной порой молодости. Я уповаю на доброту и великодушие царя — да окажет царь мне, рабу своему, милость и дарует ему жизнь.

Царь, услышав эти слова, нахмурился, ибо они противоречили его высоким помыслам, и молвил:

Тому, кто по природе зол, блистать душою не дано.
Дурных лелеять, что орех бросать на купол — все одно.

Лучше всего уничтожить их грязный род и вырвать корни их племени в предупреждение невзгод, ибо не дело мудрецов, потушив огонь, оставлять тлеющую золу и, убив змею, оставлять ее детеныша.

Пусть живой водою тучи землю оросят —
Все же нас плодами ивы вряд ли угостишь.

Не возись же с человеком, чья душа низка,
Сахара не даст, поверь мне, ни один камыш.

Выслушав эту речь, вазир поневоле согласился с нею, воздал хвалу благим помыслам государя и промолвил:

— То, что соизволил произнести владыка, — сущая истина. Государь прав — юноша усвоил бы этих негодяев нрав, если бы он воспитывался и доныне в их обществе. Однако ваш раб надеется, что, воспитываясь в обществе праведных людей, молодой человек усвоит их обычаи. Ведь он еще дитя, мятежный и бунтарский характер той шайки в нем еще не укрепился, а хадис гласит: «Люди рождаются только с чистой природой, и лишь потом отцы делают их иудеями, христианами или огнепоклонниками».

Супруга Лота сблизилась с дурными,
И сгинуть племени его пришлось;

Но человеком стал в пещере живший
Средь отроков правдолюбивых пес.

После этого другие приближенные царя присоединились к просьбе вазира; тогда государь даровал юноше жизнь и сказал:

— Я прощаю тебя, хотя и не считаю это полезным.

Старуха говорила: «О Рустам,
Не презирай вовеки силы вражьей —

Раздувшись, мелководная река
Верблюда унесет с его поклажей».

Как бы то ни было, царь юношу лаской и негой окружил, а его воспитание на опытного учителя возложил. Юноша усвоил придворную учтивость в обращении, научился вести изысканную беседу и делать все в соответствии с придворным этикетом. Он заслужил всеобщее одобрение. Однажды вазир в присутствии царя говорил об успехах юноши, утверждая, что разумных людей

воспитание оказало на него благотворное влияние и выбило из него прежнюю глупость, достойную порицания. Царь улыбнулся и молвил:

Волчонок станет волком, ты пойми,
Хотя б и жил он долго меж людьми.

Прошло после этого два или три года, и шайка воров из ближнего квартала связалась и завела дружбу с тем юношей; улучив удобный момент, он убил вазира и двух его сыновей, забрал несметное количество добра и обосновался на месте своего отца в пещере разбойников, превратившись в бунтовщика. Узнав об этом, царь в изумлении прикусил палец и произнес:

Из негодного железа добрый меч сковать нельзя,
И нечеловек не станет человеком, мудрецы...

Такова дождя природа, что поит он всех равно,
Но в саду растут тюльпаны, на солончаке — волчцы.

*

На солончаке не взрастим гиацинтов —
Лишь семя и труд даром тратить мы будем;

Коль делать добро будем людям лукавым —
Мы зло принесем добродетельным людям.

РАССКАЗ 5

Я видел сына одного военачальника при дворе Угульмуша. Этот юноша был до такой степени умен, проницателен, сметлив, рассудителен и приветлив, что даже трудно описать все его совершенства. Еще с детства его облик был отмечен признаками величия:

Над головой видна была всегда
Величия и мудрости звезда.

Он, конечно, понравился султану, ибо отличался благородной осанкой и духовным совершенством. Мудрецы говорят: «Могущество человека есть следствие доблести, а не богатства; величие — следствие разума, а не возраста»..

Люди его круга, позавидовав ему, обвинили его в предательстве, приписали ему сотни грязных дел, чтобы царь казнить его велел, — правда, все напрасно.

Что может сделать враг, коль ласков друг с тобой?

Государь задал ему вопрос:

— В чем причина вражды этих людей к тебе?

Он ответил:

— Под сенью покровительства государя, да продлится его царство, я угодил всем, за исключением завистников, которые до тех пор будут недовольны, пока не наступит конец моему благоденствию, — да продлится счастье. царя!

Беззлобен я; завистник, мой хулитель,
Себе ж обиду завистью творит,

Умри, завистник! — так лишь ты спасешься
От нестерпимых зависти обид.

*

Лишить желают радости счастливцев
Несчастные, что знали сотни бед.

Глаза летучей мыши днем не видят,
Ужель виновно в этом солнце? Нет!

Мышей пусть лучше тысяча ослепнет,
Но солнца пусть вовек не меркнет свет.

РАССКАЗ 6

Рассказывают, что один иранский шах несправедливо на имущество подданных руку налагал, насилию и притеснению их подвергал. Дошло до того, что народ из-за его разбоя разбрелся по всему свету, из-за мучений, не знавших предела, стал на чужбине лучшего искать удела. Подданных стало меньше, пришла в упадок вся

страна, опустела царская казна, неприятель стал одолевать царское войско.

Ты хочешь помощи, когда придет несчастье?
В дни счастия верши добро. Уйдет к врагу

Твой раб с серьгой в ушах, когда не приласкаешь;
Коль ты добро вершил — всем в уши вдел серьгу.

Однажды на царском приеме читали главу из книги «Шах-наме» — о падении власти Заххака и о возвышении Фаридуна. Вазир спросил царя:

— Как это объяснить — вот Фаридуну ни сокровищ, ни владений, ни пышной свиты не досталось в удел — как же он царством овладел?

Царь отвечал:

— Тебе же известно, что вокруг Фаридуна объединился угнетенный люд; он-то и сверг Заххака, и власть досталась Фаридуну.

Вазир сказал:

— О царь! Если народное единение — для власти источник возвышения, зачем ты разгоняешь народ, множа свое угнетение? Значит, твоя голова не создана для царствования.

Лелеять войско нужно непрестанно,
Господства корень — войско для султана.

Царь спросил:

— Каким же образом объединить вокруг себя войско и подданных?

Вазир ответил:

— Чтобы объединить народ, шах должен быть справедливым и щедрым, тогда люди будут безопасны под сенью его правления; у тебя же нет ни справедливости, ни щедрости.

Как может угнетатель быть царем,
А волк служить в отаре пастухом?

Царь, заложив основы угнетенья,
Сам подорвал устои управленья.

Благоразумные советы мудрого вазира пришлись не по вкусу царю, ибо вкус его был испорчен. Он нахмурился, разгневался и велел бросить вазира в темницу.

Через короткое время восстали родственники царя, возвратить владения отцов желанием горя. Подданные, выведенные из терпения гнетом и рассеявшиеся по чужбине, присоединились к мятежникам, умножив их силы, так что власть была вырвана из рук царя и утвердилось господство его врагов.

Коль подданных сердца их царь насильем ранит,
В ненастный день из них могучий враг восстанет.

Будь в дружбе с подданным — и войн не опасайся,
Тогда народ твоим могучим войском станет.

РАССКАЗ 7

Некий царь сел на корабль с одним тюрским гуламом. Тот гулам моря никогда не видал, морской болезни не испытал. И когда корабль двинулся в путь, он начал плакать, рыдать, всем телом дрожать и путникам надоедать. Как его ни успокаивали, он не мог прийти в себя.

Из-за этого ухудшилось настроение у царя, но никто ничего не мог поделать.

На том корабле был один мудрец. Он сказал царю:

— Если вы прикажете, я найду способ его успокоить.

— Это было бы очень хорошо и благородно с твоей стороны, — ответил царь.

Мудрец велел бросить юношу в море. Когда тот несколько раз окунулся с головой, матросы поймали его за волосы, подтащили к кораблю, и гулам поспешно влез на палубу по рулю. Потом он сел в уголок и успокоился.

— В чем суть этой мудрости? — удивленно спросил царь.

— Еще ни разу, — отвечал мудрец, — он не испытывал, насколько мучительно тонуть, и потому не знал, как ценна безопасность на корабле. Цену благополучия знает только тот, кто бедствия перенесет.

О сытый, ты хулишь ячменный хлеб,
А мне всегда его лишь подавай;

Чистилище для гурий рая — ад,
А кто страдал в аду, найдет там рай.

*****

Не сравнить того, кто нежно милую свою лобзает,
С тем, кто взглядом беспокойным в ожиданье дверь пронзает.

РАССКАЗ 8

Хурмуза спросили:

— Какой проступок заметил ты за вазирами своего отца, когда решил заковать их в цепи?

— Никакого проступка я у них не замечал, — так Хурмуз отвечал. — Однако я заметил, что они предо мной трепещут от страха и совершенно не доверяют моим обещаниям. Я испугался, как бы они, опасаясь насилия, не решили убить меня, и претворил в дело указание мудрецов, изрекших:

Бойся тех, о мудрец, что боязни полны пред тобой,
Даже если ты мог бы сразить сто подобных людей.

Так и тигр, если кошке уже от него не спастись,
Должен глаз свой беречь от ее разъяренных когтей.

И змея потому только жалит стопу пастуха,
Что страшится — вдруг камнем расплющит он голову ей.

РАССКАЗ 9

Один из арабских царей заболел. Когда он уже был совсем без сил и недуг всякой надежды его лишил, в дверях его опочивальни появился вестник, сообщивший ему радостную новость:

— Благодаря счастью царя мы захватили такую-то крепость, врагов взяли в плен, а подданные края, на силу твою взирая, покорились твоей воле.

Царь, горько вздохнув, произнес:

— Вся жизнь моя прошла в одной надежде —
Увидеть явь моей мечты заветной...

Мечты исполнились—но что в том пользы,
Коль ждать возврата дней минувших — тщетно.

*****

Смерть в барабан отъезда громко бьет.
Глаза мои, прощайтесь с головой.

Пора прощаться с пальцами, ладонь,
Пора прощаться, плечи, со спиной!

Друзья мои, на кладбище вас жду —
Меня одолевает ворог злой.

В невежестве я жизнь свою провел,
И в этом вы не следуйте за мной.

РАССКАЗ 10

Однажды, когда в соборной мечети Дамаска пришлось мне молиться у изголовья гробницы пророка Яхьи, случайно пришел туда для поклонения один из арабских царей, известный

несправедливостью своей. Он совершил намаз и стал просить Бога удовлетворить его просьбы.

И нищий и богач — рабы у Бога,
И богачу нужна его подмога.

Затем он обратился ко мне со словами:

— По свойственному дервишам великодушию и близости их помыслов к Богу, напутствуй меня своей молитвой, ибо я страшусь некоего сильного врага.

— Будь милосерд к бедным подданным, — сказал я, — и тогда сильный враг, если даже он силы утроит, тебя никак не обеспокоит!

Преступно, если руку сломишь ты
У бедняка, что отвечать не может.

Тому, кто сам упавших не щадит,
Коль упадет он, вряд ли кто поможет.

Кто, зло посеяв, добрых всходов ждет,
Того пустая лишь мечта тревожит.

Будь справедлив, вынь вату из ушей,
Не то тебя день судный уничтожит.

*

Одно сынов Адама естество,
Ведь все они от корня одного.

Постигнет одного в делах расстройство,
Всех остальных охватит беспокойство

Тебе, не сострадающий другим.
Мы человека имя не дадим.

РАССКАЗ 11

В Багдаде появился один дервиш, молитвы которого хорошо доходили до Господа. Сообщили об этом Хадджаджу. Тот вызвал дервиша к себе и попросил:

— Подай мне твое благословение!

— Господи, на него взор устреми и душу у него отними! — молвил дервиш.

— Ради бога, объясни, что это за молитва?! — воскликнул Хадджадж.

Дервиш ответил:

— Это благая молитва и для тебя и для всех мусульман.

Властитель, подданным несущий гнет,
Когда ты кончишь притеснять народ?

Едва ль в твоей нуждается он власти —
Нет, жизнь твоя страшней, чем все напасти.

РАССКАЗ 12

Один несправедливый царь спросил как-то раз у одного праведного мужа:

— Какая из дневных молитв лучше всех?

Тот отвечал:

— Лучше всего тебе спать во время полуденной молитвы, чтобы твой гнев людей не постиг хоть в этот короткий миг.

Увидевши, как в полдень спал насильник,
Я молвил: «Пусть бы вечно спал злодей».

Пусть те, чей сон бывает лучше бденья,
Умрут — к чему продленье злобных дней?

РАССКАЗ 13

Я слышал, как некий царь всю ночь до утра кутил, а кончая пьянствовать, произнес:

— В нашей жизни мы этого мига не знаем блаженней,
Мы не знаем ни добрых, ни злых и не слышим их пеней.

Какой-то дервиш, спавший в холод нагишом на улице, воскликнул:

Да, верно, что мало на свете
Счастливцев таких же, как ты,

Но если ты сам беззаботен —
Довольно у нас маеты.

Царю понравились эти слова, и он решил бросить из окна на улицу кошелек с тысячей динаров. Он крикнул:

— Эй, дервиш, держи полу!

Дервиш молвил:

— Откуда я возьму полу, если у меня нет одежды?

Царь проникся еще большей жалостью к нищете дервиша, он к кошельку еще и платье добавил; слуга этот подарок дервишу доставил.

Скоро дервиш все эти деньги прокутил и опять своим посещением царя отяготил.

Сохранится ли богатство у свободных? Никогда —
Как терпенье у влюбленных или в решете вода.

Доложили о дервише, а царю как раз было не до него. Царь рассердился и хмуро взглянул на дервиша. Имея в виду именно такие случаи, и говорят люди проницательные и мудрые, что нужно избегать гнева царей, ибо их высокие помыслы преимущественно обращены на важные государственные дела, и они не переносят толчеи простого люда.

Коль не представился еще удобный случай,
Не жди, чтоб милостив к тебе был царь могучий.

Ты в неудобный миг прошенья не вручай,
Без пользы не болтай, себя не унижай.

Царь приказал:

— Пусть убирается этот дерзкий мот, который за такое короткое время прожил столько добра от моих щедрот. Ведь средства государственной казны — хлеб бедняков, а не пища для братьев сатаны.

Когда светильник днем зажжет глупец,
То к ночи масло выгорит вконец.

Один из вазиров — советников царя — заметил по этому поводу следующее:

— Владыка, по-моему, для таких людей будет хорошо установить выдачу определенных средств к жизни через определенные промежутки времени; чтобы они не могли промотать эти средства сразу; а если ты хочешь наказать его и не пускать к себе, то я должен тебе сказать: если человек с высокими помыслами кого-либо своей милостью обнадежит, то лишать надежды и огорчать, его он уже не может.

Пред жадными людьми не отворяй дверей,
Но, раз открыв, нельзя за двери гнать людей.

*

В Хиджазе люди, жаждою томимы,
Не соберутся у солончаков.

Но там, где пресных вод источник свежий,

Найдешь людей, и птиц, и муравьев.

РАССКАЗ 14

Некий падишах нерадив был в государственных делах, а войско держал в нищете. Естественно, что, когда против него выступил сильный враг, все его воины обратились в бегство.

Не хочешь денег воину ты дать?
Не схватит он меча за рукоять!

Один из ратников, отказавшихся от службы царю, был мой друг. Я его порицал, говоря:

— Низкий, неблагодарный и нечестивый негодяй — тот, кто при малейшей перемене счастья отворачивается от своего господина и свертывает ковер благодарности за его долголетние милости.

Он ответил:

— Ты должен великодушно простить меня — на моего коня перед тем сражением не досталось ячменя. Седло же я заложил. Если царь жалеет денег для воина, то невозможно жертвовать ради него жизнью.

Дашь денег воину — и он пойдет на смерть,
Не дашь — ища еды, обрыщет он всю твердь.

*

Только сытый воин полон силы боевой,
А с пустым желудком воин не идет на бой.

РАССКАЗ 15

Некоему вазиру дали отставку. Он стал дервишем. На него оказало благотворное влияние общение с дервишами, и он достиг состояния душевной сосредоточенности. Тогда царь снова стал проявлять к нему внимание и предложил опять поступить к нему на службу. Но вазир отказался со словами:

— Отставка лучше, чем служба.

Тот, кто в углу спокойствия живет,
Псам затыкает пасть, а людям — рот,

Ломает клевету, доносы рвет,
Воздвигнув против сплетников оплот.

Государь возразил:

— Нам настоятельно необходим муж, тебе подобный, к государственным делам способный.

— Признак достойного ученого, — сказал бывший вазир, — заключается в том, чтобы не предаваться таким занятиям.

Затем слывет хума почтенней птиц других,
Что кости ест, существ не трогая живых.

*

Раз у рыси[6] спросили:

— Почему ты избрала общество льва?

— Потому, — ответила рысь, — что я питаюсь остатками его добычи, костями съеденной им дичи, и могу жить спокойно до старости, не боясь злобы врагов, под покровительством его ярости.

Тогда ей задали еще один вопрос:

— Если ты ходишь под сенью его покровительства и благодарна ему за его благодеяния, то почему

бы тебе не подойти к нему поближе, чтобы он ввел тебя в число его близких, в свиту его преданных рабов?

— Но я сама, — молвила рысь, — опасаюсь ярости льва!

Пусть гебр хоть сотни лет огонь лелеет свой,
Но упадет в огонь — сгорит он с головой.

*

Бывает, что султан приближенного к своей особе златом одаряет, но случается и так, что любимец царя голову свою теряет, так что мудрецы учат:

— Нужно остерегаться перемены в настроении царей, ибо иногда они обижаются, когда несешь им почтения дань, а иногда награждают человека просто за брань.

Говорят также, что для царских приближенных вольные шутки — доблесть, а для мудрецов — грех.

Достойным будь, степенным будь,
А шутовство—придворных путь.

РАССКАЗ 16

Один из моих друзей пришел ко мне жаловаться на несчастную свою судьбу.

— И средств к жизни,— говорил он,— у меня мало, и семья разрослась небывало, и трудно мне, понимаешь ты, тяжесть переносить нищеты. Не раз подумывал я о том, чтобы переехать в другую страну,— ведь там, как бы я ни жил, никто не ведал бы о моих удачах и неудачах.

Голод усыпляет многих — но не знаем мы про то.
Много душ рассталось с телом — не оплакал их никто.

И я боюсь врагов злорадных, которые надо мной издеваются, приписывая все трудности моей семьи отсутствию у меня благородства, и говорят:

Не увидит лика счастья
Тот бесстыжий никогда:

Для себя покоя ищет,
А детей гнетет нужда.

Тебе известно, что я кое-что смыслю в искусстве счетоводном, и если бы дали какую-нибудь работу мне из уважения к свойствам твоим благородным, я за остаток жизни сумел бы тебя отблагодарить.

— Служба у царей,— ответил я другу,— имеет две стороны: здесь и надежда на хлеб и страх за жизнь; несовместимо с рассудком благоразумных людей ради этой надежды переносить такой страх.

Никто у дервиша не станет просить,
Чтоб подать вносил он скорее за сад.

Заботы и горе покорно неси:
Заносчивым вороны печень когтят.

Друг мой воскликнул:

— Все, что сказано тобой, не относится к моему положению, ты не исполнил мою просьбу. Разве ты не слышал изречения: «Кто занимается плутнями, у того при счете руки трясутся»?

Служащих истине когда же Бог обидел?
На истинном пути погибших я не видел.

Мудрецы говорят: четверо боятся других четверых — разбойник — царя, вор — сторожа, мошенник — доносчика, блудница — мухтасиба, но у кого правильный счет, тот спокойно живет, не зная никаких забот.

Лишнего не трать на службе, и, когда пойдешь в отставку,
Враг не сможет подкопаться под строение твое;

Будь же чист и честен, братец, и не бойся никого ты:

Знаешь, прачка бьет о камень только грязное белье.

Я промолвил:

— Знаешь, к твоему положению очень подходит известная история с лисицей. Люди видели, как она бежит в ужасе, спотыкаясь, падая и вставая. Кто-то спросил ее:

— Что за бедствие приключилось с тобой? Что вызвало у тебя такой страх?

Лиса ответила:

— Я слышала, что ловят всех верблюдов, чтобы силой заставить их работать.

— Дура,— сказал тот человек,— какое отношение к тебе имеют верблюды, что между вами общего?

— Молчи,— возразила лиса.— Если завистники по злобе скажут, что я — верблюд, и таким образом меня заберут, то кто же позаботится о том, чтобы меня освободили, или о том, чтобы мое дело расследовали. Ведь пока привезут противоядие из Ирака, ужаленный змеей умрет.

— Точно так же,— продолжал я,— и с тобой. Хотя ты доблестен, честен, правдивостью и верностью известен, в засаде затаились злопыхатели, во всех углах сидят недоброжелатели. Если они донесут царю на тебя и скажут при этом, что ты обладаешь как раз противоположными качествами, а не теми, которые составляют твои добродетели, и ты предстанешь перед царем для ответа, то кто же сможет вымолвить за тебя хоть словечко? Поэтому я советую тебе беречь царство довольства малым и отказаться от стремления к высоким должностям.

На море много прибылей добудешь,
На берегу же безопасней будешь.

Выслушал друг мой эти слова, вспылил, нахмурился и стал осыпать меня оскорблениями:

— Ну и разум, ну и рассудительность! Вот так знание и проницательность! Действительно тут оправдываются слова мудреца: «Друзья познаются, когда ты в темнице, а за столом все враги кажутся друзьями».

Твой друг — не собутыльник на пиру,
Когда тебе сопутствует удача,

Но тот, кто руку помощи подаст
Среди беды, несчастия и плача.

Я увидел, что друг мой сердится и слова мои вызвали в нем только озлобление. Тогда я направился к сахибдивану и рассказал ему, как старому знакомому, о состоянии дел моего друга, рассказал о его способностях и достоинствах, так что, о нем проявив заботу. дали ему работу.

Через некоторое время заметили его прекрасные свойства, одобрили его рассудительность, его дела улучшились, и вот уже он был назначен на новую должность. Все выше поднималась звезда его счастья, все ярче горя, пока не достигла зенита милостей царя; стал он приближенным к особе султана, его советником и доверенным лицом. Я радовался его благоденствию и говорил:

Не страшись невзгод и не скорби —
Ключ с живой водою скрыт во тьме.

*

Не скорби, потерпевший от рока немало обид:
Милосердный всегда много милостей втайне творит.

*

От изменчивости счастья не криви ты рот:
Хоть терпенье очень горько, сладок плод его.

В ту пору я отправился с несколькими друзьями в путешествие. Когда я вернулся домой из паломничества в Мекку, друг мой встретил меня на дороге, за два перехода. Выглядел он жалко, был похож на дервиша.

— Что с тобой приключилось? — задал я вопрос.

— Как ты и предсказывал, несколько человек позавидовали мне. Они обвинили меня в коварстве, а царь — да пребудет он дольше на царстве — не соизволил, как надлежало бы, рассмотреть их жалобы, чтобы выявить истину, а старые друзья и близкие приятели словечка правды не проронили — прежнюю дружбу они искоренили.

Иль ты не видел, как пред тем, кто властью облечен,
Сложивши руки на груди, склоняются с почтеньем?

Когда же свалит рок его, тогда любой из тех льстецов
Готов тотчас топтать его со злобой и презреньем.

Короче говоря, меня подвергали разным пыткам, и только на этой неделе, когда была получена добрая весть о твоем благополучном возвращении из паломничества, с меня сняли тяжелые оковы и мое достояние мне вернули.

Я промолвил:

— Не послушался ты меня тогда, а я тебе говорил, что служба у царей похожа на путешествие по глади морей — оно и прибыльно, но и опасно; так и тут — или будешь ты с деньгами, иль умрешь ты, скованный цепями.

Бывает, жемчуга гребет
Хаджа обеими руками,

А иногда на берегу
Гниет он, выброшен волнами...

Но больше я не стал растравлять его душевную рану и сыпать на нее соль и закончил такими словами:

Иль не предвидел ты, что будешь ты в оковах,
Не слушая призыв, направленный к добру?

Не переносишь ты укусов скорпиона?
Так палец берегись совать в его нору!

РАССКАЗ 17

У меня было несколько знакомых дервишей с весьма благочестивой внешностью. Некий вельможа имел о них лестное

мнение и назначил им определенное содержание. Но однажды один из них совершил проступок, не приличествующий дервишам. Мнение вельможи о них изменилось в худшую сторону. Их базар опустел. Я решил помочь друзьям, чтобы сохранить им средства к жизни, и отправился к вельможе. Привратник, надо мной издеваясь, меня сначала не пустил; я ему простил. Недаром говорят:

Коль дела нет к султану, к эмиру и к вазиру,
Тогда держись подальше, о друг, от их ворот.

Собака и привратник увидят лишь чужого —
Та — за полу ухватит, за ворот схватит тот.

Узнавши о том, кто я такой, приближенные того вельможи с почетом ввели меня в дом и хотели усадить меня на высоком месте, но я из скромности отказался от такой чести, сел пониже и промолвил:

Из всех рабов ничтожный самый — я,
И мне прилична рабская скамья.

— Боже мой, что за слова! — воскликнул тот вельможа.

Пусть на голову мне ты сядешь — все равно
Тебя мне не любить, прекрасный, мудрено!

Так или иначе я присел, и мы стали говорить о том и о сем. Когда речь зашла о проступке друзей моих, я начал заступаться за них:

В чем уличил, владыка, ты несчастных,
Что подлыми назвал своих рабов?

Великий Бог, заметив прегрешенья,
Все ж смертных не лишил своих даров!

Правителю понравилась эта речь, и он велел снова выдавать средства к существованию моим друзьям в прежнем размере, а содержание за пропущенные дни возместить. Я поблагодарил за то, что он друзьям помог, почтительно поцеловал прах у его ног, попросил извинить мою смелость и промолвил, собираясь уходить:

Когда в святыню мира Кааба превратилась,
Ходить к ней толпы стали людей из дальних стран.

В бесплодные деревья зачем бросать каменья?
Терпеть нас, о владыка, велит высокий сан.

РАССКАЗ 18

Одному царевичу в наследство от отца осталось огромное богатство. Он раскрыл руку великодушия и показал пример щедрости — раздал войску и подданным обильные дары.

Если алоэ лежит на подносе,
Запаха нет у него никакого.

Брось на огонь его, если ты хочешь,
Чтобы, как амбра, заблагоухало.

Если стремишься к величью и славе,
Щедрым себя покажи пред народом,

Если ты жатвы захочешь, посеять,
Зерна, мой друг, ты обязан сначала.

Один из его приближенных, не отличавшийся разумом, стал советовать ему:

— Это богатство собрано прежними царями с превеликими трудами и оставлено на тот случай, если понадобится. Откажись от своих действий, ибо трудности еще перед тобой, а враги твои за спиной. В трудную минуту ты не должен оставаться беспомощным перед лицом врагов.

Когда раздашь амбары риса людям,
Получит каждый два иль три зерна.

Пусть серебра по зернышку даст каждый —
И доверху наполнится казна.

Царь нахмурился, услышав эти слова, ибо они пришлись ему не по душе, велел наказать советчика и молвил:

— Всевышний господь сделал меня владыкой страны, чтобы я сам пищу вкушал и других угощал; я не сторож, который должен просто охранять богатство.

Погиб халиф Гарун, владевший
Наполненными кладовыми;

Ануширван живет — по смерти

Оставил он благое имя.

РАССКАЗ 19

Рассказывают, что однажды на охоте для Ануширвана Справедливого зажарили кебаб, а соли у ловчих не нашлось. Один из его рабов отправился в близлежащую деревню, чтобы принести оттуда соль. Ануширван приказал:

— Купи соль по установленной цене, чтобы не заводился дурной обычай и не разорялось село.

— Какой же вред может принести такой незначительный заем? — спросили его.

— Основа насилия была,— сказал он,— при сотворении мира очень мала. Но потом всякий, являвшийся в мир, немного добавлял, пока оно не выросло до громадных размеров.

Пусть лишь яблоко владыка съест у подданных в саду,
Дерево с корнями вырвать злом гуламы не сочтут;

Если царь отнимет силой, незаконно, пять яиц,
Воины царя на вертел десять сотен кур наткнут!

РАССКАЗ 20

Слышал я про некоего безрассудного вазира, что он имущество подданных разорял без всякой вины, стремясь к обогащению своей

казны. Он не помнил слов древних мудрецов, говоривших: «Если кто-либо обижает Господа Всевышнего и Всеславного, чтобы завоевать сердца каких-то людей, то Бог Всевышний этих людей на него натравит и от него лик земли избавит».

И пламя не сожжет сухую руту так,
Как вздохами сожжет насильника бедняк.

Говорят, что среди животных лев — высшее, а осел — низшее; но осел, ношу таскающий, поистине лучше, чем лев, людей раздирающий.

Пусть ум осла бывает невелик,
Ему почет, коль к ноше он привык.

С поклажей вол иль ослик терпеливый
Почетнее, чем человек бранчливый.

Однако вернемся к рассказу о безрассудном вазире. В конце концов царь узнал о его злодеяниях, стал его допрашивать, и тот умер под пыткой.

К тебе султан не будет благосклонен,
Коль будешь ты жесток к его рабам;

Ты хочешь милосердия господня —
Будь милосерд к господним людям сам.

Говорят, что кто-то из обиженных тем вазиром людей посетил его могилу и, подумав о его печальной кончине, сказал:

Могуч ты саном и десницей крепок —
Но все же бойся грабить свой народ;

Огромнейшая кость пройдет сквозь горло,
Но, до пупа дойдя, пронзит живот.

*

Недолго проживет тиран-злодей,
Но вечен он в проклятиях людей.

РАССКАЗ 21

Рассказывают, что некий военачальник бросил камень в дервиша и попал ему в голову. Не имел возможности отомстить тот нищий и хранил этот камень у себя в жилище. Однажды разгневался на военачальника царь и бросил его в яму. Дервиш к яме подошел скорее и бросил тем самым камнем в голову злодея.

— Кто ты такой и почему ты бросил в меня камень? — закричал тот.

— Я — такой-то, а камень — тот самый, который ты бросил мне в голову тогда-то.

— Где же ты столько времени был? — промолвил тот.

— Меня пугал твой высокий сан,— ответил дервиш,— но теперь, когда я увидел, что тебя посадили в яму, я воспользовался удобным случаем.

Увидя, что счастлив достойный худшей доли,
Разумный промолчит, судьбы покорный воле;

Коль на твоих руках могучих нет когтей,
Со злыми не борись, страшись дурных людей.

Не трогай силача с десницею железной —
Руками что махать, коль это бесполезно?

Но если по рукам злодея свяжет рок —
Бей в голову его — не будешь одинок!

РАССКАЗ 22

Какой-то царь страдал болезнью ужасной, о которой предпочтительно не упоминать напрасно. Несколько греческих врачей решили, что от этой болезни нет иного лекарства, чем желчь человека, обладающего определенными качествами. Царь приказал такого человека разыскать. После долгих беспокойств нашли дихканского сына, обладателя указанных свойств. Царь призвал к себе отца и мать того юноши, наградил их бесчисленными дарами, а судья вынес решение, что кровь одного из подданных пролить позволительно, если это будет для жизни падишаха спасительно. Вот уже палач приготовился отсечь юноше голову. Меж тем тот поднял голову к небу и улыбнулся. Царь спросил его:

— Что же рассмешило тебя, когда ты находишься в таком положении?

Юноша сказал:

— Родители должны заботиться о детях своих; к судье идут за разрешением тяжб любых; у государя ищут защиты от притеснителей злых. А теперь родители мои ради бренных мирских благ согласились, чтобы была пролита моя кровь, судья вынес приговор, чтобы меня казнили, а султан ищет в моей смерти исцеления. Я не вижу опоры ни у кого, кроме Господа Всевышнего и Всеславного.

Обиженный тобой, к кому я прибегу?
Суд на тебя найти лишь у тебя могу!

От этих слов у султана сжалось сердце, из глаз потекли слезы, и он промолвил:

— Лучше я умру, чем пролью невинную кровь!

Он поцеловал юношу в голову и глаза, обнял его, бесчисленными благами наградил и от казни освободил. Говорят, что на той же неделе он исцелился.

Помню стих, что сказал мне у нильского брега в Египте
Раз погонщик слонов — в нем немалая мудрость видна:

«Хочешь знать, каково муравью под твоею пятою?
Точно так, как тебе, если ты под пятою слона!»

РАССКАЗ 23

Один из рабов Амра ибн Лейса бежал. Люди Амра ибн Лейса по его следам пошли и назад его привели. Вазир Амра ибн Лейса питал к этому рабу тайную злобу и велел его казнить — якобы для того, чтобы

другим рабам подобные проступки возбранить. Несчастный раб простерся на земле перед Амром и промолвил:

Коль ты одобрил,— не ропщу,
Каков бы ни был мой удел;

На что же сетовать рабу,
Когда владыка так велел?

Однако, так как я вскормлен милостями этого дома, я не желаю, чтобы в день Страшного суда тебя привлекли к ответу за мою кровь. Поэтому, если ты бесповоротно решил меня казнить, нельзя ли к моей казни решение шариата применить, чтобы в день Страшного суда не постигла тебя беда.

— Какое же решение шариата должен я применить?

— Разреши мне вазира твоего убить,— ответил раб,— и в качестве мести за убийство прикажи мою кровь пролить; тогда я буду убит по праву и согласно справедливому уставу.

Царь, рассмеявшись, спросил вазира:

— Что ты думаешь по этому поводу?

— О владыка,— ответил вазир,— ради покоя могилы твоего отца я прошу отпустить этого наглеца, чтобы он не вверг меня в беду. Тут виноват я сам — нужно было верить древним мудрецам; они говорили:

Коль ты не хочешь быть глупцом — не суйся с пращником в борьбу;
Неровен час — вдруг камнем он проломит голову твою;

Когда врага разишь стрелой — остерегайся, как бы враг
Тебя стрелою не пронзил в завязанном тобой бою..

РАССКАЗ 24

У царя Заузана был некий великодушный и благородный хаджа. Всем людям он услуги стремился оказывать обычно, а в их отсутствие отзывался о них отлично. Но какой-то поступок хаджи не понравился царю, и тот приказал имущество его отобрать и самого примерно покарать. Но сарханги царя за прежние его благодеяния хадже признательны- были и долга благодарности не забыли — пока он сидел, в заключении мучась, они всячески облегчали его участь и не позволяли никому его обижать и тревожить.

С врагом дружить ты хочешь? Пусть он тебя хулит,
Но ты при нем любезно открой хвалы врата!

Устами только может хулитель говорить —
Не хочешь слушать горечь? Так медом смажь уста!

Часть обвинений царя ему удалось отвести, но из-за остальных приходилось ему еще сидеть в темнице. Один из соседних царей отправил хадже тайное послание, в котором писал:

«Цари твоей страны не поняли, сколь достоин такой вельможа, и тебя оскорбили, совесть свою не тревожа. И если твоя возвышенная душа — да ускорит твое освобождение Бог — обратит свою благосклонность в нашу сторону, то мы проявим величайшее усердие, чтобы ублаготворить твою душу. Вельможи нашей страны жаждут тебя лицезреть и как можно скорее получить ответ на эти слова».

Получив это письмо, хаджа поразмыслил, что благоприятный ответ может навлечь на него много бед, и тут же на обороте написал несколько слов, какие полагал нужными, и отправил их. Об этом узнал один приближенный царя и сообщил царю:

— Такой-то, тобою в темницу заключенный, ведет переписку с царями других стран.

Царь вспылил и велел выяснить это дело. Гонца схватили, письмо прочитали. Хаджа в нем говорил:

«Благосклонность Вашего величества к нам превышает наши достоинства, и Ваш раб не имеет возможности принять посланное Вами предложение, ибо мне издавна знакомы милости этого дома, и из-за малой перемены благосклонности я не могу изменить своему благодетелю.

Если кто всю жизнь был только благодетелем твоим,
Пусть тебя не раз обидит — все же ты не ссорься с ним».

Царю понравился благородный поступок хаджи, он одарил его почетным одеянием и другими дарами и попросил у него прощения, говоря:

— Я ошибся и безвинно обидел тебя!

— В этом случае твой раб,— ответил хаджа,— не видит, чтобы государь совершил какую-нибудь ошибку. Быть может, то была воля всевышнего владыки, пожелавшего в величии своем, чтобы неприятность случилась с твоим рабом. А тогда чего же лучше, как пострадать от твоей руки — ведь ты постоянно благодетельствовал рабу, оказывал ему милости своими руками — а ведь недаром говорится между мудрецами:

Когда с тобой беда — ты не вини людей,
Не в них начало благ, не в них исток скорбей.

От Бога — спор с врагом и против друга злоба,
Велениям Его они послушны оба.

Пусть лук метнул стрелу, но если ты мудрец,
То ты легко поймешь, что выстрелил стрелец.

РАССКАЗ 25

Один арабский царь велел служащим своего дивана:

— Удвойте такому-то жалованье, ибо он в делах дворца прилежен и в исполнении приказов не небрежен, в то время как другие слуги развлечениям и забавам предаются ретиво, а к исполнению своих обязанностей относятся нерадиво.

Некий благочестивый муж, услыхав об этом, воскликнул:

— Повышение степени рабов у престола Бога Всевышнего и Всеславного очень похоже на действия этого царя.

Когда два раза царь в рабе усердье встретит,
Он в третий раз его улыбкою приветит.

Кто, преданный Творцу, прильнет к Его стопам,
Надежд исполненный, Его покинет храм.

Кто служит воле Бога, тот велик...
К непослушанью низменный привык.

*****

И праведник, высоко чтущий Бога,
Главу склоняет у Его порога.

РАССКАЗ 26

Один жестокий человек, как говорит молва, по дешевке покупал у бедняков дрова; как и подобает злодеям, он с выгодой перепродавал их богатеям. Некий благочестивый муж, проходя мимо него, воскликнул:

Ты — что змея: кусаешь, как увидишь,
Иль что сова — любого ты обидишь.

Пусть на людей ты нагоняешь страх —
Ничтожен ты пред Богом в небесах.

Не нужно над людьми творить насилья —
Проклятия людей имеют крылья!

Притеснитель, обидевшись на эти слова, нахмурился, но не обратил внимания на предостережение. И вот однажды ночью огонь из кухни перекинулся на дровяной амбар; все его имущество сгорело, и вместо теплой постели ему пришлось сидеть на горячем пепле.

Случайно тот же самый благочестивый муж опять проходил мимо его дома и услышал, как тот человек говорит своим друзьям:

— Не знаю, откуда залетел огонь в мой амбар!

Благочестивый муж воскликнул:

— Это огонь из дыма вздохов бедняков!

Побойся вздохов раненых сердец:
Ведь пламя мечет раненая грудь.

Коль можешь, ты не рань сердец чужих —
Ведь вздохи могут мир перевернуть...

На венце Кейхосрова было начертано:

«Много долгих лет и долгих жизней
Будет человек топтать наш прах;

Царство нам из рук чужих досталось - -
Значит, быть ему в чужих руках!»

РАССКАЗ 27

Некто был в искусстве борьбы среди совершенных; знал триста шестьдесят приемов драгоценных и каждый день боролся по-другому. Как-то раз сердце борца склонилось к одному из учеников, обладавшему благородной внешностью, и он обучил его тремстам пятидесяти девяти приемам. Только последний прием он все никак не показывал и медлил. Юноша достиг совершенства по силе и ловкости, и с ним уже никто не мог тягаться из борцов того времени. Однажды он даже сказал царю той страны:

— Я только потому признаю превосходство учителя надо мной, что он старше меня и я обязан ему воспитанием. А вообще-то силой я ему не уступаю, а искусством я ему равен.

Царю эти слова грубыми показались, он велел, чтобы борцы перед ним состязались. Приготовили просторное поле, собрались его величества вельможи и столпы государства тоже, собрались и силачи той страны. Вышел юноша, подобный свирепому льву; он был настолько полон сил, что, если бы перед ним была железная гора, он бы ее свалил. Учитель понял, что юноша превосходит его силой. И вот он схватился с ним при помощи того редкого приема, который он держал про себя. Юноша не сумел отразить его, учитель поднял его над головой и грянул оземь. Люди подняли шум. Царь повелел одарить учителя драгоценными одеждами и другими дарами, а юношу, наказав, пристыдил:

— Ты хвастался, что сможешь победить своего воспитателя, а ведь вот — не справился!

— О царь,— отвечал юноша,— он одержал надо мной победу не потому, что он сильнее меня, а потому, что в искусстве борьбы мне

оставался неизвестным один прием, который он скрывал от меня. Вот этим приемом он и победил меня сегодня.

— Ради этого дня,— сказал учитель,— берег я этот прием, ибо мудрецы говорят: «Не давай чужому такой силы, чтобы он мог одолеть тебя, если станет враждовать с тобой». Разве ты не слыхал, как говорил человек, обиженный своим воспитанником:

Иль верности не знает вовсе мир,
Иль позабыл с сегодняшнего дня —

Но все, кого стрельбе я научил,
Потом мишенью сделали меня...

РАССКАЗ 28

Некий дервиш-отшельник постоянно сидел в своем укромном углу. Некий царь навестил его, но дервиш — поскольку уединение есть царство довольства,— не поднял даже головы и не выказал благосклонности к царю, а тот, в силу царского величия, возмутившись, воскликнул:

— Это племя одетых в рубища скотам подобно, оно ни достойно жить, ни разумно рассуждать не способно!

Вазир обратился к дервишу со словами:

— О доблестный муж, царь земли посетил тебя, что же ты его должным образом не поздравил, не выполнил вежливости правил?

— Скажи царю,— ответил дервиш,— чтобы он ждал угодничества от того, кто ждет от него милостей. И пусть он знает также, что цари существуют для того, чтобы охранять подданных, а не подданные для того, чтобы повиноваться царям!

Хранитель бедных — каждый государь,
Хотя на нем величия печать;

Нет, овцы не живут для пастухов —
Пастух живет, чтоб их оберегать.

*

Сегодня видишь ты: один — счастливец,
Другой страдает, бедный, в изнуренье.

Но подожди — и мозг самодовольный
Печальною добычей станет тленья,

И царь не будет от раба отличен,
Когда завет свершится провиденья.

Разрой могилу — в ней богач иль нищий?
Нет, ты не отличишь их, без сомненья,

Речь дервиша произвела на царя большое впечатление. Он молвил:

— Проси у меня все то, чего хочешь!

— Прошу тебя,— ответил дервиш,— не беспокоить меня в другой раз.

— Тогда дай мне какой-нибудь совет,— попросил царь.

Дервиш ответил:

О ты, владеющий богатствами беспечно!
Знай, от одних к другим богатство бродит вечно!

РАССКАЗ 29

Один вазир обратился к Зуннуну египетскому, прося у него благословения. Он говорил:

— Днем и ночью, неустанно занят я на службе у султана, на благодеяния его уповая и в страхе перед гневом его изнывая!

Зуннун, зарыдав, ответил:

— Если бы я боялся Всеславного, Всевышнего Владыки так же, как ты боишься царя, предо мной открылась бы дорога в сонм приближенных Бога!

Дервиш давно б поднялся в небеса,
Когда б его не трогал дольный мир;

Когда бы Бога так же почитал,
Как шаха — был бы ангелом вазир.

РАССКАЗ 30

Некий царь приказал убить невинного человека. Тот сказал ему:

— О царь, не ввергай себя в бедствие из-за той злобы, которую ты сейчас питаешь против моей ничтожной особы. Ведь казнь надо мной совершится в одно мгновенье, а грех вечно останется на тебе.

Вечное время, как ветер в пустыне, проходит,
Горечь проходит, потом чередой благостыня проходит:

Думал насильник, что гнет он над нами вершит —
Гнет над собой он свершил, для нас же он ныне проходит!

Это наставление показалось царю справедливым, и он не стал казнить того человека.

РАССКАЗ 31

Вазиры Ануширвана однажды рассуждали о важном государственном деле. Каждый из них высказывал свои соображения. Царь тоже несколько слов произнес, как он смотрит на этот вопрос. Бузурджмихр присоединился к мнению царя. Другие вазиры тайно спросили его:

— Какое же преимущество ты обнаружил в мнении царя перед соображениями стольких мудрецов?

— Исход дела,— молвил Бузурджмихр,— еще неизвестен, и мнение любого из нас, ведает бог, может или оправдаться, или оказаться ошибочным. Итак, лучше всего присоединиться к мнению царя, ибо если даже оно окажется неправильным, я все же избегну его упреков благодаря тому, что выразил свое согласие с ним.

Желаешь в собственной крови мыть руки?
Тогда перечь словам султана, друг!

Пусть днем он скажет: «Это ночь». Ответствуй:

«Да, вон луна и звездочки вокруг».

РАССКАЗ 32

Некий плут себе пряди на висках закрутил и о себе как о потомке Али всем возвестил. Он прибыл с караваном из Хиджаза в какой-то город, а заявил, что возвращается из паломничества. Потом он преподнес царю касыду, заверив, что он сам ее сочинил. Царь богато одарил его, осыпал его почестями и благодеяниями. Один из приближенных к особе падишаха, прибывший в том же году из морского путешествия, воскликнул:

— Да я видел его во время праздника жертвоприношения в Басре! Как же он стал паломником?

Другой молвил:

— Да ведь отец его малатийский христианин, как же он стал потомком Али!

А стихотворение его обнаружили в диване Анвари... Царь приказал избить плута и изгнать его за ложь. Тот сказал:

— О владыка земного лика! У меня осталось еще несколько слов, позволь мне сказать их. Если они не будут верны, то я достоин любого наказания, какое тебе будет угодно назначить!

— Что это за слова? — спросил царь.

Тот молвил:

Когда чужеземец тебе принесет простоквашу,
Две чашки воды в ней найдешь, молока только ложку,

Тебе я наврал, но обиду ты выкинь из сердца —
Кто мир повидал, разве станет он врать понемножку?

Царь рассмеялся и сказал:

— Во всей жизни своей ты, наверно, не говорил более справедливых слов.

Он приказал дать обманщику все, что тот пожелает, и плут ушел довольный.

РАССКАЗ 33

Один вазир был добр к подчиненным, он нередко за них радел, старался содействовать благому исходу их дел. И вот случилось так, что он предстал перед судом царя. Все придворные старались спасти его, приближенные царя помогали ему во время его опалы, а вельможи неустанно говорили о его добродетелях, так что царь простил ему вину. Некий благочестивый муж, узнав об этом, воскликнул:

Кто хочет покорить сердца друзей,
Пусть даже сад отцовский продает:

Чтоб доброй воли вскипятить котел,
Пусть дома тряпки старые сожжет.

И злому должен делать ты добро —
Ведь костью ты заткнешь собаке рот.

РАССКАЗ 34

Один из сыновей Гарун-ар-Рашида пришел к отцу озлобленный и заявил ему:

— Сын такого-то военачальника обругал меня!

Гарун спросил у столпов государства:

— Как, по-вашему, следует наказать такого человека?

Один предложил казнить его в тот же миг, другой— отрезать ему язык, а третий — отобрать у него имущество и изгнать.

Тогда Гарун сказал:

— О сынок, великодушно будет простить его, если ты не можешь простить, обругай его сам, но смотри, чтобы возмездие не превысило меру, ибо тогда ты окажешься виновен в насилии, а противник будет иметь право жаловаться на тебя.

Мы не того мужчиною зовем,
Кто яростыо сравнится со слоном;

Кто в сильном гневе чепухи не мелет,
«Вот он мужчина», — говорим о нем.

*

Кого-то грубый обругал дурак,
Тот все стерпел и вымолвил: «Добряк!

Что б ни сказал ты, я гораздо хуже:
Ты знаешь только видное снаружи».

РАССКАЗ 35

Как-то раз я был с несколькими вельможами на корабле; неподалеку от нас перевернулась лодка. Два брата упали в пучину. Один из вельмож сказал матросу:

— Спаси этих братьев, я тебе дам по пятьдесят динаров за каждого!

Матрос бросился в воду и спас одного из них, но другой утонул. Я воскликнул:

— Ему было не суждено жить, поэтому ты медлил его вытащить и поспешил к другому!

Матрос рассмеялся и сказал:

— То, что сказал ты, справедливо, но я сам одного спасал более ретиво. Как-то раз я отстал в пустыне от каравана, и пришлось бы мне худо, но он посадил меня на верблюда; а другой мне тоже знаком,— я в детстве от него получал удары бичом!

Молвил я:

— Истинно сказал господь: «Кто творит добро, тот творит его для себя, кто делает зло, тот причиняет его себе!»

Не нужно раны растравлять чужие —
Ведь твой неверен будущий удел.

Несчастным помоги дела уладить:
И у тебя найдется много дел.

РАССКАЗ 36

Жили два брата. Один служил у султана, а другой добывал хлеб трудом своих рук. Однажды сказал богатый бедному:

— Почему бы тебе не поступить тоже к султану, чтобы избавиться от непосильного труда?

Тот ответил:

— А почему бы тебе не начать трудиться неустанно, чтобы избавиться от унижения службы у султана? Ведь и мудрецы говорят: «Есть свой хлеб и спокойно сидеть лучше, чем золотой пояс службы надеть!»

Ты лучше горячую известь мешай обнаженной рукой,
Но, руки скрестив пред эмиром, ему услужая, не стой.

*****

Ты жизнь дорогую проводишь в заботе —
«Что летом мне есть, что надеть мне зимою?»

О глупое чрево! Хоть коркой питайся,
Но спину не гни перед властью земною...

РАССКАЗ 37

Кому-то довелось принесть Ануширвану Справедливому добрую весть:

— Я слышал, такого-то врага твоего прибрал Господь Всевышний и Всеславный.

— А ты не слыхал,— спросил Ануширван,— оставит ли господь в живых меня?

Если враг скончался, не ликуй беспечно —
Ведь и сам ты тоже жить не будешь вечно.

РАССКАЗ 38

Несколько ученых в присутствии Хосрова сидели и рассуждали о каком-то важном деле. Но Бузурджмихр, самый великий из них, почему-то сидел молчалив и тих. Спросили его:

— Почему ты не участвуешь с нами в этом споре?

Молвил он:

— Ученые подобны врачам, а врач дает лекарство только больному. Я вижу, что ваше решение правильно, и после этого мне нет смысла говорить.

Коль без меня найдется правды нить,
То что же мне об этом говорить?

Когда идет слепой, а дальше яма,
То будет грех, коль я смолчу упрямо.

РАССКАЗ 39

Когда Египетское царство досталось Гарун-ар-Рашиду, он заявил:

— Назло нечестивцу царю, который, гордясь завоеванием этого царства, притязал на божественность, я Египет самому презренному рабу подарю.

Был у него негр по имени Хусейб; ему-то и подарил он Египетское царство. Говорят, что этот негр был до такой степени «разумен» и «понятлив», «проницателен» и «прозорлив», что однажды, когда к нему пришло несколько египетских землепашцев с жалобой на то, что они посеяли хлопок и вдруг в неурочное время пошли дожди и все погибло, он ответил:

— Нужно было сеять шерсть!

*****

Когда бы людям хлеб давало знанье,
Невежда не достал бы пропитанья.

Но часто так невежда награжден,
Что и мудрец бывает поражен.

Удача, счастье — не вознагражденье
Учености: все в воле провиденья.

И в мире, знаем мы, бывает так:
Унижен умный, вознесен дурак.

Алхимик гибнет средь трудов, печален,
Дурак находит клад среди развалин.

РАССКАЗ 40

Одному из царей земли китайскую невольницу привезли; пьяный, он хотел овладеть ею. Невольница воспротивилась, царь разгневался и подарил ее одному негру, у которого верхняя губа с ноздрями смыкалась, а нижняя до самого воротника опускалась. Это была такая образина, что при виде ее испугался бы сам дьявол Сахр; из-под мышек негра пахло серой.

Не сравниться красотой с Юсуфом
Никому до Страшного суда,

И урод подобный не родится
На земле просторной никогда.

*

Он был настолько страшен и уродлив,
Что невозможно описать словами,

И так под мышкой у него воняло,
Как в знойный день мурдада в сточной яме.

Говорят, что страсть негра тогда была разожжена и душа его была похотью одолена. Возбудил он в невольнице страсть и снял с нее печать. Утром царь начал искать невольницу и не нашел. Ему рассказали о случившемся. Он приказал, полный ярости и жажды мести, негра и невольницу крепко связать вместе и сбросить с крыши дворца в глубокую яму. Один из добрых вазиров, приникнув с мольбой лицом к земле, молвил:

— Несчастный негр не виноват, ведь все рабы и слуги привыкли от царя ожидать наград!

Царь воскликнул:

— Что бы случилось, если бы он потерпел одну ночь и не овладел ею? Я одарил бы его больше, чем стоит невольница!

— О владыка,— ответил вазир,— разве ты не слыхал, что:

Кто, мучим жаждой, подойдет к источнику с водою чистой,
Не испугается слонов, ревущих грозно и свирепо.

Голодный еретик, зайдя в пустой, обильный пищей дом,
Ужели вспомнит рамазан? И думать-то о том нелепо.

Царю понравилась эта остроумная притча, и он сказал:

— Ладно, того негра я тебе подарю, но что же с невольницей делать царю?

— А невольницу подари негру,— ответил вазир,— ибо его объедок достоин только его самого!

Не нужно дружбою дарить того,
Кто ходит в недостойные места.

Лишь в страшной жажде к влаге ты прильнешь,
Что пили и зловонные уста.

РАССКАЗ 41

Спросили Искандера:

— Благодаря чему на твою долю пал такой счастливый удел, что ты всеми странами Запада и Востока овладел? У прежних царей было больше богатств и войск, чем у тебя, но такой победы никому из них не удавалось одержать.

Искандер ответил:

— Я не обижал подданных, а имена царей тех стран, которых престол мне при помощи Всевышнего и Всемогущего Бога был дан, я поминал только добром,— видно, все дело в том.

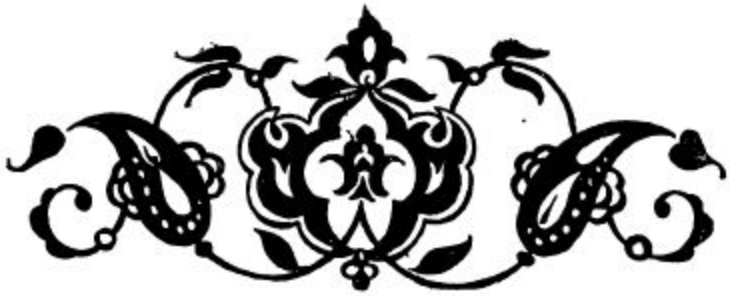
Великим никогда не будет назван тот,
Кто доблестных мужей дурными назовет.

*

Все преходящее в мире ничтожно, пойми же:
Право вязать и решать, и богатство, и трон.

Доброе имя усопших чернить неуместно,
Коль одобрения хочешь грядущих времен...

Глава вторая
О НРАВАХ ДЕРВИШЕЙ



РАССКАЗ 1

Один вельможа спросил у набожного человека:

— Что ты скажешь о таком-то отшельнике? Иные говорят о нем, не поминая его добром.

Набожный человек ответил:

— Снаружи недостатков я в нем не наблюдаю, а что внутри сокрыто,— о том не гадаю.

Коль видишь человека, дервиша по одежде,
Считай — то настоящий дервиш перед тобой!

В его душе не надо столь тщательно копаться —
Ведь мухтасиб не входит во внутренний покой.

РАССКАЗ 2

Видел я одного дервиша, который, припав к порогу Каабы, говорил:

— О Великодушный, о Милосердный, Твои отверсты вежды, Ты сам знаешь, чего можно ожидать от меня, жестокосердого невежды.

Молю Тебя — прости плохое поклоненье,
Ничтожны все дела моих неловких рук;

Ослушник — тот в грехах приносит покаянье,
И молит набожный зачтения заслуг.

Благочестивые люди просят награды за свое служение, словно купцы платы за свои товары. Я же с собой несу только надежду, а не служение, и пришел я просить милостыни, а не торговать. Поступай же со мной сообразно с моими достоинствами.

Убьешь меня, простишь — всегда паду я ниц,
Покорности раба Ты не найдешь границ.

*****

Я слышал, как молил один страдалец
У врат Каабы, горестно тоскуя:

«Прости мои, о Боже, прегрешенья,—
А исполненья просьб иных не жду я!»

РАССКАЗ 3

Видали Абдалькадира Гилянского, да помилует его Бог, в храме Каабы. К праху лицом склонен, так говорил он:

— Господи, прости меня! Если же мне непременно суждено нести наказание за мои прегрешения, то слепым меня воскреси в день светопреставления, чтобы не посрамиться мне перед лицом праведных людей.

Поднявшись на заре, молю вседневно,
Упавши со смиреньем в прах лицом:

«О Ты, Кого я повседневно помню,
Хоть миг Ты помнишь о рабе твоем?»

РАССКАЗ 4

Пробрался вор в дом одного набожного человека. Сколько он ни искал что украсть, так и не удалось ему ни на что напасть. Вор очень расстроился. Праведник, узнав об этом, под ноги вору, вынув из-под себя, бросил свой единственный ковер, чтобы только не ушел ни с чем этот вор.

Я слышал — человек благочестивый
Не может огорчать сердца врагов.

Но разве ты достоин совершенства?
Ты даже с другом враждовать готов!

Любовь праведников к людям одинакова как в их присутствии, так и в их отсутствии, а не такова она, чтобы они злословили о тебе за твоей спиной и готовы были умирать за тебя, стоя перед тобой.

Перед тобой овечкой притворится,
А за спиной твоей — он волк, убийца.

*

Кто пред тобой других поносит, раздражен —
В присутствии других тебя поносит он.

РАССКАЗ 5

Несколько странников в Мекку совершали путешествие и разделяли все радости и бедствия. Я хотел присоединиться к ним, но они не согласились. Я молвил:

— Не подобает великодушному нраву благородных людей отворачиваться от общества бедняков и отказывать им в добрых услугах. В душе своей я вижу столько силы и выносливости, что могу быть для таких людей, как вы, другом и скороходом, и я не буду вам в тягость.

Пусть я и не поеду на коне —
Но дайте понести попону мне.

Один из них вымолвил:

— Не огорчайся из-за услышанных тобою слов. Дело в том, что на днях под видом дервиша к нам подошел один вор и нанизал себя на нитку нашего общества.

Как можно знать, кто под одеждой скрыт?
Писец лишь знает, что письмо гласит.

В силу того, что дервишам свойственна доверчивость, мы, подозрений не тая, приняли его в наши друзья.

Хоть рубище — дервишей одеянье,
Но их отличье — к ближнему вниманье.

Будь добр в делах — а там носи венец

Иль в бармы облачайся наконец.

Благочестив лишь тот, кто бросил страсти,
Лохмотья не спасают от напастей.

Доспехи не на муже — просто груз,
Напрасно б взял оружье в руки трус.

Однажды мы шли весь день, пока не сгустилась вечерняя тень, и ночью легли спать у стен одного замка. Бессовестный вор взял кувшин одного из товарищей и сказал, что идет совершать омовение. На самом деле он шел воровать.

Хотя по виду он дервиш, хотя в лохмотья облачен,
Святое платье превратил в ослиную попону он.

Едва скрывшись из виду, вор пробрался в замок и стащил там какую-то шкатулку. До рассвета этот злодей ушел далеко, пока его товарищи спали невинным сном. Утром загнали нас всех в замок и бросили в темницу... С того дня мы отказались от общества незнакомых и встали на путь уединения, ибо безопасность — в одиночестве!

Когда из племени один дурной поступок совершает,
И малым и большим хлебнуть придется горького стыда;

Иль не слыхал: коль на лугу одна есть грязная корова,
То замарать всех остальных не будет стоить ей труда?

— Слава и благодарность богу,— воскликнул я,— что я не лишился благословения дервишей, хотя внешне и остался вдали от их общества. Из вашего рассказа я великую пользу извлек, и на всю жизнь мне и мне подобным пригодится этот урок.

Один невежа, к мудрецам попав,
Испортит жизнь их, проявив свой нрав.

Пруд может пахнуть розами. Однако
Он засмердит, коль будет в нем собака.

РАССКАЗ 6

Некий подвижник был в гостях у царя. Когда сели за трапезу, он съел меньше, чем хотел бы, а когда все встали совершать намаз, он молился больше, чем обычно молятся, чтобы показать присутствующим, как он благочестив и в служении богу ретив.

Боюсь, о бедуин, не попадешь в Каабу —
Я вижу, держишь путь ты прямо в Туркестан.

Когда он вернулся домой, он потребовал накрыть стол, чтобы покушать вдоволь. Был у него проницательный сын. Он спросил:

— О отец, ты был в гостях у царя,— неужели там тебя ничем не угощали?

— Перед взорами их — ответил отец,— я не ел досыта!

— Тогда совершай и намаз,— воскликнул сын,— ибо наверно, ты не творил его так, как надо!

Порок под мышкой скрыв, ты на ладонь открыто
Кладешь достоинства на обозренье свету.

Слепец, в тяжелый день ты ничего не купишь,
Не всучишь никому поддельную монету.

РАССКАЗ 7

Я помню, что в дни детства, видя в благочестии спасения средство, я был очень набожен, много ночей не смыкал очей, молился и предавался подвигам аскетизма и отшельничества. Однажды ночью я сидел с отцом, да помилует его Бог, и всю ночь, не засыпая ни на мгновенье, держал в объятиях святой Коран, а вокруг нас храпела целая орава людей. Я сказал отцу:

— Ни один из них не поднимет голову, чтобы сотворить двойную молитву. Так крепко погрузились они в сон беспечности, как будто умерли!

— Дорогой мой,— ответил отец,— лучше бы ты спал, чем перемывать людям косточки!

Ханжа из всех людей заметит лишь себя,
Держа перед собой завесу самомненья.

Но будь всевидящ он, он понял бы тотчас,
Что больше всех других достоин сожаленья.

РАССКАЗ 8

В одном обществе одному вельможе не жалели похвал, каждый его благородным свойствам дань уважения отдавал. В ответ на эти восхваления он поднял голову и молвил:

— Я знаю себя лучше!

Ты меня огорчил, говоря о моем благородстве,
Только внешность ты видишь, не зная того, что внутри.

*****

Приятен облик внешний мой, красивым я кажусь на взгляд,
Но низко голову клоню — ведь гнусность у меня внутри.

Павлина хвалят все вокруг за красоту его хвоста,
Но безобразных ног своих как он стыдится — посмотри!

РАССКАЗ 9

Некий ливанский подвижник, в стране арабов своей святостью известный и прославленный десницею чудесной, войдя однажды в соборную мечеть Дамаска, стал совершать омовение у бассейна. Вдруг он поскользнулся, упал в бассейн, и только с большим трудом ему удалось выбраться оттуда...

Когда кончили намаз, один из его собратий обратился к нему:

— У меня есть одно сомнение, разрешите задать вам вопрос?

— Какой? — молвил подвижник.

— Помню я, о шейх,— сказал собрат,— как вы по Средиземному морю ходили и даже ног не замочили. Что же случилось с вами сегодня, что вы чуть не погибли в этом маленьком бассейне?

Шейх погрузился в раздумье. После долгих размышлений он поднял голову и молвил:

— Разве ты не слыхал, что господин мира[7], да будет с ним мир, говорил: «Бывают у меня в близости моей к Богу такие мгновенья, когда не осмеливаются подойти ко мне даже близкие к Богу ангелы и посланники его», но он не говорил, что так бывает постоянно.

Как изрек он сам, иногда он не допускал к себе даже архангелов Гавриила и Михаила, но в другое время развлекался с Хафсой и Зейнаб.

В своей способности к созерцанию Бога не всегда одинаков святой — она у него колеблется между озарением и слепотой. Бог то показывает себя ему, то скрывается от него.

То откроешься Ты, то исчезнешь за мглою туманной,
Но тем больше влечет нас Твой облик прекрасный, желанный.

*

Порой увижу Друга без помех,
А то, ослепнув, в сторону шагну.

Зажжет костер — и воду льет в него,
Все время я горю или тону.

РАССКАЗ 10

Спросили раз Якуба, утратившего сына:
«Скажи, как то случилось, мудрец, с душой невинной:

К тебе сорочки запах из Мисра долетел.
В колодце ж ханаанском ты сына не узрел?»

«Как молния,— он молвил,— людское просветленье,
Лишь озарит и тотчас исчезнет озаренье.

Порой в одно мгновенье я возношусь в зенит,
Порой не различаю, что на пути лежит.

Когда б иль то, иль это избрать пришлось навеки,
Тогда б стремленье к жизни исчезло в человеке».

РАССКАЗ 11

Однажды в соборной мечети города Баальбека я держал небольшую речь, что-то вроде проповеди, перед людьми изнуренными, с огрубевшими сердцами, неспособными переноситься душою из этого видимого мира в мир божественных тайн. Заметил я, что вдохновение мое ими не овладевает и огня в их сырых дровах не раздувает. Бесполезным показалось мне воспитывать ослов и держать зеркало в квартале слепцов. Однако ворота мыслей я уже распахнул, а цепь слов своих растянул до следующей суры корана: «Я ближе к нему, чем его собственная сонная артерия!» И тогда я провозгласил:

Мой Друг — Он мне ближе, чем сам я себе,
Но странно, что я от него удален.

Как грустно мне — Друга в объятьях держа,
От Друга я сам все равно отлучен.

Даже я был опьянен вином этих слов, а чашу со сладкими их остатками еще держал в руках... В это время мимо нашего собрания проходил какой-то странник; мои последние слова подействовали на него, и он закричал так громко, что вместе с ним подняли восторженный крик и другие. Все бестолковое собрание пришло в волнение.

— Слава Богу, — воскликнул я, — далекие, но ведающие о Боге, оказались здесь, а близкие, но лишенные внутреннего зрения — далеко!

Коль слушатель речь не способен понять,
То можно ль держать вдохновенную речь?

Мы ждем доброй воли внимающих нам,
Желая сердца вдохновеньем зажечь.

РАССКАЗ 12

Однажды ночью в мекканской пустыне у меня подкашивались ноги от бессонницы. Растянувшись на земле, я сказал караванщику:

— Уезжай и оставь меня.

Как бедный, усталый пойдет пешеход,
Когда изнемог от дороги верблюд?

Когда толстяки похудеют в пути,
Худые, все силы растратив, помрут...

Но караванщик заметил:

— О брат мой, впереди святилище многодостойное, а позади— логово разбойное. Если пойдешь, выиграешь, а если уснешь — умрешь.

В пустыне под акацией в ночь хаджа спать приятно,
Но можешь в эту ночь и жизнь утратить безвозвратно...

РАССКАЗ 13

Видел я на берегу Средиземного моря некоего праведника, израненного тигром, он терпел великие мучения, рана его не заживала ни от какого лечения. Долго страдал он от этой раны, но все же непрестанно говорил:

— Слава Господу Всевышнему и Всемогущему, что я скован телесным недугом, а не грехами против божественных заповедей!

Если Друг дорогой меня казни жестокой подверг,
То о жизни своей я не буду скорбеть никогда...

Лишь спрошу: «В чем виновен, скажи мне, бедняк пред тобой?

Что обиделся ты — вот и вся моя злая беда!»

РАССКАЗ 14

Некий дервиш был в крайней нужде. И украл он из дома своего друга коврик; правитель велел ему отрубить руки и отдать на муки. Владелец ковра заступился за него, сказав:

— Я прощаю его!

Правитель молвил:

— Хотя ты и заступаешься за него, но он к наказанию должен быть присужден, ибо я не могу преступить закон!

— Ты говоришь справедливо, — ответил дервиш,— но если кто-либо украдет какую-нибудь вещь из имущества вакфа, ему не рубят рук, ибо «бедняк не обладает ничем и все, что есть у дервишей, принадлежит нуждающимся!»

Правитель простил вора, но стал его порицать:

— Или тебе был тесен мир, что ты решился воровать даже в доме такого друга?

— О повелитель, — молвил тот, — разве ты не слыхал, что говорят: «Лучше обобрать до нитки дом своих друзей, чем стучаться в двери врагов»?

Если ты будешь в тяжелой нужде, только духом не падай,
Шкуру с врагов ты сдирай, а с друзей снять одежду не бойся.

РАССКАЗ 15

Некий благочестивый муж видел во сне царя в раю, а праведника в аду. Он спросил:

— В чем причина возвышения царя и за что унижен дервиш? При их жизни думал народ, что произойдет как раз наоборот!

В ответ раздался голос:

— Этот царь принят в рай за свою привязанность к дервишам, а дервиш низвергнут в ад за свою близость к царям.

Зачем тебе и рубище и четки?
Ты о пути заботился бы правом;

Не нужно шапки из козлиной шкуры —
В монгольской шапке будь подвижник нравом.

РАССКАЗ 16

Некий странник, босой и простоволосый, вышел из города Куфы вместе с нашим караваном, направлявшимся в Хиджаз, и шел, не отставая от нас. У него не было никаких средств. Но он шагал лёгкой поступью и пел:

На муле я не восседаю
И не навьючен, как верблюд;

Я не владею царством, все же
Рабом меня не назовут.

От неименья иль именья
Меня печали не гнетут,

Дышу свободно и привольно —
И так все дни мои текут.

Один из ехавших на верблюде сказал ему:

— О дервиш, почему ты идешь пешком? Лучше вернись, не то умрешь от изнеможения!

Но дервиш не послушался и, направив свои стопы в пустыню, удалился...

Когда мы достигли стоянки Махмуда, для богача, оседлавшего верблюда и ехавшего среди нас, настал смертный час. Дервиш подошел к его изголовью и воскликнул:

— Вот я и не умер от изнеможения, а ты умер даже на верблюде!

Он в плаче ночь провел с больным у изголовья,
А утром умер сам. Больной — обрел здоровье.

*

Бывает так, что быстроногий конь
Отстанет, а осел дойдет до цели.

Не раз здоровых хоронили мы,
Хоть, раненых спасая, преуспели.

РАССКАЗ 17

Некоего отшельника пригласил к себе царь. Отшельник, поразмыслив, решил:

— Дай-ка я снадобье приму, перед тем как идти к нему. Я похудею, и, быть может, его уважение ко мне повысится.

Говорят, что снадобье оказалось вредным и, приняв его, отшельник умер.

Казалось мне, что мозг его —
Ядро фисташки налитой,

А он лишь луковица — мы
С нее сдерем за слоем слой.

*

Он праведник, но свой намаз свершает он наоборот —
Лицо он к людям обратил, а к кыбле сам стоит спиной.

*

Когда ничтожный раб взыскует сердцем Бога,
Пусть милостей он ждет лишь от его порога.

РАССКАЗ 18

Ограбили как-то караван в греческих землях. Бессовестные люди, совершив разбой, унесли несметные богатства с собой. Купцы плакали и взывали к Господу и Его пророку, чтобы они помогли им, но все было бесполезно.

Когда восторжествует свирепый атаман,
Ужель смягчит злодея стенаньем караван?

В том караване находился мудрец Лукман. Один из караванщиков обратился к нему:

— Ты нас очень обяжешь, если им какое-нибудь назидание скажешь или какое-нибудь увещание к ним обратишь, чтобы они оставили нам хоть часть нашего имущества, ведь жалко, что погибает столько добра!

— Нет смысла говорить им мудрые слова! — ответил он.

Когда железо покрывает ржа,
Не три его — все будет бесполезно;

Жестоких сердцем не увещевай —
Ведь в камень не вонзится гвоздь железный.

*

В дни счастия ласкай обиженных судьбой —
Насильем вызовешь ты бедствий ураган.

Дай нищему ту вещь, какую просит он,
Не то без дальних слов возьмет ее тиран.

РАССКАЗ 19

Сколько ни приказывал мне достославный шейх мой Абульфарадж ибн Джузи, да помилует его Аллах, музыку оставить и свои стопы по пути уединения и отшельничества направить, молодость моя превозмогала, плотские желания брали верх, и иногда я невольно шел наперекор советам наставника благим и наслаждался музыкой и обществом друзей дорогим. Вспоминая уроки моего учителя, я восклицал:

Сидел бы здесь судья, он стал бы хлопать сам:
Подвыпив, мухтасиб простил бы пьяный гам.

И вот однажды ночью я попал в общество веселых друзей и там увидал одного певца.

Изломанный смычок терзал людей сердца:
Вопил он, будто смерть оплакивал отца.

Товарищи мои то затыкали пальцами уши, чтобы не слышать его голоса, то прикладывали палец к губам, прося его умолкнуть.

Люди уповают пеньем душу усладить,
Ты же только будь безмолвен — я молю тебя!

*

От музыки твоей людей бросает в дрожь,
Все только ждут, когда, умолкнув, ты уйдешь.

*

Едва завел напев он дикий свой,
К хозяину я подошел с мольбой:

«Налей же мне скорее в уши ртуть
Иль дверь открой, чтоб мог я ускользнуть!»

Но я все же остался там из уважения к товарищам и в муках провел всю ночь до утра.

Слишком поздно призывает нас к молитве муэдзин —
Он не ведает, насколько эта ночь была длинна.

Пусть у век моих он спросит, как тянулась эта ночь, —
Ведь они на миг короткий в эту ночь не знали сна!

Поутру, в знак благодарности, я снял с головы тюрбан, вынул из-за пояса динар и, преподнеся его музыканту в дар, обнял его и долго благодарил. Друзья, заметив мою признательность, сочли, что она неестественна, и приписали мое поведение приступу умопомрачения. А один из них, предавшись бранчливости, даже начал порицать меня:

— Поступок, совершенный тобой, несовместим с нравами благоразумных людей. Безбожно отдавать одеяние шейхов такому певцу, который во всю жизнь не держал дирхема в руках и на чей бубен никто не положил даже куразы.

Пусть он бежит отсюда что есть сил —
Ведь дважды ни к кому он не входил.

Когда раздался этот мерзкий голос,
Встал дыбом у людей последний волос.

И даже куры улетели прочь,
Не в силах отвращенья превозмочь.

Я молвил ему:

— Лучше закрой свой скверный рот, ибо этот человек мне чудесную силу свою почувствовать дает!

Мой друг спросил:

— Тогда объясни мне его достоинства, чтобы я тоже выразил ему признательность и попросил прощения за свои насмешки над ним!

— Дело в том, — ответил я, — что мой достославный наставник неоднократно приказывал мне оставить музыку и красноречиво увещевал меня, но я не внимал ему. И вот счастливая судьба и удачный случай привели меня сегодня в это место, чтобы я благодаря этому певцу раскаялся и весь остаток жизни не слушал музыки и не подходил к обществу веселых друзей.

Приятный голос восхищает нас,
Поет ли человек, иль говорит.

Но хорасанский иль хиджазский лад
В устах бездарных вряд ли восхитит.

РАССКАЗ 20

Спросили у Лукмана:

— У кого ты научился правилам приличия?

Молвил он:

— У невоспитанных, ибо я воздерживался обычно делать то, что в их поступках было, по-моему, неприлично.

Не можешь и двух слов ты в шутку произнесть,
Чтобы из них мудрец не мог извлечь урок.

Из книги мудрости пускай прочтут сто глав —
Невежде все они — для шуточек предлог.

РАССКАЗ 21

Рассказывают про одного отшельника, что каждую ночь он поглощал десять манов всякой еды во имя Творца и до утра перечитывал Коран с начала до конца.

Некий благочестивый муж, услыхав об этом, сказал:

— Если бы ты ел только полхлебца и спал, ты был бы более праведным, чем теперь!

Оставь в своем нутре один хоть уголок,
Чтоб мог туда пройти луч истины живой.

Нет места мудрости в тебе лишь потому,
Что ты вплоть до ноздрей набит одной едой!

РАССКАЗ 22

Божественное милосердие ниспослало некоему человеку, погрязшему в грехах, светлую благодать, так что он в круг людей праведных вернулся опять. Благодаря общению с дервишами, славными своими похвальными деяниями и чистотою души, благородные свойства заменили порочные наклонности его нрава, и он укоротил руки своих чувственных влечений. Однако сплетники все еще продолжали злословить о нем, заявляя, что он такой, как и прежде, а его воздержанность и благочестие не заслуживают доверия.

Покаянье и молитвы остановят Божий гнев,
Но никто не остановит языков, хулящих нас.

Не выдержал он тягости злых языков и обратился с жалобой к святому старцу. Тот ответил ему:

— Чем ты можешь возблагодарить Бога за такую милость, если ты лучше, чем о тебе говорилось?

Не нужно вечно говорить: «Завистники, клеветники
Не могут часа отдохнуть, злословя обо мне, несчастном.

Они, вставая, кровь мою хотят пролить, а только сев —
Меня хулят и все зовут злодеем для людей опасным!»

Ведь лучше добрым быть: пускай злословят люди о тебе —
Чем быть дурным, но для других казаться добрым и прекрасным.

Вот мне следовало бы терзаться и печалиться по поводу того, что в добром мнении людей я — совершенство, а на деле я — поистине кладезь несовершенств.

Когда бы то, что говорю, я исполнял правдиво,
Я был бы праведник тогда и муж благочестивый.

*

Перед соседом, может, ты схитришь,
Но Бог всегда узнает что творишь.

*

Мы закрываем дверь перед людьми,
Чтоб не открыть им нашего порока.

Но в тайном мире как закроешь дверь?
Незримое не скрыть от Божья ока.

РАССКАЗ 23

Я обратился к одному шейху с жалобой:

— Такой-то доказывает, что я порочен!

— А ты осрами его, доказав, что в тебе корень благочестия прочен! — ответил он.

Будь благонравен — и тогда молва
Хулителей невольно станет глуше.

Когда барбат настроен строго в лад,
Зачем тогда тянуть его за уши?

РАССКАЗ 24

Спросили у некоего сирийского шейха:

— В чем сущность суфизма?

Он молвил:

— Раньше суфий был внешне распущен, а внутренне сосредоточен, а сейчас он внешне сосредоточен, а внутренне порочен!

Если мечется сердце твое тут и там,
Как придешь ты к молитвенному средоточью?

Пусть ты знатен, богат — если с Богом ты слит,
То душа твоя Бога увидит воочыо.

РАССКАЗ 25

Я помню, как однажды мы шли с караваном всю ночь неустанно и прилегли отдохнуть у опушки леса утром рано. Один юродивый, бывший нашим спутником в том путешествии, издав громкий крик, пустился в пустыню и все время кричал, ни на миг не успокаиваясь. Когда наступил день, я спросил его:

— Что с тобой произошло ночью?

Он ответил:

— Я услыхал, что соловьи поют на деревьях, куропатки на горах, лягушки кричат в прудах, а животные в лесах, и подумал — несправедливо, чтобы все пели славословие Господу, а я спал нерадиво.

Рано утром вчера громко птица запела
И лишила меня и сознанья и сил.

Донеслись мои вопли случайно до слуха
Одного из друзей, что душе моей мил.

«Неужели способен от птичьего пенья

Потерять ты рассудок?» — меня он спросил.

Молвил я: «Даже птица восславила Бога,
Вот и я — лишь посильно хвалу возгласил!»

РАССКАЗ 20

Однажды, во время путешествия в Хиджаз, со мною ехали несколько благочестивых молодых людей. Мы были очень дружны между собой. Временами молодые люди негромко напевали и в отдельных стихах проникновенно Господа призывали. Какой-то богомолец, бывший нашим спутником, невзлюбил этих дервишей, ибо он не ведал, как велика их душевная тревога и стремление к познанию Бога... Когда мы дошли до становища Бени-Хилал, из стана арабов вышел черномазый мальчик и запел так хорошо, что к нему стали слетаться даже птицы из поднебесья... И вот я вижу, что верблюд богомольца пустился в пляс, сбросил с себя седока и убежал в пустыню.

— О шейх. — воскликнул я, — песня мальчика привела в восторг даже животное, а на тебя не оказала никакого воздействия!

Ты знаешь, что сказал мне утром соловей?
«Что ты за человек, коль ты лишен страстей?»

Верблюд пришел в восторг, лишь услыхав стихи,
Стихи не любящий тупее всех зверей!

*

От ветра в вертограде гнутся вербы,
Но твердому граниту все равно.

*

Все в мире сущее Творцу поет молебны,
Но только чуткий слух уловит лад волшебный.

Не только соловей меж роз воспел его,
Но даже шип — язык; он славит Божество...

РАССКАЗ 27

Истекал срок жизни некоего царя, а преемника у него не было. Завещал он тому, кто первым войдет в городские ворота, передать бразды правления и возложить ему на голову царский венец. Случайно первым пришел какой-то нищий, всю жизнь собиравший куски хлеба и пришивавший лоскут к лоскуту. Столпы государства и царские вельможи, исполнив последнюю волю государя, передали нищему связку ключей от сокровищ и крепостей. Он правил некоторое время, пока несколько эмиров не отказали ему в повиновении; цари всех соседних стран затеяли с ним вражду и снарядили войско, чтобы прогнать его.

Затем возмутились войска и все подданные, часть его владений вышла из-под его власти. Нищий скорбел по поводу этого несчастья,

как вдруг возвратился из странствий один из его старых друзей, бывший его товарищем в дни нищенствования. Увидев, что приятель так возвысился, странник сказал ему:

— По милости Господа Всеславного и Всемогущего у твоих роз больше нет колючек, и шипы не колют твоих ног, благая судьба руководила тобой, удача и счастье сопутствовали тебе, раз ты достиг этой степени: «Воистину благоденствие следует за бедствием»[8]

Распустится цветок и вскорости увянет...
Без листьев дерево... Потом зеленым станет...

Царь молвил:

— О дорогой друг, ты лучше вырази мне свое соболезнование и пожелание избавления от мук, ибо поздравлять меня не с чем. В те времена, которые ты помнишь, я заботился только о куске хлеба, а теперь я обременен заботами целого царства.

Коль благ мирских мы лишены, мы умереть готовы,
А есть они — то к ним любовь кладет на нас оковы...

*

Ужасней благ мирских нет в целом мире бед —
Скорбим, коль есть они, скорбим, когда их нет.

*

Богатства не ищи, мой друг, богатство счастья не дает,
Богатство в мире есть одно — довольствоваться частью малой.

Насыплет золота тебе в полу богач — ты не дивись,
Дивиться щедростью такой разумным людям не пристало.

И от великих я слыхал: довольный жребием своим,
Дервиш прекрасней богачей, хотя б и щедрых небывало.

*

Пускай Бахрам, могучий и богатый,
Для бедняков зажарит щедро лань,

Но если ножку саранчи зеленой
Даст муравей — щедрее будет дань.

РАССКАЗ 28

У некоего человека был друг, служивший в диване средь царских слуг. Они долго не видались. Кто-то заметил этому человеку:

— Уже давно ты не видался с таким-то своим другом!

— А я не хочу его видеть! — ответил он.

Случайно присутствовал при этом разговоре один из подчиненных этого человека. Он спросил:

— В чем же провинился твой друг, что тебе неприятно видеть его?

— Ни в чем особом он не виновен, — ответил тот человек, — но я считаю, что друга, служащего в диване, можно видеть только тогда, когда он будет уволен, а я не желаю ему бедствия ради того, чтобы я сам был доволен!

Достигнув благоденствия и власти,
Они и видеть не хотят друзей,

Но в день несчастья, в день своей отставки
К друзьям несут весь груз своих скорбей.

РАССКАЗ 29

Абу-Хурейра, да помилует его Бог, ежедневно приходил навещать избранника божьего[9], да благословит и да приветствует его Бог!

Однажды сказал пророк: «Я Абу-Хурейра, зурни гиббан тазаддуду 'хаббан», то есть: «О Абу-Хурейра, пусть не будет каждодневным твой приход, и тогда моя любовь к тебе возрастет!»

*****

Спросили одного благочестивого человека:

— Почему так происходит: хотя солнце и прекрасно, но мы не слыхали, чтобы кто-нибудь возлюбил его страстно и питал к нему привязанность!

— Потому, — ответил он, — что солнце можно видеть ежедневно, кроме зимы, тогда оно бывает скрыто и потому любимо!

Совсем неплохо навещать людей,
Но не части, а то вскричат: «Довольно!»

Побольше укоряй ты сам себя —
Не будет от чужих упреков больно.

РАССКАЗ 30

У некоего праведного мужа в животе начал бушевать ветер непокорный, и он никак не мог удержать его, хотя и боролся с ним упорно. И вот ветер вырвался наружу помимо воли бедняги.

— О друзья, — взмолился он, — то, что совершил я, случилось помимо моей воли, и потому ангелы не запишут этот проступок на мой счет, а зато мое естество получило покой; вы также простите великодушно!

Поверь, живот — тюрьма для ветров злых,
Мудрец в цепях держать не станет их.

Скорей их выпускай, бровей не хмуря, —
На сердце тяжко, коль в желудке буря.

*

Уходит гость, упрям и криворож —
Ужель его удерживать начнешь?

РАССКАЗ 31

Мне опротивело общество моих дамасских друзей, я их оставил, в Иерусалимскую пустыню свои стопы направил и дружил там со зверями, пока не попал в плен к франкам, заковавшим меня в кандалы. Франки отправили меня вместе с евреями на земляные работы во рвах Триполи. Один из алеппских вельмож, с которым мы раньше были знакомы, проходя мимо, узнал меня и воскликнул:

— О, имярек, что приключилось с тобой?

«В горы и в пустыни от людей бежал я,
Чтобы славить Бога жаркими словами.

Можешь ты представить, как я тяжко маюсь,
В грязный хлев посажен с этими скотами.

Лучше быть с друзьями даже и в оковах,
Чем в саду прекрасном рядом быть с врагами».

Он сжалился надо мной, за десять динаров освободил из оков франков, увез с собой в Алеппо и свою дочь соединил со мной брачными узами, давши в приданое сто динаров. С течением времени

оказалось, что она женщина скверная, сварливая, непослушная и строптивая. Она стала всячески меня бранить и портить мою жизнь.

Коль добрый муж жену дурную взял в свой дом,
То жизнь его и здесь мы адом назовем.

Бояться злой жены сильней, чем смерти, надо,
О Господи, спаси от этой муки ада.

Однажды, распустив злой язык, она говорила:

— Разве мой отец за десять динаров твоему плену во франкских оковах не положил конец?

— Да, — ответил я, — за десять динаров он меня выкупил, а за сто динаров превратил в твоего пленника!

Слыхал я, как-то раз один слуга царей
Освободил овцу от волчьих злых когтей.

Но к горлу вечером приставил нож холодный...
И плакать начала овца: «Неблагородный!

У волка вырвал ты меня из пасти — что ж?
Я вижу — сам ты волк, и ты меня убьешь!»

РАССКАЗ 32

Некий царь спросил одного богомольца:

— Как проходит твое драгоценное время?

— Всю ночь, — ответил тот, — я молитву возношу, утром Бога об исполнении моих молений прошу, а днем добыть пропитание спешу!

Царь понял намек богомольца и велел назначить ему некоторое, содержание, чтобы снять тяжесть семейных забот с его сердца.

О ты, несущий тяжкий груз забот,
Тебя ль уединение влечет?

Чем ввысь лететь, ты позаботься прежде
О детях, доме, хлебе и одежде...

*****

Я только об одном мечтаю, мечась в заботах целый день:
«Как пылко я восславлю Бога, когда сгустится ночи тень!»

А ночью, приступив к молитве, я больше ни о чем на свете
Не думаю, одно лишь гложет: а чем позавтракают дети?

РАССКАЗ 33

У некоего сирийского подвижника в лесу было жилище, а древесные листья он избрал в качестве пищи. Один царь навестил его и сказал:

— Если тебе будет угодно, мы приготовим для тебя место в нашем городе, где ты сможешь творить молитвы лучше, чем здесь, а люди

смогут получать пользу от твоих благословений благочестивых и подражать тебе в твоих делах боголюбивых.

Отшельнику не понравились эти слова, и он не принял предложения. Тогда к нему обратился один из вазиров:

— Из уважения к царю тебе следовало бы пойти в город на несколько дней и осмотреть это место. И если чистота твоей жизни, о святой муж, хоть сколько-нибудь нарушится от общения с посторонними — поступай как хочешь.

Богомолец отправился в город, где ему отвели для молитв место в царском дворцовом саду. Это место чаровало сердце и тешило душу.

Как щеки красавиц, горели там алые роз лепестки,
Кудрями любимых вились гиацинтов прекрасных цветки.

Боялись они, как бы вновь в этот сад не вернулись морозы,
Казались не бравшими груди детьми гиацинты и розы.

*

Ветки гранатов в уборе весенней поры:
Зелень, а в ней огневые блистают шары.

Царь сейчас же послал к отшельнику прекрасную служанку.

Красавица страшна любой душе святой,
Красавица павлин иль ангел красотой.

Когда б ее дервиш увидел, несомненно,

Он в тот же час и миг утратил бы покой.

Вслед за ней царь послал к отшельнику и прислужника прелестного и благородной наружностью известного.

От жажды вкруг него все люди изнывают,
Он — водонос, что пить изнывшим не дает.

Глаза красу его впивали — но, кто болен
Водянкой, тем уже евфратских мало вод.

Отшельник стал есть изысканные яства, носить пышные одежды, вкушать лакомые блюда и благоухающие плоды. Он любовался красотой девушки и юноши, служивших ему. Не напрасно говорят мудрецы:

Тебе я отдал душу, веру, знанье,
Я птицей стал, а ты — моим силком.

Словом, блаженное подвижничество отшельника прекратилось, и, как говорят:

Любой законник, златоуст великий,
И даже старец, божество познавший,

Попавши в мир греховный, увязают
Подобно мошкаре, на мед напавшей.

Однажды царь пошел посетить отшельника. Он заметил, что прежний вид его изменился, он. стал румян, растолстел его стан. Аскет возлежал на шелковой подушке, а прекрасный юноша, с опахалом из павлиньих перьев в руках, стоял у его изголовья. Царь выразил радость по поводу хорошего самочувствия отшельника и завел с ним беседу. Под конец беседы царь сказал:

— Из всех людей в этом мире я уважаю два сословия— ученых и отшельников!

При беседе присутствовал вазир — большой философ, человек, видавший мир. Он молвил:

— О повелитель, дружба требует, чтобы ты делал добро этим обоим сословиям. Поэтому ученым давай деньги, чтобы они были еще ученей, отшельникам не давай ничего, если хочешь, чтобы они отшельническому пути следовали неуклонней.

Красавице ни серьги, ни румяна,
Ни хна, ни притиранья не нужны.

Дервишу, что о небе только мыслит,
Ни хлеб, ни подаянья не нужны.

*

Я имею кое-что — большего хочу всегда.
«Ты аскет ли?» — спросят. Нет. Но какая в том беда?

РАССКАЗ 34

Вот рассказ, подобный предыдущему. Одному царю предстояло важное дело, и он дал обет:

— Если все свершится согласно моему желанию, я раздам отшельникам столько-то дирхемов!

Когда его желание исполнилось и его душевное волнение улеглось, пришлось исполнять данный им обет. Он отдал одному из близких слуг мешок дирхемов, чтобы тот роздал их отшельникам. Говорят, что тот слуга был человек смышленый и разумный. Он ходил весь день, а вечером вернулся, поцеловал мешок, поставил его перед царем и сказал ему:

— Сколько я ни искал, я не нашел ни одного отшельника!

— Что за россказни, — молвил царь. — Если положиться на память мою, четыреста отшельников живут в этом краю!

— О повелитель мира, — воскликнул слуга, — тот, кто настоящий отшельник, тот не берет денег, а тот, кто берет, не отшельник!

Царь рассмеялся и сказал своим приближенным:

— Как ни люблю я этих богомольцев и ни уважаю, и как ни злобствует, как ни презирает их этот дерзкий нахал, — все же сегодня он правду сказал!

Когда дирхемы брать готов дервиш,
Ищи другого — с этим прогоришь!

*****

Коль господу покорен ты, на небо полон упованья —
И без вакуфа ты дервиш, отшельник ты без подаянья.

Ведь пальчики прекрасных дев и ушки розовые их
И без сережек, без колец всегда полны очарованья.

РАССКАЗ 35

Спросили некоего праведного ученого:

— Что ты скажешь об отшельниках, пользующихся вакуфным хлебом?

Тот ответил:

— Если они пользуются им ради душевной сосредоточенности, то это дозволительно, но если они душевно сосредоточиваются ради хлеба, то это возмутительно.

Кто набожен, тот хлеб берет, чтоб в келье лучше помолиться,
Идет он в келью не затем, чтоб получить побольше хлеба.

РАССКАЗ 36

Некий дервиш прибыл в один дом. Хозяин был человек великодушный и ученый. В его обществе находились несколько образованных и красноречивых друзей, и каждый из них, как принято среди утонченных людей, сыпал шутками и остроумными рассказами. Дервиш, проделавший долгий путь через пустыню, был утомлен и голодом изнурен. Один из присутствующих шутливо обратился к нему:

— Тебе тоже следовало бы что-нибудь сказать!

Дервиш ответил:

— У меня нет образования и красноречия, как у других, да я и не читал ничего. Потому удовольствуйтесь одним двустишием!

Все единогласно воскликнули:

— Говори!

Дервиш сказал:

Изголодался я совсем, а скатерть предо мной,
У женской бани так стоит мужчина холостой.

Друзья рассмеялись, одобрив его шутку, и разостлали скатерть. Хозяин пира воскликнул:

— О друг, подожди немного, слуги мои готовят куфту!

Дервиш поднял голову и молвил:

На скатерть мне, молю, куфту не надо класть,
Голодному, друзья, и черствый хлеб — куфта.

РАССКАЗ 37

Некий послушник сказал своему старцу:

— Что мне делать? Нет мне покоя от людей — в течение дня они часто навещают меня; их приход и уход нарушают мои благие занятия!

— Если они бедные, — сказал старец, — то одолжи им что-нибудь, а что касается богатых, то попроси у них что-нибудь взаймы, чтобы они не подходили больше к тебе.

Когда бы нищий в бой повел отряды мусульманских войск,
Гяуры, клянченья боясь, бежали б до стены китайской.

РАССКАЗ 38

Какой-то законовед сказал своему отцу:

— Пышные и сладкие речи проповедников не оказывают на меня никакого воздействия, ибо я не вижу соответствия между их делами и словами.

Они зовут людей отвергнуть мирское грешное добро,
А сами копят хлеб, одежду и собирают серебро.

Когда в словах ученых только одно пустое бормотанье,
Едва ль тогда на правоверных окажет проповедь влиянье.

Мы лишь того зовем ученым, кто добродетельно живет,
А не того, кто поучает, а делает наоборот.

Вы поучаете людей добру, но сами не помните о добре!

Ученый, мыслящий о том, как бы покушать да вздремнуть, —
Сам в заблужденье. Как же он укажет людям правый путь?

Отец сказал:

— О сынок, не следует под влиянием этой нелепой мысли отвертываться от поучений наставников и такие речи вести, будто все ученые отклоняются от правого пути. Нельзя в поисках праведного ученого лишаться выгод науки, подобно слепцу, который однажды ночью упал в грязь и кричал: «О мусульмане, осветите свечой мой путь!» Какая-то женщина, острая на язык, воскликнула, услышав его крик: «Ведь ты же не видишь свечи, что же ты увидишь при свече?» И вообще собрание для слушания проповедей подобно лавке торговцев. У торговцев, пока наличных денег перед ними не положишь, товара получить не сможешь, а у проповедников, если не проявишь сердечного стремления, не обретешь внутреннего блаженства.

Внимай ученого речам духовными ушами,
Хотя б не так он поступал, как учит, а иначе.

Не слушай болтунов: едва ль разбудит спящего, кто спит,
Поистине, то для него нелегкая задача...

Мужчина должен исполнять совет, когда разумен он,
Хотя бы он написан был лишь на доске висячей.

*

Некий набожный муж в медресе появился, покинув обитель.
Он с людьми тариката порвал, отказался от прежних друзей.

Я его вопросил: «Чем ученый отличен, скажи, от дервиша,
Если ты, от дервишей уйдя, предпочел им ученых мужей?»

Он сказал мне: «Отшельник от волн лишь свой коврик

истертый спасает,
А ученый спасает от бурь утопающих в море людей».

РАССКАЗ 39

Некий юноша спал пьяный на дороге, выпустив из рук узду воли. Проходил мимо него благочестивый муж и взглянул на это отвратительное зрелище. Пьяный поднял голову и сказал:

«Когда мимо ничтожного проходят, глаза милосердно отводят!»

Грешника видя, ты кротко пройди,, не взирай на пороки,
Мимо меня милосердно пройди, порицатель жестокий!

*****

На грешников, о муж святой, великодушнее взгляни,
Не отвращай свое лицо от них с презрением холодным.

Пусть по своим поступкам я неблагороден — но зато
Ты, с милосердием взглянув, себя покажешь благородным.

РАССКАЗ 40

Несколько беспутных гуляк ополчились на одного дервиша. Они стали обзывать его непристойными словами, его истязали и всячески терзали. Он пошел с жалобой к старцу, наставнику дервишей, и рассказал, что случилось. Старец сказал ему:

— О сынок, рубище дервишей — платье довольства малым, и если тот, кто в этой одежде, когда представится случай, не может перенести злополучий, тот лжедервиш, и ему не дозволено носить рубище.

Ты, бросив камень, ни за что не замутишь большого моря.
Мудрец обиделся? Тогда всего лишь мелкий он ручей.

*****

Когда тебя обидят — уступи,
Зато потом твой будет грех прощен.

Конец наш, братец, прах, так будь как прах,
Покуда в прах не будешь превращен.

РАССКАЗ 41

В Багдаде было как-то раз — внемли! —
Что занавес и знамя спор вели...

В пыли дорог, со стертыми ногами,
С укором занавесу молвит знамя:

«С тобою вместе служим мы, мой друг,
Принадлежа к числу царевых слуг...

Я отдыха не знаю ни мгновенья,
То я иду в поход, а то в сраженье.

Мучений ты не знал, не брал твердынь,
Не видел пыли, смерчей и пустынь.

Ты видишь — счет велик моим работам,
За что ж тебе лишь воздают почетом?

Тебя ласкает юноша-слуга,
К тебе служанка вовсе не строга,

Меня же конюхов хватают руки,
Я сковано в боях, я в вечной муке».

«Главу клоню я, — был ответ, — к ногам,
А не вздымаю дерзко к небесам.

Тот, кто надменно поднимает шею,
Наверняка себе сломает шею».

РАССКАЗ 42

Некий благословенный муж увидел: стоит борец надменный и грубый; он разъярен, пеной его покрыты губы. Благочестивый муж

спросил:

— Что приключилось с этим борцом?

Ему ответили, что кто-то обругал его.

— Вот глупец, — воскликнул тот, — поднять гирю в тысячу манов ему пустяки, а тут вдруг какие-то слова так его задели, что он не может этого вынести!

Когда в тебе живет лишь глупость, на мужество не притязай.
Не хвастайся могучей дланью, — хотя б и не был бабой ты,

Коль ты способен, друг любезный, то услади подруги рот,
Не в том же мужество, поверь мне, чтоб разбивать чужие рты.

*****

Пусть пасть слона своею дланью он может разорвать,
Но если он не человечен, то не мужчина он.

От праха происходят люди, так скромен будь, как прах,
А то едва ли человеком ты будешь наречен.

РАССКАЗ 43

Спросил я некоего праведного мужа о свойствах суфиев.

— Прежде всего, — ответил он, — их за то славят, что они желания ближних выше своих выгод ставят. Ведь и мудрецы говорят: брат, который скован только заботами о себе, тебе не брат и не близкий!

Если спутник твой спешит, спутник он тебе плохой,
Не привязывайся к тем, кто не дорожит тобой.

*

Если родич не богобоязнен, если мало благочестья в нем,
Лучше разорви родство навеки и забудь о родиче своем.

Помню я, что какой-то лжеправедник, услышав последнее двустишие, начал возражать против моих слов и сказал:

— Всевышний Господь в своей священной книге велел поддерживать родственную привязанность и запретил разрыв уз родства; а этому противоречат твои слова!

— Лжешь, — ответил я, — все это соответствует Корану. Там сказано: «Если родители твои стараются, чтобы ты сделал своими сотоварищами тех, кого ты не ведаешь, то не повинуйся им!»

Я тысячи своих родных, чуждающихся Бога,
Пожертвую для чужака, что чтит Владыку строго.

РАССКАЗ 44

В Багдаде жил достойнейший старик,
Чью дочь сапожник в жены взял, мужик.

Раз укусил ее мужик жестокий,
Из губ пошли кровавые потоки.

Узнав, что дочь измучена вконец,
Наутро зятю так сказал отец:

«Ты для того, болван, имеешь зубы,
Чтобы кусать — но кожу, а не губы!»

Не шутка — этой басни острие,
Глубокий вывод сделай из нее..

Кого поработил дурной обычай,
Навек его останется добычей.

РАССКАЗ 45

У одного законоведа была безмерно безобразная дочь. Она достигла брачного возраста, но, несмотря на ее приданое и богатства, которыми она могла похвалиться, никто не желал на ней жениться.

Шелк и парча нам кажутся не к месту,
Когда оденут гадкую невесту.

В конце концов делать было нечего родным, сочетали ее брачными узами со слепым. Рассказывают, что в это время прибыл из Серендиба врач, умевший возвращать зрение слепым. Законоведа спросили:

— Почему бы тебе не полечить зятя?

— Боюсь, — ответил он, — что, став зрячим, он разведется с моей дочерью!

Уродливой жене незрячий нужен муж.

РАССКАЗ 46

Некий царь с презрением смотрел на собрание дервишей. Один из них уразумел в чем дело и сказал:

— О царь, в этом мире мы живем спокойнее, чем ты, меньше волнений в груди тая, и наша жизнь блаженнее, чем твоя, после смерти мы равны, а в день воскресения мы лучше тебя.

Пусть царь страны живет в довольстве высшем
И корки оставляет нам, дервишам.

Когда и тот погибнет и другой,
Они лишь саван унесут с собой.

Царям прощаться с сим земным жилищем
Труднее, чем оборванным и нищим.

*****

Внешние признаки дервиша — рубище и нестриженые волосы, но действительные его приметы — бодрое сердце и умерщвленная плоть.

Дервиш не тот, кто от людей уходит в келью самозванства,
А если что не по нему, так сразу начинает бой.

Когда бы на него с горы катился по тропинке жернов,
То не был бы дервиш святым, когда б ушел с тропинки той.

Обязанность дервишей — молитвы и славословия Богу, услужение и повиновение ему, принесение в жертву себя и довольство малым, исповедание единобожия и упование на Бога, смирение и терпение. Кто обладает этими свойствами, он воистину дервиш, хотя бы он носил кабу. Но бродяга, не творящий молитвы, живущий у похоти и вожделений во власти, проводящий дни в оковах страсти, а ночами пребывающий во сне беспечности, пожирающий все, что попало, и болтающий все, что приходит на язык, — он все равно беспутный гуляка, если даже он облачен в рубище.

В твоей природе благочестья нет,
Хоть платье лицемерья носишь ловко:

Закрыл ты пурпурной завесой дверь,
А там, внутри — потертая циновка.

РАССКАЗ 47

У сада как-то видеть мне пришлось —
Лежат с травой цветы прекрасных роз...

Спросил я: «Почему траве ничтожной
Лежать с великолепной розой можно?»

«Молчи! — трава взмолилась, зарыдав.—
Ведь дружба — благороднейших устав!

Я не пахуча, глазу не услада,
Но я— трава из одного с ней сада!..»

...Ничтожный раб у трона Бога я,
Плод вечных благ его — душа моя.

В душе немного доблести иль много —
Но уповаю я на милость Бога.

Хоть не богат товарами мой склад,
Хоть благочестьем я и не богат,

Но может Бог спасти раба от муки,
Хоть у раба и опустились руки.

Своих рабов, доживших до седин,
Отпустит благородный господин.

О Боже, мироздания основа,
Прости же ты меня — раба седого!

О Саади, стань на священный путь,
Иди в Каабу, в драгоценный путь...

Злосчастный только не признает Бога —

Другого в мире не найти порога...

РАССКАЗ 48

Спросили некоего мудреца:

— Что, по-твоему, лучше — быть щедрым или смелым?

— Тому, кому щедрость дана, — отвечал он, — смелость не нужна!

На могиле Бахрам-Гура начертали так:
«Лучше щедрые ладони, чем большой кулак!»

*****

Хатема Тая нет, но навсегда
Осталось имя, славное добром.

Плати «зекат» — коль подстрижем лозу,
Мы винограда больше соберем.

Глава третья
О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ДОВОЛЬСТВА МАЛЫМ

РАССКАЗ 1

Какой-то нищий из Магриба на рынке торговцев тканями в Алеппо говорил:

— О хозяева благ, если бы вы совестью обладали, а нам, нищим, небеса воздержанность дали, то перевелось бы на этом свете попрошайничество.

Приди ко мне, воздержанность, молю,
Твоим благим достоинствам конца нет.

Терпенья угол — доля мудрецов,
Нетерпеливый мудрецом не станет.

РАССКАЗ 2

В Египте жили два сына эмира: один изучал науки, другой собирал богатства в свои руки. В конце концов первый из них стал выдающимся ученым своего века, а другой сделался царем Египта. Однажды богач, с презрением посмотрев на ученого, сказал:

— Я достиг царства, а ты все еще прозябаешь в нищете!

— О брат, — молвил тот, — все-таки мне больше надлежит возблагодарить Господа — да будет славным Его имя! — за Его благодеяния, ибо я обрел наследие пророков, науку, а ты же наследие Фараона и Амана — Египетское царство.

Пусть я раздавленный ногою муравей —
И все ж я не оса, страшащая людей...

Весь век я буду славить провиденье,
Что силы нет во мне для угнетенья.

РАССКАЗ 3

Слышал я, что некий дервиш, испытывая страшную нищету, пришивал лоскут к лоскуту и для утешения своей бедной души говорил:

Не нужно больше ничего — лишь черствый хлеб и власяница.
Мне легче вынести беду, чем у чужого одолжиться.

Кто-то сказал ему:

— Что ты сидишь? Такой-то человек в этом городе весьма великодушен, велениям щедрости послушен. Он готов услужить свободным мужам[10] и является как бы привратником их сердец. Если он узнает о том, каково твое положение, он сочтет за честь удовлетворить желание души такого досточтимого человека, как ты!

— Молчи, — воскликнул дервиш, — лучше умереть в нищете, нежели обратиться со своей нуждой к кому-нибудь!

Я дыры предпочту латать, в углу терпения страдать,
Лишь не просить у богачей одежды да обеда.

Воистину — зачем скрывать — считаю адской мукой я
К блаженству рая вознестись при помощи соседа.

РАССКАЗ 4

Некий иранский царь отправил одного искусного врача служить Мухаммеду-Избраннику, — да благословит и да приветствует его Бог! Целый год врач пробыл в стране арабов, но за это время никто не пришел к нему показаться или просить у него исцеления. Пошел он к пророку — мир ему! — и пожаловался:

— Меня прислали сюда лечить твоих последователей, но до сих пор никто не обращался ко мне с просьбой исполнить эту обязанность, возложенную на твоего раба.

Посланник — мир ему! — молвил:

— У нашего народа такой обычай в ходу: пока не одолеет их голод, они не смотрят на еду, и отстраняют они руки от еды, еще не утолив до конца голода!

— Вот причина здоровья! — воскликнул врач и, поцеловав прах у ног пророка, уехал.

Мудрец тогда вести беседу станет,
Тогда лишь к пище руку он протянет,

Когда молчанье делу повредит,
А голод сил его совсем лишит

И ясно — будет мудро малословье,
А пища принесет ему здоровье.

РАССКАЗ 5

В жизнеописании Ардашира Бабакана говорится что как-то раз он спросил арабского мудреца:

— Сколько пищи надо принимать в день?

— Весом в сто дирхемов! — ответил тот.

— А сколько силы получишь от этого? — спросил Ардашир.

— Такое количество пищи, — отвечал араб, — будет носить тебя, а все, что ты добавишь к этому, ты сам будешь носить.

Это значит: достаточно такого количества пищи, чтобы ты на ногах держался сам, а все, что ты съешь сверх этого, — излишек, который придется носить твоим ногам.

Мы едим, чтобы жить, чтоб воздать Богу честь —
Ты считаешь, что жизнь для того, чтобы есть.

РАССКАЗ 6

Два хорасанских дервиша странствовали вместе. Один из них был очень хил, так как он только раз за две ночи ел и пил, а другой был крепок, так как за день он ел три раза. Случайно у ворот одного города их заподозрили в соглядатайстве, обоих заперли в один дом и двери замазали глиной потом.

Через две недели, когда выяснилось, что они не виновны, сильного нашли мертвым, а хилого живым. Все поражались этому. Один мудрец сказал:

— Вот если бы случилось обратное, тогда было бы удивительно, ибо первый был обжорой, не был закален в лишениях и умер в мучениях, а второй был воздержан и, конечно, в силу привычки и умеренности вытерпел голод и остался жив!

Те, что воздержны при еде бывают,
Всегда легко перенесут лишенья.

Кто чреву угождал и жил в обилье,
Попав в беду, погибнет от мученья.

РАССКАЗ 7

Некий мудрец запрещал сыну много есть, уверяя его, что пресыщение губит человека. Сын ответил:

— О отец, напротив, голод морит людей. Разве ты не слыхал, что говорят остроумные люди: «Лучше умирайте, пресытясь, а с голодом не миритесь».

— Соблюдай меру! — воскликнул отец. — «Ешьте, пейте, но не излишествуйте!» [11]

Не нужно обжираться, друг, не то тебя сорвет,
Не нужно также голодать — не то душа уйдет...

*

И довольства и радости много бывает от пищи,
Но больным упадет, кто в своей ненасытен алчбе...

Будет вредно варенье из роз, если есть выше меры,
Ешь умеренно, друг, — будет корка вареньем тебе.

*

Когда ты человек, тогда не будь обжора —
И пес из-за еды натерпится позора.

РАССКАЗ 8

Спросили некоего больного:
— Чего тебе хочется?
— Ничего не хочется! — ответил больной.

Когда объестся человек и заболит живот,
Ему на помощь ни одно лекарство не придет.

РАССКАЗ 9

В городе Васите суфии задолжали несколько дирхемов одному бакалейщику[12]. Бакалейщик ежедневно приходил за своими деньгами и обзывал суфиев грубыми словами. Братья его назойливостью были утомлены, но что поделаешь — терпеть были принуждены. Один благочестивый муж из их числа воскликнул:

— Легче утолить голод чрева обещанием пищи, чем удовлетворить бакалейщика обещанием денег1

Ты лучше откажись от милости богатых,
Чтоб от привратников не слушать грубых слов.

Да, лучше умереть от недостатка мяса,
Чем ругань выносить нахальных мясников...

РАССКАЗ 10

Во время татарского нашествия один доблестный муж был смертельно ранен. Кто-то сказал ему:

— У такого-то купца есть целебное снадобье; если ты у него попросишь, быть может, он не пожалеет дать тебе его.

Говорят, что этот купец славился своей скупостью.

Если б он не хлеб, а солнце
Положил на стол с едой,

То до воскресенья мертвых
Мир забыл бы свет дневной.

Доблестный муж молвил:

— Если я попрошу мне потребное снадобье целебное, то еще не известно, даст он или не даст. Если он и даст, не известно, поможет мне это снадобье или не поможет, но само унижение — упрашивать его — это уже смертельный яд!

Все, что ты выклянчил у подлых, злых людей,
Ты телу дал, отдав кусок души твоей.

И мудрецы говорят: «Если будут продавать воду жизни ценою чести, мудрый человек не станет ее покупать, ибо лучше умереть в мучении, чем жить в унижении».

Из рук у доброго возьмешь ты колоквинт, как сладость,
А кислолицый сладость даст — и все тебе не в радость.

РАССКАЗ 11

У некоего ученого в семье едоков было немало, а средств не хватало. Он обратился с просьбой о помощи к одному вельможе, который был о нем самого доброго мнения. Однако вельможа нахмурился, услышав его просьбу, попрошайничество со стороны образованного человека показалось ему омерзительным.

Не делай кислого лица, когда идешь просить у друга.
Иначе будет и тебе и другу очень тяжело.

Когда идешь, гоним нуждой, иди с веселою улыбкой —
И благодетель твой тогда не сморщит ясное чело.

Говорят, что вельможа прибавил ему жалованье не намного, но намного убавил свою привязанность к нему. Через некоторое время ученый, не замечая у него прежней привязанности, воскликнул:

Противна пища, если ты обрел ее, главу унизив:
Бурлит котел твой, но в котле честь, друг мой, варится твоя

*****

Да. возвышенье платы мне приводит к умаленью чести..
Уж лучше бедствовать — мольба и униженье ходят вместе.

РАССКАЗ 12

Некий дервиш оказался в нужде. Кто-то сказал ему:

— Такой-то человек обладает несметным богатством; если он узнает о твоей нужде, то он незамедлительно поможет тебе в беде!

— Я его не знаю!—воскликнул дервиш.

— Я сведу тебя к нему! — воскликнул товарищ и, взяв его за руку, повел его в дом богача.

Дервиш, на богача с надутыми губами и важно восседающего бросив взгляд, ничего не сказал и воротился назад. Кто-то сказал ему:

— Что же ты наделал?

— Я подарил его подарок выражению его лица! — молвил он.

Не проси ничего у людей кислорожих:
Их увидишь — и жизнь сокращается вдвое.

Говори о беде только с тем человеком.
Чья улыбка дарит тебе злато покоя.

РАССКАЗ 13

Однажды в засушливый год дервиши в Александрии выпустили из рук поводья выдержки. Врата небесные были заперты для земли,

хотя вопли ее жителей и достигали небесных обителей.

Звери, птицы, букашки и рыбы взносили
К небосводу мольбы, поношенья, упреки.

Если б люди собрали все вздохи и стоны,
Это были бы тучи, а слезы — потоки.

В такую годину жил один подлец — да не будет у него друзей! — о свойствах которого было бы неприлично говорить, особенно в присутствии вельмож, но так как нельзя и промолчать о его свойствах, ибо люди могут объяснить молчание бесталанностью рассказчика, то поэтому ограничимся двумя двустишиями — ведь, как известно, немногое свидетельствует о многом, а горсточка зерна служит образцом многих харваров.

Когда б его убил злодей татарин —
Татарин этот был бы чист вполне.

Подлец не раз стоял Багдадским мостом:
Под ним вода, а люди — на спине.

Вот такой человек, о свойствах которого ты слышал сейчас, в такую тяжкую годину обладал несметным богатством. Он жертвовал людям свое добро, раздавал нуждающимся золото и серебро, а для странников расстилал скатерть... Несколько дервишей, доведенных до крайности гнетом бедствия, решили пойти на его благотворительный пир и пришли предварительно посоветоваться со мной. Не соглашаясь, я покачал головой и воскликнул:

Не станет лев объедки есть собачьи,
Он лучше сдохнет в логове своем;

Подвергни тело голоду и мукам,
Но не унизься перед подлецом.

*

Пусть Фаридуну равен он несметностью своих богатств,
Но раз душой ничтожен он — его поставишь ни во что ты.

Шелк и парча на подлеце его не скрасят все равно...
Стена останется стеной под слоем пышной позолоты.

РАССКАЗ 14

Спросили Хатема Тайского:

— Видал ли ты на свете человека более великодушного, чем ты, или, может быть, слыхал о таком?

— Да, — ответил тот, — однажды я принес в жертву сорок верблюдов для арабских эмиров, и случай меня увлек в пустыню, в отдаленный уголок. Там я увидел дровосека, собиравшего вязанку верблюжьей колючки. Я спросил его:

— Почему ты не идешь на благотворительный пир Хатема, ведь вокруг его скатерти собралось целое племя?!

Он ответил:

Коль ешь ты хлеб, своим трудом добытый,
Подачки у Хатема не ищи ты.

Я убедился, что он более великодушен и благороден, чем я!

РАССКАЗ 15

Моисей — мир ему! — однажды увидел бедняка, закопавшегося в песок, чтобы скрыть свою наготу...

— О Моисей, — попросил бедняк, — помолись за меня, чтобы Всеславный и Всемогущий Господь дал мне средства к жизни, или не видишь ты — я дошел до крайности от нищеты!

Моисей — мир ему! — помолился и ушел. Спустя некоторое время он возвращался после беседы наедине с господом и увидел, что закован в цепи бедняк, а вокруг него собралась толпа зевак. Моисей спросил:

— Что случилось?

Ему ответили, что бедняк напился, подрался и убил человека; теперь его ведут на казнь...

Бывает, слабый силу обретет, —
И вот уже он слабым руки гнет.

«Если бы бог полными руками сыпал дары свои на людей, они сделались бы на земле непокорными!»

Моисей — мир ему! — признал мудрость творца вселенной и попросил прощенья за свою дерзкую молитву.

Надменный, кто тебя вверг в яму? Цела ль еще душа твоя?
Погиб ты! Крылья непотребны, как вижу я, для муравья!

*

Коль деньги получил подлец, алмазы, золото, чины,
Тогда его дурной башке толчки и тумаки нужны.

Ты разве не слыхал, мой друг, присловье древних мудрецов:
Лишь та букашка хороша, которой крылья не даны?

*

У отца много меда, но сын его бредит в жару..

*

Тот, кто не залил роскошью тебя,
Так поступил, поверь мне, лишь любя.

РАССКАЗ 16

Видел я одного араба среди ювелиров Басры. Он рассказывал:

— Однажды в пустыне я потерял дорогу и испытывал великую тревогу. У меня не было никаких путевых припасов, и я готовился к гибели, как вдруг я нашел мешок, оказавшийся полным жемчуга... Никогда мне не забыть того восторга и радости, когда я еще думал, что он полон жареных пшеничных зерен, и той горечи и отчаяния, когда я увидел, что это жемчуг!

Когда в сухой пустыне ты среди песков сыпучих жаждешь,
Возьмешь ли раковину в рот, иль жемчуг — пропадешь с тоски

Когда с дороги сбился ты, забыв дорожные припасы,
То деньги в поясе твоем — что глиняные черепки.

РАССКАЗ 17

В пустыне однажды один араб кричал от непомерной жажды:

Одну я знать хочу до смерти
Утеху — слаще всех утех, —

Чтобы река колен достигла,

А я наполнить мог свой мех.

РАССКАЗ 18

Подобным же образом некий путешественник заблудился в бескрайней пустыне. Силы его иссякли, припасы истощились, хотя в поясе его еще дирхемы хранились. Он долго блуждал, но, не обнаружив дороги, погиб от лишений. И вот как-то его тело увидели странники. Около тела лежали дирхемы, а на песке было начертано:

Припасов путевых не взявший в дальний путь
И с чистым золотом окажется в убытке.

Голодным путникам вареной репы кус
В песках нужней, чем все серебряные слитки...

РАССКАЗ 19

Я никогда не жаловался на времени круговорот и не хмурил лица, видя, что превратная судьба мне несет. И лишь однажды, когда ноги мои были босы и не было у меня возможности купить туфли, я вошел со злобой в душе в соборную мечеть Куфы. И там я увидел человека, у которого не было ноги... Я возблагодарил Господа за благодеяния Его и стал терпеливо переносить отсутствие у меня обуви.

Сытый смотрит на дичь равнодушно и вяло,
Дичь ему все равно что порей за обедом.

Но вареная репа — что дичь для бедняги,
Кому сытый обед и достаток неведом...

РАССКАЗ 20

Однажды зимою некий царь с несколькими приближенными отъехал во время охоты далеко от дворца. Наступил вечер. Увидев неподалеку крестьянскую хижину, царь сказал:

— Ночью пойдемте туда, чтобы холод нас не беспокоил.

Один из вазиров молвил:

— Недостойно высокого сана царей искать убежища в хижине ничтожного крестьянина. Лучше мы здесь разобьем шатер и разведем костер!

Узнав об этом, крестьянин приготовил, что у него было под рукой, и отнес царю. Поцеловав перед ним прах, он молвил:

— Величие государя не особенно пострадало бы, если бы он зашел в нашу хижину, но советники не хотели, очевидно, чтобы возвысилось достоинство крестьянина!

Царю понравилась его речь, и ночью все перебрались в его хижину. Утром царь одарил крестьянина почетной одеждой и наделил другими дарами. Крестьянин некоторое время шел у стремени царя, такие стихи говоря:

Хотя удостоил султан бедный дом наш своим посещеньем,
Он саном своим и величьем от всех умалений храним...

Зато вознеслась деревенская шапка до солнца макушкой.

Высоким присутствием, царь, осеняясь твоим...

РАССКАЗ 21

Рассказывают, что какой-то презренный нищий сколотил огромное состояние. Царь сказал ему:

— Говорят, у тебя несметные богатства, а мы испытываем большую нужду. Если ты поможешь нам некоторым количеством денег, то мы, как только получим урожай, отдадим тебе долг!

— О повелитель лика земли, — молвил нищий, — недостойно величия царей марать свою великодушную десницу деньгами такого, как я, нищего, — ведь сбирал я это богатство по зернышку!

— Не беда, — воскликнул царь, — мне нужно отдать их неверным, грязное достойно грязных!

Не слишком хороша вода из христианского колодца,
Но если иудей умрет — то чем омыть его придется?

*****

Говорят: нечиста известковая глина
И для доброй годится ли цели?

Мы ответим: ну что же, тогда мы замажем
Ею места отхожего щели.

Слыхал я, что нищий отказался выполнить царский указ, стал спорить и говорить дерзости, на государя злясь. Тогда царь велел отнять требуемое количество силой и угрозами.

Коль царь не может лаской справить дело,
Тогда пора насилия приспела.

Кто не способен ближним сострадать,
Не может милосердья ожидать.

РАССКАЗ 22

Видал я одного купца, у которого было товара сто пятьдесят верблюжьих вьюков, сорок слуг и рабов. Однажды ночью на острове Киш он повел меня в свою лавку и всю ночь без отдыха бормотал пустые слова:

— В Туркестане у меня есть такой-то склад, а в Хиндустане такой-то товар, вот купчая крепость на такую землю, а такой-то должен мне столько-то...

То он говорил:

— Вот собираюсь в Александрию, там хороший воздух!

Потом восклицал:

— Нет, в Западном море человека подстерегают всякие бедствия. Но, Саади, предстоит мне еще одно путешествие; если только оно осуществится, то весь остаток жизни я проведу в своем углу!

— Какое же это путешествие? — спросил я.

— Я хочу повезти в Китай персидскую пемзу, — я слышал, она там в высокой цене, а оттуда повезу китайский фарфор в Рум, румийский шелк — в Индию, индийскую сталь —в Алеппо, алеппское

стекло — в Йемен, а йеменские ткани — в Персию. После этого оставлю я торговлю и засяду в своей лавке...

Короче говоря, он нес столько чепухи, что у него не было уже сил говорить.

— Саади, ты тоже расскажи что-нибудь о том, что ты видел или слышал! — попросил он наконец.

Я воскликнул:

В пустыне, средь могил — ты слышал, друг? —
С верблюда у купца свалился вьюк;

Он молвил: «Очи жадные насытит
Одна могила: мал для них сундук!»

РАССКАЗ 23

Слыхал я об одном богаче, скупость которого повсеместно была настолько же известна, насколько щедрость Хатема Тайского. Снаружи он был украшен мирскими благами, но внутри его до такой степени укоренилась душевная мерзость, что он не выпустил бы из рук малый хлебец за великую душу, не угостил бы куском хлеба кошку Абу-Хурейры и не бросил бы кости собаке семи отроков...[13] Словом, никто не видал дверь его дома открытой, а скатерть его накрытой.

Лишь запах вкусных яств его
Отведать мог несчастный нищий;

И птицам, пообедав, он
Кусочка не оставит пищи.

Слышал я, что он через Западное море направлялся в Египет и мечтал он стать Фараоном, «вдруг пришел час ему потонуть» [14], плыть стало трудно, противный ветер закачал судно:

Как сердцу не всегда дано с твоей природой гнусной ладить,
Так и попутный ветер дуть в твой парус может не всегда.

Он воздел руки с молитвой и начал бесполезно орать: «Садясь на корабль, они заверяют <ога, что они чисты и благочестивы!»[15].

Что пользы, если раб в нужде с молитвой тянет к небу руки,
Коль в дни благие он держал под мышкой руки, не молясь?..

*

Ты золотом и серебром старайся людям делать благо
И можешь щедро на себя тогда достаток тратить свой.

Когда же этот дом земной покинешь, то возьмешь в дорогу
Под голову два кирпича — серебряный и золотой...[16]

Говорят, что у того богача в Египте были бедные родственники, которых дом обогатился оставшимся после него добром. Они разорвали свои старые платья и сшили новые из парчи и дамьеттской

ткани. На той неделе видел я одного из них, он гарцевал на скакуне, а за ним бежал слуга...

О, если бы назад пришел усопший
К родным, в тот город, где провел он детство!

Заплакал бы, как над родным умершим,
Наследник, возвращающий наследство...

В силу старого знакомства, которое было между нами, я взял наследника утонувшего богача за руку и сказал:

Достойный муж, добро не береги напрасно:
Твой родич все копил — и все гноил, злосчастный...

РАССКАЗ 24

Одному слабому рыбаку попала в сеть сильная рыба. Он не мог удержать ее, рыба пересилила его, вырвала из рук его сеть и ушла.

Раз водонос отправился к ручью —
И смыт в пучину был его волнами.
Ловилась рыба в сети каждый раз,
А тут явилась — и ушла с сетями.

Другие рыбаки сожалели его и упрекали:

— Такая добыча попала тебе в сеть, не сумел ты ею завладеть.

— Братцы, — ответил он, — что же делать, видимо не суждена была мне эта доля, да и дни рыбы еще не были сочтены!

В сети рыбака без счастья рыба даже в Тигре не попадет, а рыба, пока не пробил ее смертный час, даже на суше не умрет.

РАССКАЗ 25

Некий безрукий и безногий человек убил сороконожку. Один благочестивый муж, проходя мимо, заметил это и воскликнул:

— Слава Аллаху! Хотя было у нее сорок ног, но, когда велел ее рок, она не смогла убежать от безрукого и безногого!

Когда бежишь ты от врага в свои последние минуты,
Твой конь, коль суждено судьбой, сам на ногах почует путы.

Когда тебя настигнет враг неумолимый — смерть твоя,—
Тогда едва ль натянешь ты лук бесполезный бытия.

РАССКАЗ 26

Я видел здоровенного балбеса, облаченного в драгоценное платье, под ним гарцевал арабский конь, на голове его красовалась чалма из египетского полотна... Кто-то спросил меня:

— Саади, как тебе нравится пурпурный шелк на этой безмозглой скотине?

Молвил я:

— Это листок подметный, гнусный, золотыми чернилами написанный искусно!

Он на людей похож, как на зверей осел,
Всего теленок он, ревет же, словно вол.

Добрая природа лучше тысячи шелковых платьев.

Нельзя сказать, чтоб этот скот на человека был похож —
Лишь внешний облик, да тюрбан, да человека одеянье.

Проникни в мысли ты его, исследуй все его нутро —
Там не найдешь следов добра, лишь кровь есть для кровопусканья.

*****

Коль благородного беда постигнет, думать ты не смей,
Что все достоинство его под гнетом нищеты падет...

Каймой из золотых гвоздей обив серебряную дверь,
В число достойных иудей — что хочешь делай — не войдет.

РАССКАЗ 27

Один вор сказал нищему:

— Неужели тебе не стыдно обрекать себя на муку и из-за ничтожного гроша перед каждым подлецом протягивать руку?

Нищий отвечал:

Нет, лучше руку протяну я за серебряным грошом,
А то сворую золотой — и отсекут ее мечом.

РАССКАЗ 28

Рассказывают, что один борец злою судьбой был измучен вконец, а его широкая шея — хоть плачь! — обессилела от неудач. Пошел он жаловаться своему отцу и попросил у него разрешения:

— Я решил отправиться в путешествие, быть может, удастся мне силой руки завладеть полою счастья.

Способность, доблесть — все ничто, пока мы не приложим труд.
Кладут алоэ на огонь, благоуханный мускус — трут.

Отец ответил:

— О сынок, выкинь из головы безрассудные мысли и подбери ноги воздержания под полу спокойствия, ибо мудрецы говорят: «Счастье дается не по труду», и потому лучше причинять себе меньше волнений.

Ты в жизни счастия полу не схватишь, друг мой, грубой силой,
Скажи слепой, чтоб зря она бровей сурьмой не обводила.

*

Что сделает силач, когда судьба гневлива?
Не нужно мощных мышц — владей рукой счастливой!

Пусть в каждом волоске твоем по сто умов гнездится разом:
Коль злая у тебя судьба, и этот не поможет разум.

— О отец, — возразил юноша, — выгоды путешествия велики: путешествуя, радуешь сердце, извлекаешь выгоды, видишь разные диковины, слышишь о чудесах, осматриваешь города, беседуешь с друзьями, расширяешь образование и познания, умножаешь богатство и состояние, знакомишься с людьми и испытываешь судьбу. Как говорят путники, идущие по божьей дороге:

Пока лишь дом твой для тебя хорош,
Невежда, ты на мужа не похож!

Иди же, друг, и поброди по свету,
Пока навек со света не уйдешь...

— О сынок, — молвил отец, — выгоды путешествия, как ты сказал, велики, но дело в том, что оно доступно пяти родам людей. Во-

первых, купцам, живущим сладко и, кроме богатства и достатка, имеющим прелестных рабов, невольниц и расторопных конюхов. Они наслаждаются мирскими благами каждый день в новом городе, каждую ночь в новой обители, каждую минуту в новом отрадном уголке.

Богач не будет чужестранцем в горах, в степях, среди пустыни —
Шатер разбить сумеет всюду, расположиться на ночлег.

Но тот, кому мирские блага и наслажденья не доступны,
В своей стране, в родном селенье — как чужеземный человек.

Во-вторых, ученому, которого благодаря его сладким беседам, его красноречия победам и достоинствам ума, куда бы он ни явился, окружают почестями и оказывают ему всяческие услуги.

Как золото — ученого природа,
Ему повсюду воздадут почет.

Невежда-князь — фальшивая монета,
Что на чужбине нищий не берет.

В-третьих, красавцу, к общению с которым склоняются сердца всех людей, наделенных сердцем: как говорят мудрецы, — небольшая красота лучше большого богатства. Уверяют, что красота лица — бальзам, исцеляющий утомленные сердца, и ключ, отпирающий замкнутые двери. Естественно, общество его всюду считает желанным, а услужение ему воспринимается как приятная обязанность.

Куда б красавец ни пошел, везде он встретит уваженье,
Хотя бы выгнали его из дома и отец и мать.

Перо павлинье видел я однажды средь страниц корана,
И я сказал ему: «Перо! Зачем же ты полезло в знать?»

«Молчи, — оно сказало мне, — куда бы ни поставил ногу
Красавец — ты ведь знаешь сам, его уже не задержать».

*

Когда красив и строен молодец,
Не страшно — пусть и выгонит отец:

Он — жемчуг без ракушки, и найдется
Для одиночки-жемчуга купец.

В-четвертых, певцу, который голосом Давида останавливает течение воды и птицу в полете. При помощи этого дара он пленяет сердце влюбленных; мудрые люди стремятся к общению с ним и всячески ухаживают, как за другом дорогим.

Слух жаждет песен с дивною игрой,
Кто разбудил бы гусель сладкий строй?

*

Как приятен голос нежный, голос, полный чувств глубоких,
Для гуляки, что напитком предрассветным упоен;

Сладкий голос много лучше, чем лицо прекрасной девы,
Красота — для тела радость, голос — для души полон.

И наконец ремесленнику, который трудом своих рук добывает себе средства к жизни, так что ему не приходится унижать свое достоинство ради хлеба насущного.

Не будет терпеть ни нужды, ни лишений
Покинувший край свой сапожник безродный.

Когда ж царь Нимруза покинет пределы
Родимой страны, то заснет он голодный.

О сынок, эти свойства, описанные мной, людям дают душевный покой и всякое благоденствие во время путешествия; а человек, лишенный этих свойств, пустится в мир с тщетными надеждами, никто не услышит его имени, и ничего о нем не будет известно.

С кем коловратность неба не в ладу,
Того не поведет ко благу рок.

Коль голубю в гнездо не суждено
Вернуться, захлестнет его силок.

— О отец, — воскликнул сын, — как же можно возражать мудрецам, которые говорили: хотя хлеб насущный и распределен небом, но все же нужно каким-то способом добывать его; хотя бедствия предопределены судьбою, но все же нужно держаться подальше от дверей, через которые они входят.

Хоть хлеб насущный нам ниспослан свыше,
Ищи его в полях, чтоб не пропасть.

Хоть не умрет никто, коль час не пробил,
Ты не бросайся все ж дракону в пасть.

У меня теперь столько сил, что я могу биться с разъяренным слоном и схватиться со свирепым львом. Итак, о отец, мне будет всего благоразумнее отправиться в путешествие, ибо я не могу терпеть лишения на каждом шагу.

От дома ль человек, от родины ль оторван,
Зачем ему скорбеть? Отчизна — окаем.

Богач, как ночь придет, себе ночлега ищет,
Дервишу — там, где ночь его застигнет, — дом.

Сказав это, юноша с ним простился, попросил благословенья и в путь пустился. Про себя он приговаривал:

Когда не знает счастья муж доблестный и честный,
Идет он в край, где может прожить совсем безвестный...

И вот борец добрался до берега реки, которая в ярости влекла по дну камни, ударяя их друг о друга и шумя на целый фарсанг.

Река бурлива, плавать в ней
И альбатрос бы смог едва,

И даже маленькая рябь
Смывает с мельниц жернова.

Он увидел, что несколько человек, заплатив по куразе, сидят на пароме и собираются отплыть. Так как у юноши рука щедрости была пуста, то он отверз с мольбой уста; но сколько он ни умолял, ему не оказали никакого содействия.

Без золота осилить ты не сможешь никого в борьбе,
А золото имеешь ты — и сила не нужна тебе.

Бессовестный паромщик со смехом отвернулся от него и сказал:

Ужель чрез море ты переплывешь,
Коль сила есть, но мало золотых?

Дай золото хотя б от мертвеца,
Зачем мне сила десяти живых?

У юноши сжалось сердце, когда он услыхал издевательские слова паромщика, и он решил отомстить; но ладья уже отходила. Тогда юноша закричал:

— Если тебя удовлетворит одежда, надетая на мне, я ее не пожалею.

Паромщик, бросив на одеянья взгляд, соблазнился и повернул ладью назад.

От алчности закрыв глаза, уж не один мудрец погиб;
Да, жадность завлекает в сеть и быстрых птиц и хищных рыб.

Как только борода и ворот паромщика оказались в руках юноши, он стащил его с парома и безжалостно ударил оземь. Сошел с парома товарищ паромщика, желавший оказать ему помощь, но, увидев такого великана, обратился в бегство. Ничего не поделаешь — они помирились с борцом, не стали с него брать деньги за то, что пустили его на паром.

Насилью противопоставь смиренье —
И кротостью запрешь врата сраженья.

Насильник кротость встретил и умолк —
Ведь острый меч не режет мягкий шелк.

Слона вести ты можешь без опаски
За волосок — побольше только ласки...

Паромщики стали просить извинения за случившееся, припали к его ногам, несколько раз притворно поцеловали его в лоб и глаза, а затем позволили ему на паром шагнуть и пустились в путь. Наконец они доплыли до колонны, оставшейся в воде от греческих построек. Паромщик воскликнул:

— Ладья дала течь. Тот из вас, кто сильнее всех, должен взобраться на колонну и держать канат ладьи, чтобы мы могли

заделать щель.

Юноша, обольщенный своей смелостью, не заподозрил дурных намерений оскорбленного врага и пренебрег указаниями мудрецов, которые говорят: «Если ты однажды огорчил чье-либо сердце, то, хотя бы ты доставил вслед затем этому человеку сотню удовольствий, берегись его возмездия за ту одну обиду, ибо стрела вынимается из раны, но обида остается в сердце».

Бекташ сказал Хилташу: «Нанес врагу обиду —
Его остерегайся, не упускай из виду».

*

Обиды ожидай всечасно,
Обидевши кого-нибудь,

И не кидай о стенку камнем —
Тебя ударит камень в грудь.

Как только юноша намотал на руку канат ладьи и взобрался на колонну, паромщик вырвал канат из его руки прочь и погнал ладью во всю мочь. Бедный юноша был поражен и ничего не смог сделать. Два дня он терпел бедствия и мучения, тяжелые лишения, а на третий день сон схватил его за ворот и сбросил в реку; через сутки течение выбросило его на берег. В нем еще тлели последние искорки жизни. Он начал есть древесные листья и корни трав; набравшись немного сил, он направился в пустыню. Долго шел он, пока не добрался, изнуренный, изнемогая ст жажды, до колодца. Вокруг колодца собрались люди, за один башиз им давали одну чашу воды. У юноши

не было ни одного башиза; он начал просить и умолять, чтобы ему дали попить, как и другим, но никто не сжалился над ним. Он хотел взять воду силой, но это ему не удалось. Тогда что же ему было делать — он свалил наземь несколько человек, но люди его одолели, безжалостно избили и изранили.

Коль тучи комаров начнут кусать слона,
То, как он ни могуч, едва ль спасется слон.

А если муравьи на льва пойдут гурьбой, —
Как он ни яростен, ободран будет он.

Ничего больше не оставалось делать — пристал он к каравану и пошел с ним рядом. Ночью добрались они до какого-то ночлега, опасного по причине водившихся неподалеку разбойников. Заметил борец, что караванщиков охватила дрожь, а в душе их царит страх перед гибелью.

— Не страшитесь, — воскликнул борец, — с вами нахожусь я, а я один могу справиться с пятьюдесятью мужчинами, да и другие юноши мне помогут!

Услыхав эти слова юноши, путники, шедшие с караваном, воспрянули духом, довольные его заступничеством нежданным. Они сочли нужным поддержать его силы пищей и водой. У юноши в желудке бушевал огонь; повода терпения выскользали из его рук. Он с жадностью проглотил несколько кусков еды, а вслед затем выпил несколько глотков воды. Успокоив дэвов своего желудка, он заснул.

Шел с караваном один старец, повидавший мир.

— Друзья, — воскликнул он, — я не столько опасаюсь разбойников, сколько этого нашего телохранителя. Рассказывают, что у одного араба была малая толика дирхемов; по ночам он никак не мог заснуть один в доме от страха перед ворами. Привел он к себе друга, чтобы тот рассеял своим обществом ужас его одиночества. Несколько ночей провел друг в его обществе и, как только узнал о местонахождении дирхемов, украл их и убежал. Утром увидели араба

голым и плачущим. «Что же случилось, — спросили его, — не украл ли вор твои дирхемы?» — «Нет, клянусь аллахом, — ответил он, рыдая, — их украл сторож!»

Всегда остерегался я змеи,
С тех пор как я узнал о свойствах змей;

Страшнее нам укус того врага,
Что другом кажется в глазах людей.

Откуда вы знаете, может быть, этот юноша из числа разбойников, а к нам в караван коварно проник, чтобы известить своих друзей в подходящий миг? Я советую оставить его спящим, а самим уехать!

Опасения, высказанные стариком, овладели всеми, они заподозрили борца и, навьючив свои пожитки, ушли, оставив его спящим. Юноша же пришел в себя только тогда, когда солнце начало печь и плечи ему жечь. Он поднял голову и видит, что караван ушел. Долго блуждал бедняга, но так никуда и не добрался. Томимый жаждой и голодный, приник он лицом к земле и, приготовившись душой к гибели, сказал:

Кто будет говорить со мной,
Коль каравана нет следа?

Одним скитальцам жалит грудь
Скитальцев горькая беда.

•

Скитальца тот обидит человек,
Который на чужбине не был век.

В то время как несчастный произносил эти слова, у его изголовья стоял царевич, во время охоты далеко ушедший от своей свиты. Царевич услышал его слова и посмотрел на его печальный вид. Внешний облик юноши показался царевичу благородным, а его состояние — плачевным. Царевич спросил юношу:

— Откуда ты, и как ты попал в эту местность?

Юноша кратко рассказал про свои злоключения.

Царевич сжалился над его плачевным положением, дал ему одежду и денег. Потом он отправил его со скороходом, и так борец добрался наконец до своего города. Отец обрадовался встрече с ним и возблагодарил бога за то, что сын вернулся благополучно. Вечером борец рассказал отцу о том, что с ним приключилось: о случае с ладьей и жестокости паромщика, о насилии крестьян у колодца и предательстве караванщиков на дороге... Отец молвил:

— О сынок, разве не говорил я тебе, когда ты собирался уходить, что у бедняков десница храбрости связана, а длань смелости сломлена?

Однажды правильно сказал воитель, беден и суров:
«Мне лучше золота зерно, чем силы пятьдесят пудов».

— О отец, — возразил юноша, — так или иначе, пока не приложишь труда, не добудешь богатства, и будет тебя грызть нужда, пока душу опасностями не закалишь, никакого врага не победишь и, если зерен не посеешь, урожай собрать не сумеешь. Разве ты не видишь, какой небольшой труд я потратил и какой благодаря ему приобрел покой, за тот небольшой укол жала сколько меду у меня стало!

Хоть хлеба больше мне не съесть, чем мне велит судьба моя
Его усердно добывать своей рукой обязан я.

*

Когда бы водолазу был страшен крокодил,
Жемчужин драгоценных ему бы не дал Нил.

Нижний жернов не движется, и потому приходится ему терпеть великие муки.

Что станет есть свирепый лев, из логова не выходя?
И если сокол одряхлел, то где ему найдется пища?

Не толще лапы паука окажется твоя рука,
Когда на лов не выйдешь ты за стены своего жилища.

— О сынок, — молвил отец, — на этот раз тебе помогло небо, ты был спасен счастливой судьбой — тебя увидел богатый человек, сжалился над тобой и по милости своей вывел тебя из тяжелого положения, но такие случаи бывают очень редко, случайностям нельзя доверять, берегись и не позволяй суетной надежде снова ввести тебя в обман, как прежде.

Не всегда на шакала охотник, поверь, набредет,
А иной угодит прямо к хищному тигру в живот.

Так, у одного из персидских царей на пальце был драгоценный перстень. Однажды он с несколькими приближенными для развлечения отправился на загородное молитвенное поле Шираза, велел водрузить свой перстень на куполе мечети Иззаддовле и сказал:

— Чья стрела пройдет сквозь перстень, тому он и будет принадлежать.

Случайно все четыреста лучников, которые были в его свите, сплоховали. А в это время какой-то мальчик, игравший на крыше постоялого двора, пускал во все стороны игрушечные стрелы. Шальной ветер пронес его стрелу сквозь перстень. Он получил почетное платье и другие дары, и в том числе перстень. Мальчик тут же сжег лук и стрелы.

— Зачем ты сделал это? — спросили его.

— Чтобы моя первая удача не покинула меня! — отвечал он.

Бывает, даже мудрый человек
Не скажет умной мысли ни одной,

А то и неразумное дитя
Случайно попадает в цель стрелой.

РАССКАЗ 29

Слышал я, что некий дервиш обитал в пещере, затворив врата перед мирянами, и в глазах его высоких помыслов цари и богачи не заслуживали никакого уважения и не обладали величием.

Кто начал попрошайничать, за это
Безмерной будет нищетой измучен.

Оставишь жадность — будешь жить, как царь,
Неалчного удел благополучен.

Один из царей того края послал ему письмо, к себе приглашая:

— Мы просим благосклонности святого мужа, чтобы он отведал с нами вместе хлеба-соли!

Шейх дал согласие, ибо удовлетворять просьбы — божий завет. На следующий день царь отправился к отшельнику с ответным посещением. Отшельник встал с места, обнял царя, за посещение его благодаря, обласкал его и воздал ему хвалу. Когда царь удалился, один из послушников спросил шейха:

— Та любезность, которую ты оказал сегодня царю, была не в твоем обычае; мы никогда не замечали, чтобы ты с кем-либо так обращался.

— Разве ты не слыхал, — молвил шейх, —

Когда за чьей-то скатертью сидишь,
Ты должен встать, хозяину служа...

*

Коль бубен, арфа, флейта замолчат,
То ухо проживет без их услад.

Не любоваться может глаз садами,
Не наслаждаться может нос цветами.

Когда подушки будешь ты лишен,
На камне спи — ее заменит он.

Когда нельзя обнять подруги милой —
Скрестивши руки ты заснешь, унылый...

Но жалкий наш желудок никогда
Не терпит — нет, ему нужна еда!

Глава четвертая
О ПРЕИМУЩЕСТВАХ МОЛЧАНИЯ

РАССКАЗ 1

Я сказал одному другу:

— Я предпочитаю воздерживаться от разговоров по той причине, что, как правило, в речи может быть и хорошее и худое слово, а глаза врага ничего не подмечают, кроме дурного.

— Тот враг и хорош, — отвечал он, — который не замечает хорошего!

Враг доброго увидит человека —
И заподозрит в злых делах его.

*

Всякая доблесть — порок самый скверный пред оком врагов.
Так Саади — он как роза, но терний пред оком врагов...

*

На мир весь солнце светит дивно,
Нетопырям оно — противно.

РАССКАЗ 2

Некий купец потерял тысячу динаров и сказал сыну:

— Ни за что не говори об этом никому!

— О отец, — воскликнул тот, — воля твоя, я ничего не скажу, но только я хотел бы, чтобы ты объявил мне, какая польза от того запирательства, к чему держать в тайне это обстоятельство?

— Дабы не удвоилась беда и к потере денег не присоединилось злорадство людей.

Врагам раскрывать свои беды негоже:
Они закричат с ликованьем: «Дай боже!»

РАССКАЗ 3

Некий мудрый юноша в занятиях высокими науками был весьма трудолюбив, но по природе был робок и стыдлив: сидя в обществе ученых, он смыкал уста, не решаясь вступить в беседу. Отец сказал ему однажды:

— О сынок, ты тоже говори то, что знаешь!

— Боюсь, — ответил он, — что спросят у меня о том, чего не знаю, и придется мне краснеть!

Слыхал я: суфий некогда забил
Себе в подметку несколько гвоздей,

А полководец потащил его —
Иди и мне коня подкуй скорей!

*****

Покуда ты молчишь, не тронут
Тебя ни юный, ни старик,

А скажешь слово — доказательств
Они запросят в тот же миг.

РАССКАЗ 4

Некий достопочтенный ученый поспорил с одним еретиком — да падет Божье проклятие на его отца! — но, не в силах одолеть еретика при помощи своих доказательств, бросил щит и удалился. Кто-то сказал ему:

— У тебя такое образование и знаний великое множество, как же ты не мог переспорить какого-то безбожника, это ничтожество!

— Знание мое, — ответил он, — Коран, предание и слова шейхов. Но он не верит во все это, не хочет их слушать, так на что мне нужно было слушать его ересь!

Когда к Корану и к преданьям
У спорщиков доверья нет,

Им вовсе отвечать не нужно —
Возможен лишь такой ответ.

РАССКАЗ 5

Гален однажды увидел, что какой-то дурак, схватив какого-то ученого за ворот, поносит его так и сяк. Гален воскликнул:

— Если бы это был действительно ученый, он не довел бы с неучем спора до такой крайности и такого позора!

Не станут ссориться два мудреца.
Когда мудрец оспаривал глупца?

Невежда рот для грубости откроет —
Мудрец его немедля успокоит.

И волос чести дорог умным двум:
Приличия сберечь стремится ум.

Но два невежды, злых зверей свирепей,
Натянут и порвут любые цепи.

*****

Однажды обругал кого-то грубиян,
Но тот сказал: «О ты, что славой осиян!

Еще невелики, мой друг, твои упреки —
Когда бы ты, как я, знал все мои пороки!»

РАССКАЗ 6

Сахбан Ваил признан несравненным по красноречию, потому что он держал речь на одном собрании целый год, не повторяя одного и того же выражения два раза: если ему нужно было выразить ту же мысль, он употреблял другие слова. Вот свойство, необходимое для людей, приближенных к особе царей.

Пусть ты сладкоречив, сердца людей пленял
И все твои слова достойны лишь похвал —

Но возвращаться к ним не нужно многократно —
Ты пой хвалу лишь раз, а больше — неприятно.

Я слышал, что некий мудрец говорил:

— Никто так не выказывает свое невежество, как тот, кто начинает говорить, когда другой еще речь ведет и еще не кончил ее!

У речи есть всегда начало и конец,
Во время речи речь не начинай, мудрец!

Тот, в чьем владении есть мудрость, ум и знанье,
Тогда лишь говорит, когда кругом молчанье.

РАССКАЗ 8

Несколько слуг Махмуда спросили Хасана Мейманди:

— Что сказал тебе султан сегодня о таком-то деле?

— Оно, по-видимому, не является тайной и для вас! — ответил он.

— То, что султан говорит тебе, — возразили они, — он никогда не соизволит сказать таким, как мы!

Нельзя наперснику царя проговориться и случайно:
Ведь может стоить головы раскрытая царева тайна.

РАССКАЗ 9

Я однажды колебался, заключать ли мне сделку на покупку одного дома. Некий иудей сказал мне:

— Я один из домовладельцев этого квартала. Если хочешь знать, насколько этот дом хорош, лучше меня знатока не найдешь. А я тебе скажу: покупай, этот дом не имеет никаких изъянов!

— Кроме одного, что ты живешь по соседству! — ответил я.

Дом на десять дирхемов дешевле,
Если рядом соседи такие.

Ты умрешь — и соседние здания
Будут тысячи стоить большие.

РАССКАЗ 10

Некий поэт отправился к главарю разбойников и прочел ему хвалебную оду. Главарь велел снять с него одежду и прогнать из деревни. Несчастный пошел по морозу, бос и гол. На него набросились

собаки, он хотел поднять камень, чтобы их отогнать, но земля обледенела и он ничего не мог поделать.

— Ну и мерзавцы! — воскликнул он. — Собак выпустили, а камни привязали!

Главарь следил за ним из окна и, услыхав его слова, расхохотался.

— О мудрец, — сказал он, — можешь просить у меня что хочешь.

— Я прошу свою одежду, если ты хочешь одарить меня! — ответил он. — И тем уж я буду доволен, что уйду от твоих даров.

От людей мы добра ожидаем всегда,
Но тебя я прошу — хоть не делай вреда.

Главарь разбойников сжалился над ним, возвратил ему одежду да еще прибавил шубу и несколько дирхемов.

РАССКАЗ 11

Некий звездочет, вернувшись домой, увидел незнакомого мужчину, сидевшего с его женой. Звездочет стал ругаться и поносить незнакомца, завязалась драка, поднялся шум. Один умный человек, бывший свидетелем этого события, воскликнул:

Откуда знать тебе движение светил,
Когда не знаешь ты, кто дом твой посетил?

РАССКАЗ 12

Некий проповедник, обладавший отвратительным голосом, полагал, что поет он дивно, и то и дело орал противно. Ты сказал бы, что у него в горле сидит ворон, предвещающий разлуку, или же решил бы, что слова Корана: «Воистину самый противный из голосов — голос осла», — сказаны о нем.

Едва лишь заржал проповедник Абульфаварис,
Как стены Истахра от ужаса вдруг затряслись.

Жители деревни, слушая его пение, бесконечные терпели мучения, но из-за его сана не решались роптать на него. Но вот однажды приехал навестить его один из проповедников той страны, питавший к нему тайную вражду, и обратился к нему:

— Я видел сон о тебе, да будет он тебе во благо!

— Что же ты видел? — спросил он.

— Мне показалось во сне, — ответил приезжий, — что у тебя прекрасный голос и люди наслаждаются твоим пением!

Проповедник погрузился на некоторое время в раздумье, а потом молвил:

— Благословенный сон ты видел, ибо ты указал мне на мой недостаток. Теперь дошло до меня, что у меня противный голос и людям приходится терпеть мучения от громкого моего пения. Теперь я каюсь и отныне буду возглашать хутбу только потихоньку!

Друзья считают благом и все мои изъяны,
И доброе их мненье немало мне вредит.

За доблесть принимают они мои пороки,
И каждый скажет «роза», когда на шип глядит.

Чтоб все свои ошибки мог ясно я увидеть,

Нужны враги мне злые, утратившие стыд.

РАССКАЗ 13

Некто добровольно призывал на молитву в мечети Санджария, но голос его звучал так ужасно, что верующие прониклись к нему ненавистью страстной. Владелец мечети, эмир, был человек справедливый и великодушный и не хотел обижать чтеца. Однажды эмир сказал ему:

— О доблестный муж, при этой мечети есть старые муэдзины; каждому из них я плачу по пять динаров в месяц, но тебе я десять динаров вручить готов, если только ты уйдешь из этих краев!

Чтец согласился на это условие и ушел из мечети. Через некоторое время он встретил эмира на дороге н сказал ему:

— О повелитель, ты поступил со мной несправедливо, предложив мне уйти за десять динаров из той мечети; там, куда я пошел, мне предлагают двадцать динаров, чтобы я ушел в другое место, но я не соглашаюсь.

Эмир покатился со смеху и, нахохотавшись вдоволь, сказал:

— Ни в коем случае не бери, они согласятся и на пятьдесят.

Противно для людских ушей,
Когда тесло скребет гранит.

Но хуже мерзкий голос твой,
Ведь он в душе моей скрипит...

РАССКАЗ 14

Один человек с противным голосом громко читал коран. Навестил его некий царь благочестивый и спросил его учтиво:

— Сколько ты получаешь в месяц?

— Я ничего не получаю, — ответил он.

— Так зачем же ты себя так мучаешь? — продолжал собеседник.

— Я читаю ради господа, — ответил он.

— Ради господа больше не читай! — молвил тот.

Когда читать коран иначе ты не можешь,
Ислама славу ты сомнешь и уничтожишь.

Глава пятая
О ЛЮБВИ и МОЛОДОСТИ

РАССКАЗ 1

Хасана Мейманди спросили:

— У султана Махмуда столько красивых рабов, и каждого из них любой чудом вселенной признать будет готов. Как же случилось, что ни к кому из них он не питает столько склонности и любви, сколько к Аязу, который, право же, не отличается особой красотой?

— Что в сердце проникает, то и глаза привлекает! — отвечал Хасан.

Когда сам падишах поклонник твой,
То славен и поступок твой дурной.

А тот, кто будет обойден султаном,
Не будет даже для родных желанным.

*

Когда в лицо Юсуфу ты враждебными глазами взглянешь,
Увидишь — безобразен он, за дэва ты его сочтешь.

Когда ж на дэва взглянешь ты влюбленным, ослепленным взглядом,
Ты скажешь — это херувим, на пери, скажешь, он похож.

РАССКАЗ 2

Говорят, что у одного господина был раб редкой красоты, и господин глядел на него взорами, полными любви. Однажды господин сказал одному из своих друзей:

— Ах, если бы этот раб, обладающий такой красотой и стройностью, не распускал язык, если б он от грубости отвык!

— О братец, — отвечал друг, — если уж ты признался ему в любви, не жди больше от него покорности, ибо когда устанавливаются между людьми чувства влюбленности, то исчезают господство и подчинение!

Когда в игру с рабом прекрасным вступает господин
И шлет рабу свою улыбку, красою увлечен,

Немудрено, что раб владыкой окажется тогда
И прихоти раба владыка исполнит как закон.

*****

Невольник пусть таскает воду,
Для кирпичей пусть глину месит:

Когда его ты избалуешь,
Он взбесится и начудесит.

РАССКАЗ 3

Однажды я видел некоего благочестивого мужа, который был одержим любовью к одной особе. У него не было силы терпеть, но не было и возможности объясниться с предметом любви. Сколько ни приходилось ему слышать укоров и терпеть мучений, он не отказывался от безумной страсти, у которой он был во власти, и говорил:

Пусть даже ты меня мечом ударишь острым —
Я все не выпущу, о друг, твою полу.

Других убежищ нет — и ежели прогонишь,
Все буду я приют искать в твоем углу.

Однажды я стал порицать его, говоря ему:

— Что же стало с твоим необыкновенным разумом, почему похотливая плоть смогла тебя, мой друг, побороть?

Он погрузился на некоторое время в раздумье и молвил:

Коль царь любви к тебе придет, рассеет он благую сень.
Что благочестье над тобой хранительно, мой друг, простерло;

Не может с чистою полой остаться бедный человек,
Который волею судьбы в густой грязи увяз по горло.

РАССКАЗ 4

Некто, выпустив из рук свое сердце, махнул рукою на душу; цель его взоров была местом опасным и обителью гибели, а не лакомым куском, который при желании в рот попасть бы мог, и не птицей, которую легко схватит силок.

Когда на золото твое посмотрит
Красавец лишь с презрением в глазах,

То для тебя, поверь мне, равноценны
Окажутся и золото и прах.

Однажды его стали уговаривать:

— Остерегайся ты этой несбыточной мечты, ибо многие пылали такой же страстью, что и ты, и ноги их скованы такими же цепями!

Зарыдал он и сказал:

Друзья, оставьте ваши уговоры,
Любовью неизбывной я пленен;

Боец валится от могучей длани,
Влюбленный — дивной красотой сражен.

Сущность любви не позволяет ради безопасности души отказаться от любви к другу.

Когда ты о себе заботишься одном,
То ложным мы тебя влюбленным прозовем.

К любимой не придя, погибнешь ты — ну что же?
Тогда лишь на любовь любовь твоя похожа!

*

Я за руку его возьму, когда не запретит он строго,
Когда же запретит — пойду умру у милого порога.

Друзья его, следившие за его судьбой и сочувствовавшие его судьбине злой, уговаривали его, даже заковали его в цепи — но все было бесполезно.

Врач потчует меня сабуром, что жжет язык сильней огня,
А я ведь сахара алкаю — лишь сахар нужен для меня.

*

Однажды некий юноша прекрасный
Сказал в него влюбившемуся страстно:

«Ты все печешься о своей судьбе —
Тогда зачем же нужен я тебе?»

Говорят, что царевичу, который был предметом его любви, рассказали:

— Вот некий юноша ходит вокруг твоей обители; он благороден и красноречив, любезен и учтив, и от него люди слышат изящные шутки.. Сердце его, по-видимому, полно волнения, он одержим страстью.

Царевич понял, что тот юноша влюблен в него и что он, царевич, поднял пыль его бедствий. Погнал царевич к нему своего коня. Влюбленный, увидев, что тот приближается к нему, заплакал и сказал:

Ко мне опять подходит мой убийца,
Мне состраданья удалось добиться!

Сколько ни ласкал его царевич, сколько ни спрашивал его:

— Откуда ты, как тебя зовут и чем ты занимаешься? — тот не отвечал, ибо он был так погружен в море любви, что не мог перевести дух от волнения в крови.

Хотя бы наизусть читал Корана все ты семь частей,
Ты «а» от «б» не отличишь, коль смутно на душе твоей.

— Почему же ты не говоришь ничего, — воскликнул царевич, — ведь я тоже из круга дервишей, я даже их покорный слуга!

Тогда тот человек, ободренный состраданием возлюбленного, поднял голову из водоворота волн любви и промолвил:

Не странно ли — я пред тобой, а все душа во мне жива,
Ты говоришь, и я могу сказать какие-то слова!

Сказав это, он испустил безумный вопль и отдал душу Господу.

Коль умрет человек у порога жилища любимой — не странно,
Странно, если он все ж не умрет, если жизнь он свою сохранит.

РАССКАЗ 5

Один ученик был необыкновенно красив и пленительно красноречив. Его учитель, по слабости, свойственной человеческому роду, был влюблен в его красивую внешность. Побоев и насилий, которые он творил над другими детьми, он по отношению к этому ученику не допускал. Когда он заставал его одного, он говорил ему:

Я увлечен тобою, периликий,
И о себе подумать мне претит;

Тебя я созерцать не перестану,
Увидев, что стрела мне в глаз летит!

Однажды мальчик сказал:

— Уделяй моему внутреннему совершенству такое же внимание, какое ты уделяешь моему учению. Если ты заметишь в моем поведении какой-нибудь недостаток, который мне самому может показаться не особенно дурным, то укажи мне на него, чтобы я старался его исправить!

— Сын мой, — молвил учитель, — ты попроси об этом другого, так как мои глаза взирают на тебя с любовью, беру небеса в свидетели, я не вижу в тебе ничего, кроме добродетели!

Без жалости глаза злодею можно вырвать —
Во всякой доблести находит он порок;

Когда б была одна на сто пороков доблесть,
То друг одну б ее заметить только мог.

РАССКАЗ 6

Помню я, как однажды ночью вдруг зашел ко мне дорогой друг. Я так порывисто вскочил с места, что невольно погасил рукавом свечу.

Мне тот приснился человек, что ночь сияньем озаряет,
Я сам дивлюсь своей судьбе — откуда это счастье мне?

Присел он и начал журить меня:

— Я узнать хочу, почему, увидев меня, ты тотчас же погасил свечу?

— Два смысла в этом, — ответил я, — во-первых, мне показалось, что взошло солнце, и, во-вторых, мне вспомнились мои собственные стихи:

Когда закроет знатный огонь твоей свечи,
Ты встань и при народе предай его мечу;

Когда же, улыбаясь, любимая войдет,
Ты, взявши руку милой, скорей гаси свечу.

РАССКАЗ 7

Некто сказал своему другу, с которым долго не видался:

— Где же ты был, мне так хотелось тебя видеть!

— Лучше скучать по своему другу, чем томиться в его обществе! — ответил он.

Поздно, о пьянящая красавица,
В наши двери твой раздался стук,

И поэтому не скоро выпустим
Мы твою полу из наших рук.

Если редко видишься с возлюбленной,
То от горя никуда не деться,

Но когда придет она, хоть в этот миг
Нам бы дали вдоволь наглядеться.

*

Если возлюбленная приходит к тебе с подругами, то, значит, она собирается мучить тебя неблагородно, ибо ваша встреча от ревности и зависти не будет свободна.

Когда с подругами меня приходишь навещать,
Хотя приходишь с миром ты, но ссору нам приносишь.

*

За миг, с чужими милой проведенный,
От ревности я вовсе изнемог...

Смеется: «Саади, я общий светоч,
Не плачу я, коль гибнет мотылек!»

РАССКАЗ 8

Помню я, в минувшие дни мы с моим другом жили в согласье, словно два ореха в одной скорлупе. Как-то нам пришлось разлучиться. Через некоторое время друг мой возвратился и стал укорять меня:

— За это время ты не послал мне ни одного гонца!

Я ответил:

— Мне было бы завидно, если бы взгляд гонца светом твоей красоты был озарен, когда я был ее лишен! — ответил я.

О старый друг, пусть твой язык меня не укоряет зло:
Тебе я верность сохранил, какой бы ни был мой удел...

Ревную я, коль кто-нибудь взирает жадно на тебя,
Одна отрада — чтоб никто на лик твой вдоволь не глядел.

РАССКАЗ 9

Видел я одного ученого, одной особой плененного; тайна его вышла из-под покрова. Он терпел от друга много обид, но все стойко переносил. Однажды я, кротко его упрекая, сказал ему:

— Я знаю, что в твоей привязанности к этой особе ничего предосудительного нет и любовь твоя не наносит никому вреда. Но,

несмотря на все эти соображения, недостойно высокого звания ученых подвергать себя ложным подозрениям и терпеть обиды от неучей!

— О друг, — ответил он, — не держись рукой своих укоров за полу моей злой судьбы. Я часто размышлял о тех благих советах, которые ты даешь, и мне кажется, легче терпеть от нее обиды, чем выносить разлуку с ней. Да и мудрецы говорят: «Умерщвлять свое сердце легче, нежели оторвать взоры от лица возлюбленной!»

Кто без нее не может вовсе жить —
Не станет, ею мучимый, тужить.

Я сетовал однажды на мученья,
Но через день я стал просить прощенья.

Ведь нам на друга сетовать нельзя,
Теперь мой путь — смирения стезя.

Прогонит или позовет любезно —
Покорен я. А спорить — бесполезно.

РАССКАЗ 10

В расцвете моей молодости, как это вообще свойственно этим летам и как ты знаешь сам, я тайно водился с одним красавцем. У него был прекрасный голос, а лицо — словно полная луна.

Ланиты белые живой поил родник,
Отведай сладких уст, кто к сахару привык...

Случайно я заметил за ним один проступок, которого я ожидать от него не мог и к которому я был очень строг. Я с него полу своего покровительства совлек и, собрав мои драгоценности с поля любви, сказал ему:

Как хочешь, поступай, но не входи в наш дом,
Коль наш не нужен ум, живи своим умом...

Слышал я, как он, уходя, говорил:

Коль с солнцем нетопырь слепой не дружит,
То солнце по нетопыре не тужит.

Сказав это, он уехал, и разлука с ним опечалила меня.

Прошла пора слиянья душ. Цены блаженства мы не знали,
Пока над нашей головой внезапно не стряслась беда.

*

Вернись, убей меня — ведь умереть, любя,
Приятнее, чем жить на свете без тебя.

Однако благодаря милости и благосклонности господа он вернулся через некоторое время, и я думал, что облегчится печали моей бремя. Но его голос, подобный голосу Давида, изменился, красота, подобная красоте Иосифа, поблекла, яблочко его подбородка покрылось пушком, подобным пушку айвы, и прошло оживление на базаре его красоты. Он ждал, что я обниму его, но я отстранился и молвил:

В тот день, когда прекрасен был твой лик,
Влюбленного в тебя прогнал ты сам;

Сегодня же мириться ты пришел,
А на лице мирьяды «фатх» и «дамм».

*

Ты был весенний лист, но ныне ты пожух,
Не ставь же свой котел — огонь, увы, потух.

Зачем еще ходить ты будешь с важным видом —
Довольство позабыв, готовься лишь к обидам.

Ступай к тому, в ком ты зажжешь любви пожар,
И глазки строй тому, кто купит твой товар.

*

Приятна зелень, говорят, в саду,—
Кто молвил так, отнюдь не сумасброд:

Лицо красавцев с девственным пушком
Всегда влюбленных прелестью влечет.

Но ты бурьяном сад свой засадил,
И, как ни вырывай, он все растет.

*

Если хочешь — терпи, если нет — вырывай волоски на висках,
Но пройдут, никогда не вернутся счастливые дни красоты.

Я б не выпустил сладкую душу до самого судного дня,
Если б душу я мог ухватить, как схватился за бороду ты...

*

Он ответил: не знаю, что сталось с лицом и с его красотой.
Может быть, оно в скорбной одежде по прежней красе — и по мне.

РАССКАЗ 11

Спросили одного бедуина:

— Что ты скажешь об отроках?

— Ла хайра фихим мадама, — ответил он, — аха-духум латифан ятахашану ва иза хашуна яталятифу — то есть до тех пор, пока они миловидны и красивы, они грубы и гневливы, но как только они становятся грубыми и некрасивыми, они становятся любезными и льстивыми.

Отрок сладкий и красивый
Злоязычен и упрям;

Станет мерзким, бородатым —
Ластится к тебе он сам.

РАССКАЗ 12

Спросили одного ученого:

— Если мужчина сидит с луноликой красавицей в уединении, двери заперты, соперники спят, страсть бушует, желание побеждает, словом, как говорят арабы:

«Финик созрел, а сторож спит», — так может ли он силой воздержания спастись от нее?

— Если даже он спасется от луноликой, — ответил ученый, — то он не спасется от клеветы многоязыкой!

Если от похоти злой ты чудом каким-то спасешься,
То не спасешься — не жди — от злой клеветы и попреков.

*

Свои дела, о друг, всегда с руки —
Как привязать чужие языки?

РАССКАЗ 13

Попугая заключили в одну клетку с вороном. Попугай мучился; мерзко ему было смотреть на ворона, и жаловался:

— Твоя отвратительная наружность и ненавистный вид, твои противные привычки и весь твой облик — все мне претит! Ворон, вестник разлуки, о, если бы между мною и тобою было такое же расстояние, как между востоком и западом!

Для тех, кто, проснувшись, посмотрит на это обличье,
Прекрасный рассвет будет с вечером сумрачным схож.

К тебе посадить бы тебе же подобную злюку,—
Но только подобную в мире едва ли найдешь.

Удивительнее всего то, что ворон тоже неимоверно горевал и от соседства попугая изнывал. Бормоча: «Спаси меня Господи!», он жаловался на превратность судьбы и в отчаянии тер ногу о ногу. Он говорил:

— Что за тяжкая судьба, злой рок и изменчивые времена! Моему сану подобает шествовать плавной поступью по заборам садов с какой-нибудь воронихой.

Нет наказанья злее мужам благочестивым,
Чем посадить их в погреб к беспутникам гульливым.

Какой же грех я совершил, что судьба в наказание заковала меня в оковы бедствия в обществе этого самодовольного глупца, пустомели и подлеца?

Никто, поверь, не подойдет к стене,
Когда на ней твой образ начертят.

Когда б ты рай избрал своим жильем,
То люди раю предпочли бы ад.

Эту притчу привел я к тому, чтобы ты знал: отвращение невежды к мудрецу в сто раз больше, чем ненависть мудреца к невежде.

Отшельник сидел на собранье беспутных гуляк,
И балхский красавец заметил ему, не таясь:

«Скучаешь, отшельник? Ты все же столь кислым не будь —
Пойми, ты ведь тоже достаточно горек для нас!»

*****

Здесь розы и тюльпаны собрались,
А ты — бревно, несносный человек.

Ты — ветер злой, ты — ледяной мороз,
Сосулька, на цветах лежащий снег...

РАССКАЗ 14

Был у меня друг, с которым мы в течение многих лет вместе исходили весь белый свет, деля хлеб-соль, и утвердилась между нами беспредельная дружба. Но однажды он ради ничтожной выгоды позволил себе нанести мне обиду, и дружбе наших сердец наступил конец. Однако, несмотря на это, с обеих сторон по-прежнему существовала привязанность. Однажды мне стало известно, что на одном собрании прочли два бейта из моих стихов:

Когда придет мой идол сладкий
С прекрасною своей улыбкой,

Посыпав солью раны сердца,
Мои он увеличит муки.

Ах, если б только в руки мог я
Взять прядь волос моей любимой,

Они — рукав великодушных,
Попавший к бедным нищим в руки.

Несколько друзей стали говорить о том, насколько мои стихи превосходны — это скорее свидетельствовало о том, насколько они сами благородны, — и благословляли меня. Вместе с ними превозносил эти стихи и мой старый друг. Сожалея об утраченной старинной дружбе, он раскаивался в своем проступке. Узнав о том, что он также хочет помириться, я послал ему нижеследующие бейты, и мы помирились:

Нас верность и дружба связали давно,
Ты дружбу нарушил проступком своим,

А я был всем сердцем привязан к тебе:
Не знал я, что дружба твоя — словно дым...

Но если желаешь мириться — вернись
И будешь сильнее, чем прежде, любим...

РАССКАЗ 15

У одного человека умерла молодая красивая жена, а дряхлая теща ради сохранения приданого осталась в доме вдовца бесталанного. Тому крайне надоели ее разговоры, и он не знал, куда деваться от ее общества. Однажды несколько друзей пришли навестить его. Один из них спросил:

— Как тебе живется в разлуке с любимой женой?

— Не видеть жены для меня не так тяжело, как видеть тещу! — ответил он.

Осыпалась роза, но жалят колючки все злей;
И клад унесли, но остался недремлющий змей[17].

Приятнее глаза от вражеской пики лишиться,
Чем видеть врагов торжествующе-злобные лица.

Пусть сотни друзей на порог не ступает нога,
Но только б не знать одного нечестивца — врага.

РАССКАЗ 16

Помню, как в дни молодости моей далекой, проходя по улице одиноко, я увидел прекрасное лицо. Это было в месяце тамузе, когда жара сушила рот, а знойный самум кипятил мозг в костях. В силу человеческой слабости я не выдержал солнечного зноя и прибегнул к защите тени какой-то стены, надеясь, что кто-нибудь мне холодной воды принесет и от жара тамуза спасет. Вдруг в темных сенях дома засияла заря — появилась красавица, прелесть которой не в состоянии описать самый красноречивый язык. Казалось, будто наступило утро после темной ночи, или будто живая вода вышла из зулмата. В руках у нее была чаша со снеговой водой, в которую был насыпан сахар и добавлено молоко. Не знаю, был ли этот напиток розовой водой, или в него упало несколько капель с розы ее лица. Одним словом, я взял этот усладительный напиток из ее прелестных рук, выпил его и как будто начал заново жизнь.

Наполнено такою жаждой измученное сердце,
Что и потоки вод прозрачных ее не утолят.

*

Того, кто каждый день видаться с нею может,
Поистине ведет счастливая звезда;

Кто опьянен вином — тот в полночь отрезвится,
Кто кравчим опьянен — в день Страшного суда.

РАССКАЗ 17

Однажды Мухаммед Хорезм-шах, да помилует его Бог, ради какой-то выгоды заключил мир с хатайцами. Вскоре после этого вошел я как-то в кашгарскую соборную мечеть и увидел мальчика, необычайно обаятельного, беспредельно привлекательного, так что относительно ему подобных говорят:

Чья-то мудрость тебя чаровать, похищать все сердца научила,
Разным прихотям, хитрым словам без конца научила.

Я красавца такого и полного стольких достоинств чудесных
Не встречал никогда — может, пери тебя, молодца, научила?

В руках он держал «Введение в синтаксис» Замахшари и читал:

— «Зейд ударил Амра» — действие глагола переходит на Амра.

— Ну, сынок, беда, — воскликнул я, — Хорезм и Хатай помирились, а у Зейда и Амра все еще продолжается вражда!

Он рассмеялся и спросил, откуда я родом.

— Из земли ширазской, — ответил я.

— Что ты знаешь из стихов Саади? — спросил он.

Я ответил:

Грамматика я встретил — он на меня напал,
Вот так в примере книжном напал на Амра Зейд.

*

Подол свой по мне он влачит, головы не подъемля, —
А может ли выпрямить стан, кто подол свой влачит?

Он на некоторое время погрузился в раздумье и затем молвил:

— В этом уголке известны по большей части его стихи на персидском языке; если ты прочтешь что-нибудь из них, это будет более доступно моему пониманию. «Говори с людьми в соответствии с их разумом!»

Я ответил:

Когда зашел к грамматике ты в лес,
Терпенья след в душе моей исчез...

Для наших душ волшебник ты великий,
Но Зейд и Амр твоей души владыки.

Утром, когда было решено отправиться в путь, ему сообщили: «Гляди, такой-то, мол, и есть Саади». Он прибежал ко мне, приласкался и выразил сожаление:

— Почему же ты столько времени не говорил, что это ты, тогда бы я приготовился, чтобы почтить твой приезд, как подобает чтить великих мужей!

Я ответил:

— В твоем присутствии я не мог даже слова промолвить о том, что это — я!

— А что будет, если ты некоторое время отдохнешь в этом краю, чтобы мы могли получить пользу, служа тебе? — спросил он.

Я ответил:

— Я не могу исполнить твое желание в силу следующего рассказа:

Я к мудрецу пришел на горный склон.
Пещера — вот что взял от мира он.

«Что в город не пойдешь? — спросил его я, —
Забот там меньше, больше там покоя...»

«Там периликих много, — молвил он,—
Где много грязи, вязнет даже слон».

Когда я так сказал, мы поцеловали друг друга в голову и лицо и простились:

Что пользы мне с того, что я
Целую друга милый лик,

Когда проститься должен я
Сейчас же, в тот же самый миг?

Взгляни на яблоко — оно
Прощалось с милыми, рыдая:

Одна щека его красна,
И, вся в слезах, желта другая.

*

Если только в день разлуки не погибну я от мук,
То меня в любви неверным ты сочти, любезный друг.

РАССКАЗ 18

Некий дервиш как-то раз сопутствовал нам в караване, направлявшемся в Хиджаз. Один арабский эмир подарил ему сто динаров, чтобы он пожертвовал их Каабе. Вдруг хуфаджийские разбойники напали на караван и дочиста обобрали весь наш стан. Купцы начали рыдать, и плакать, и бесполезно вопить.

Как ты рыдать и плакать ни горазд —
Но золота разбойник не отдаст.

Только тот благоразумный дервиш оставался в прежнем состоянии и нисколько не изменился.

— Разве разбойники не отобрали у тебя тех динаров? — спросил я его.

— Да, отобрали, — ответил он, — но я не был столь привязан к ним, чтобы сокрушаться сердцем, когда с ними расставался!

Побойся привыкать к кому-нибудь:
Потом отвыкнуть трудно, не забудь.

— Подобно этим словам, — воскликнул я, — то, что испытал я сам. В молодости я дружил с одним юношей и искренне был привязан к нему, до такой степени, что его красота была кыблой для моих глаз, а свидание с ним — целью моей жизни и ее источником.

Быть может, ангелы на небе сравняться с ним могли красой,
Но на земле мне не встречался такой чудесный чародей...

Клянусь любовью, мне противно теперь на всех других глядеть,
Едва ль и в будущем найдется такой красавец средь людей.

Вдруг нога его бытия погрязла в тине небытия, и его сородичи, полные муки, подняли дым вздохов разлуки. Много дней провел я у его могилы и вот что говорил о разлуке с ним:

О, если бы в тот день, когда
Ты смертью злой был унесен,

Рука судьбины и меня

Мечом ударила в сердцах!

Тогда б не видели глаза
Мир опустелый, без тебя,

Теперь у праха твоего
Я на главу насыпал прах...

*

Был такой человек — он не мог, успокоясь, в постели уснуть,
Если роз и шиповника цвет не осыплет его лепестками;

Но рассыпала розы лица коловратность жестокой судьбы,
И могила травой заросла и покрыта сухими шипами...

После разлуки с ним я твердо решил свернуть на весь остаток жизни ковер страсти и даже близко не подходить к дружбе с кем-либо.

Что краше было бы морей, когда б мы не боялись волн,
Что было бы приятней роз, когда б от терний был покой;

Вчера в саду приятных встреч павлином гордым я гулял,
Сегодня, с другом разлучен, я вьюсь раздавленной змеей.

РАССКАЗ 19

Некоему арабскому царю рассказали историю о Меджнуне, одержимом любовью к Лейли, о том, к чему безумства его привели, и о том, как он, несмотря на свои редкие совершенства и на свое красноречие, бродит по пустыням, выпустив из рук поводья воли.

Царь отдал приказ, и Мелжнуна привели к нему тотчас. Царь стал так порицать его:

— Какой изъян заметил ты в достоинствах человеческой души, что воспринял нрав животных и покинул человеческое общество?

Меджнун сказал:

Друзья за то, что я люблю, меня сурово порицают;
Увидели б они ее! В ней — извинение мое.

*****

О, если б те, кто ныне шлет укоры за мою любовь,
Увидели, о госпожа, черты небесные твои!

Тогда, твой видя светлый лик, не померанец золотой,
А пальцы резали б они, себя не помня, в забытьи![18]

Царь, услышав, как Меджнун говорит: «Посмотрите сами на ту, за которую вы упрекали меня!» — решил найти, соответствует ли содержание облику, в который облек Меджнун свое утверждение, и захотел посмотреть на красоту Лейли; узнать, чем же Меджнуна

влекут черты той, что вызвала столько смут? Царь велел разыскать ее. Его посланцы обошли арабские племена, нашли ее и привели во дворец. Царь взглянул на ее облик и увидел смуглую хрупкую девушку. Она показалась ему дурнушкой, потому что самая последняя из наложниц его гарема превосходила ее красотой своей, была изящней ее и стройней. В силу своей проницательности Меджнун догадался о том, что думает царь, и воскликнул:

— На красоту Лейли нужно взирать глазами Меджнуна, чтобы ты мог понять тайну блаженства, которое дает ее лицезрение!

Повесть о душе прекрасной — ту, что слух ласкает мой, —
Если б горлинка слыхала, — зарыдала бы со мной.

*

Скажите тем, друзья мои, кто и покоен и здоров:
«Как сердце, полное любви, трепещет, знать вам не дано».

*

Как ноют раны и горят, узнает ли когда здоровый?
Лишь тем свою открою боль, кто в муке корчится суровой.

Зачем ты стал бы об осе рассказывать, мой друг, тому,
Кто никогда не испытал осиного укуса злого?

Пока ты сам, подобно нам, не очутился в тупике,
Ты просто сказкою сочтешь о нас рассказанное слово.

Мое ты горе никогда с другими сравнивать не смей —
У них в руках, ты видишь, соль; я — ранен, повторяю снова.

РАССКАЗ 20

Рассказывают, что хамаданский судья был очарован сыном одного кузнеца и подкова его сердца была раскалена на огне страсти. Долго мучился судья, всюду разыскивал и преследовал юношу, страстью томим, подстерегая его и гоняясь за ним. При этом он так говорил о своем положении:

Внезапно стройный кипарис предстал передо мной.
Схвативши сердце, бросил я его своей рукой.

Его глаза влекут сердца в силок, отняв покой.
Не хочешь сердце отдавать — тогда глаза закрой.

Слышал я, что тот человек молодой встретился как-то раз на дороге с судьей. О страданиях судьи он был кем-то уже осведомлен и был неописуемо оскорблен. Юноша обругал судью, всячески поносил его, замахнулся на него камнем. Не осталось такого оскорбления, которого он не нанес бы судье. Судья сказал одному из почтенных ученых, шедшему вместе с ним:

Взгляни, как прихотлив любимый и каковы его повадки!
Нахмурил брови он — какие на лбу пленительные складки!

В арабских странах говорят: «Удары от любимых — это сушеные финики!»

Пускай от рук твоих удар сулил мне рок —
Твои удары мне вкусней, чем свой пирог.

Как сладок гнев его, любое порицанье —
В нем слышу милость я, любви благоуханье.

Оскомину набьет незрелый виноград,
Но погоди — созрев, он много даст услад.

Сказав это, судья вернулся и воссел на свое судейское кресло. Несколько вельмож, его собратьев, служивших в подвластном ему управлении, поцеловав в знак почтения прах перед ним, молвили:

— С твоего позволенья мы скажем одно слово относительно тебя, хотя это не допускается приличием и мудрецы говорят:

Не в каждом сужденье отыщется прок,
Судить о пороках вельможи — порок.

Но так как благодеяния твоей милости постоянно сопутствовали жизни твоих рабов, то, если мы не сообщим тебе то, что мы считаем за благо, это будет подобно преступлению. Благой путь в том, чтобы не позволить этому юноше добиться над тобою власти и запутать тебя в сети страсти, и в том, чтобы свернуть ковер твоего вожделения; ведь должность судьи — сан высокий, и ты не должен пятнать его

скверными поступками! Ты видишь пред собой друзей, не презирай же их речей!

Кто бесчестною жизнью известен, на подлости лих,
Разве станет когда сожалеть о бесчестье других?

Пусть полвека носил человек свое честное имя —
Вмиг бесчестный затопчет всю славу ногами своими.

Судье от души понравился совет друзей. Но, похвалив своих собратьев за их благородные рассуждения, он молвил:

— Наставления дорогих друзей, стремящихся к благому исходу моих дел, совершенно справедливы, и я не могу им возражать. Однако:

Порицайте меня — и за то вам и честь и хвала;
Только черного негра отмоете ль вы добела?

*

Забуду ли того, кто отнял мой покой?
Я корчусь, как змея с разбитой головой!

С этими словами он отправил своих людей разузнать о настроении юноши. Он пожертвовал казной несметной на то, чтобы склонить юношу к связи запретной. Говорят: у кого на весах золото, у

того сила в длани, а тому, кто не властен над динарами, во всем мире не подвластен ни один человек.

Увидевши золото, всякий склоняет чело —
И даже весы, у которых железные плечи...

Словом, ему удалось уединиться с юношей тихой ночью. Но наутро правитель города узнал, что судья всю ночь провел за вином у постели юноши, к его изголовью приникнув с любовью, сжимал его в объятиях и от наслаждения не спал. Судья пел:

Не слишком ли рано петух разбудить нас готов?
Ведь мало еще поцелуев и пламенных слов!

Как мяч костяной в ободочке эбеновой клюшки —
Возлюбленной грудь в этом черном кольце завитков.

Единый лишь миг спят дурные глаза — берегись же
И бодрствуй, иначе твой рок будет слишком суров.

Пока барабана не слышно в дворце атабеков,
Пока не услышишь с мечети ты утренний зов —

Уста бесполезно от уст отрывать, не насытясь,—
И все из-за криков каких-то дурных петухов!

Вот в таком состоянии находился судья, когда один из его слуг вошел и сказал:

— Что ты сидишь, вставай и беги, пока есть ноги, завистники наговорили на тебя, а может быть, сказали правду. Пока огонь бедствия незначителен, мы, быть может, сумеем потушить его водою разумных

мер, ведь если завтра, — да не случится этого, — он разгорится, то охватит весь мир!

Судья взглянул на него с улыбкой и молвил:

Когда вонзил в добычу когти лев,
Его не потревожит лай собак;

Лицом к лицу любимого прильни —
И пусть себе кусает руки враг.

В ту же ночь царю сообщили:

— В твоем государстве совершается скверное преступление. Что ты прикажешь сделать?

— Я считаю этого судью одним из доблестных мужей нашего века и редкостью нашего времени, — отвечал царь. — Быть может, это клевета, придуманная его врагами. Я ничему не поверю, пока не увижу все воочию, ибо мудрецы говорят:

Кто длань свою к мечу, не думая, протянет,—
В раскаянье кусать свои же пальцы станет.

Слышал я, что утром царь с несколькими приближенными подошел к изголовью судьи. Увидел он: свеча горит, а любовник сидит, вино разлито, а чаша разбита. Судья в пьяном сне лежит недвижим и не ведает, что царь стоит перед ним. Царь начал потихоньку будить судью:

— Проснись, уже солнце взошло!

Судья наконец-то догадался в чем дело и спросил:

— С какой стороны оно взошло?

— С востока! — ответил царь.

— Слава богу, — воскликнул судья, — еще открыта дверь покаяния в силу следующих слов предания: «Дверь покаяния не

закрыта для рабов, пока солнце не всходит с запада». Я прошу Бога простить меня и каюсь перед тобой!

На этот грех меня толкнули две беды:
Злой рок и бедный ум — вот этой цепи звенья.

Накажешь ты меня — я это заслужил,
Помилуешь — всегда прекраснее прощенье.

Царь воскликнул:

— Что ты будешь раскаиваться сейчас, в своей неминуемой гибели убедясь! Сказано: «Не принесет им пользу обращение к вере, после того как они испытали наше наказание».

Не поздно ль каяться, несчастный, в воровстве,
Когда проворство рук в дворце тебя обманет?

Пускай верзила рук не тянет за плодом —
А коротышка сам до ветки не достанет.

Тебе не удастся спастись после того, как было раскрыто твое преступление.

Когда царь сказал это, палачи бросились на судью.

— У меня осталось лишь одно слово для царя! — взмолился он.

Царь услышал его и спросил сурово:

— Что там еще за слово?

Молвил судья:

Хотя ты рукой отвращенья махнул на меня,
Я все за полу твою, светлый владыка, держусь.

Хотя оправданья и нет преступленьям моим,
Но милость твоя может снять преступления груз!

Царь молвил:

— Ты изящно выразил тонкую мысль, однако было бы с разумом несовместимо и закону противоречило бы непримиримо, если бы твое сегодняшнее красноречие спасло тебя от моей карающей десницы. Мне думается, лучше сбросить тебя с башни, чтобы другие поучились уму-разуму на твоем примере!

— О повелитель мира, — взмолился судья, — я вскормлен благодеяниями твоего дома и, так как этот грех совершил не только я один, ты лучше другого подвергни наказанию тому, а я с него пример возьму!

Царь рассмеялся и милостиво простил его проступок; хулителям, осуждавшим судью на казнь, он сказал:

И вас отяготили всех пороки,
Не будьте же к чужим грехам жестоки.

РАССКАЗ 21

Был юноша некий, пороков лишенный,
В красавицу чистую страстно влюбленный...

И в море Великом, в кипении вод,
Увлек их безжалостный водоворот.

Какой-то моряк протянул ему руки,
Желая избавить от смерти и муки,

Но юноша руку отдернул скорей:
«Не мне помогай, а любимой моей!»

И мгла над несчастным сгустилась ночная,
И слышали, он говорил умирая:

«Того, кто забудет в беде о любви —
Не слушай. Его пустомелей зови».

Так жизненный срок был влюбленными дожит
Понять их любовь тебе старец поможет.

Ведь так Саади тайны страсти постиг,
Как люди в Багдаде — арабский язык.

Душой будь привязан к своей ненаглядной,
Не нужен тебе этот мир безотрадный...

И если б Меджнун жил до нынешних дней,
Любви б он учился по книге моей.

Глава шестая
О СТАРОСТИ И СЛАБОСТИ

РАССКАЗ 1

Однажды я вел диспут с несколькими учеными в соборной мечети Дамаска. В это время вошел какой-то юноша и спросил:

— Есть ли среди вас кто-либо, кто знаком с персидским языком?

Ему указали на меня. Я спросил:

— Что случилось?

— Один стопятидесятилетний старик, — ответил он, — находится на смертном одре и что-то говорит на персидском языке, а мы не понимаем. Если ты сделаешь милость и потрудишься посетить его, то

получишь вознаграждение — быть может, он как раз говорит, что кому завещает!

Когда я подоспел к изголовью старика, он говорил следующее:

Я думал подышать хотя б одно мгновенье —
Увы! Преграждена дыхания стезя!

На жизненном пиру хотел вкусить я пищи —
Едва я съел кусок, мне говорят: «Нельзя!»

Смысл этих слов я передал по-арабски сирийцам, и они удивлялись, как он долго прожил и тому, что при этом он все еще жалел расстаться с этим светом.

— Как ты чувствуешь себя в таком состоянии? — спросил я.

— Что мне сказать? — молвил он.

Если только зуб бедняге вырвут —
Мучится от боли человек;

Что ж, представь себе, бывает с теми,
Кто с душой прощается навек?

— Выкинь из головы всякие мысли о смерти, — успокаивал я его, — пусть твоим существом не овладевает страх, ибо греческие философы правильно говорят о подобных вещах: «Нельзя надеяться на долговечность, хотя бы состояние здоровья было хорошим, и болезнь, если даже она очень тяжела, еще не служит верным признаком смерти». Если велишь, я позову врача, чтобы лечить тебя.

Он раскрыл глаза, улыбнулся и промолвил:

Искусный врач хлопочет над больным,
Когда больной умолк и недвижим...

Хозяин яркой краской красит зданье,
Хоть рушится, истлевши, основанье...

Старик в предсмертных корчах застонал —
Старуха трет для бороды сандал...

Утратишь равновесие здоровья —
Поверь, что смерть стоит у изголовья.

РАССКАЗ 2

Один старик рассказывал:

— Я женился на одной девушке, украсил комнату розами, и всякий час, ночной и дневной, проводил в уединении с женой. Я привязался к ней сердцем и не отрывал от нее глаз. Долгие ночи я не спал, рассказывал забавные истории и смешные происшествия, надеясь, что, быть может, она привыкнет ко мне и не станет дичиться меня. Как-то говорил я ей:

— Знаешь, высокая судьба была тебе другом и очи твоего счастья бодрствовали, раз ты попала в общество старца, опытного, образованного, видавшего мир, скромного, перенесшего зной и холод, испытавшего добро и зло, знающего цену дружбы и исполняющего веления любви, доброго и учтивого, обходительного и сладкоречивого.

Я ласкою любовь твою добуду,
Я обижаться на тебя не буду...

Коль сахар любишь ты, как попугай,—

Моей души ты сахар забирай.

Не попала ты в руки самодовольного юноши, глупого и легкомысленного, бродяги, ежеминутно питающего новую страсть и ежесекундно меняющего свои суждения, каждую ночь спящего на новом месте и каждый день берущего новую любовницу.

Хоть юноши прекрасны, словно луны,
Но верность соблюсти — им тяжкий труд.

От соловьев ждать верности напрасно —
Что миг, они для новых роз поют,

в противоположность старикам, живущим разумно и благовоспитанно, а не по велениям юношеской глупости.

Всегда ищи людей, душою благородных,
Но избегай всегда людей, с тобою сходных.

Столько я говорил подобных речей, — продолжал старик, — что мне показалось, будто сердце ее не избежало моих сетей и она стала моей добычей. Но вдруг она испустила тяжелый вздох, показавший, что сердце ее полно горя, и сказала:

— Все слова, сказанные тобою, на весах моего разума не имеют столько веса, сколько одно слово, слышанное мною однажды от моей няни: «Для молодой женщины лучше стрела в боку, нежели старик под боком».

Когда она поймет, что муж ее — как постник,
Что силы в нем мужской давно исчез и след,

Она начнет кричать: «Он с мертвецом сдружился
Иль носит при себе засохший амулет!»

*

Коль наслаждения муж не доставит жене —это жалко,
В доме таком, мне поверьте, совсем нередка перепалка,

Если без палки старик даже с места не может подняться,
То для чего пригодится, скажи, стариковская палка?

Словом, наш союз и мне и ей причинил лишь невзгоду, и привел он к разводу. Когда же наконец истек положенный для того срок, ее сочетали брачными узами с одним юношей, вспыльчивым и зловредным, своенравным и бедным. Она терпела оскорбления и побои, лишения и голод, но вместе с тем благодарила Господа за милость:

— Слава Аллаху, я избавилась от тяжких мучений и обрела вечное блаженство.

Пускай жесток ты и несправедлив,
Я все снесу — ведь ты зато красив!

*****

С другим я жизнь в раю снесла б едва ли,
С тобою же и ад мне не угроза —

Ведь запах лука изо рта красавца
Приятней, чем в руках урода роза.

РАССКАЗ 3

Я гостил у одного старика в Диярбекире. Было у него огромное богатство и красивый сын. Однажды ночью старик рассказывал:

— У меня очень долго не было детей — это единственный сын, свет моих очей. В здешней долине есть одно дерево — источник святости, и люди ходят к нему молиться об исполнении своих просьб. Много ночей я умолял Господа у подножия того дерева, и вот он подарил мне этого мальчика!

И вдруг я услыхал, что мальчик тихонько говорит своим товарищам:

— О, если бы я знал, где находится это дерево, я помолился бы, чтобы умер мой отец!

Хозяин радовался, что сын его умник и молодец, а сын издевался над тем, что отец его старый глупец.

С отцовой смерти ведь ни разу ты
Его могилу посетить не мог —

Что доброго ты сделал для отца,

Чтоб для тебя был лучше твой сынок?

РАССКАЗ 4

Однажды, обольщенный своей молодостью, я целый день спешил, шел вперед изо всех сил. Однако вечером я упал в изнеможении у подножия какого-то крутого холма. Некий дряхлый старик, который тихо плелся за караваном, воскликнул:

— Что ты лежишь, здесь не место для лежания!

— Как же мне идти, — пожаловался я, — когда не идут мои ноги!

— Неужели ты не слыхал, — молвил он, — что говорят мудрые люди: «Идти шагом и отдыхать лучше, чем бежать бегом и свалиться!»

У цели хочешь быть — спешить не надо,
Неторопливо совершай поход;

Арабский конь летит лишь два фарсанга,
Верблюд неспешный день и ночь идет.

РАССКАЗ 5

Был в нашем обществе один юноша, живой и остроумный, веселый и сладкоречивый. Не было у него на сердце никаких забот, и от смеха никогда не закрывал он рот. В течение некоторого времени нам с ним не доводилось встречаться. Потом наконец я увидел его: он

был женат и детьми богат, корень его веселия был подточен, роза его страсти увяла. Я спросил его:

— Как твои дела и как поживаешь?

— Как только я завел детей, сразу отказался от детских затей!

К чему же мне юности глупость, когда седина в голове,
А зубы испортило время, печальные дни торопя?

*

Поверь мне, старцу не до прибауток —
Лишь в юности пора забав и шуток.

*

Ребячеств юности от старца не требуй никогда —
Ведь не вернется больше в русло утекшая вода...

*

Когда настанет миг для жатвы, колосья клонит нива —
А ведь зеленые колосья вздымались горделиво!

*

Как жаль блаженной молодой поры,
Что ветер вдаль безжалостно унес...

Я, тот, кто мясо рвал когтями льва,
Ем сыр гнилой, как шелудивый пес.

*

Старухе, густо волосы чернившей,
Однажды задал я такой вопрос:

«Коль будешь волосы чернить, бабуся,
Поднимется ли твой отвисший нос?»

РАССКАЗ 6

Однажды по юношеской глупости стал я кричать на родную мать. Обиженная, уселась она в угол и, плача, молвила:

— Неужели ты свое детство забыл, если мне сейчас нагрубил?

Отлично старуха заметила сыну,
Увидев, что он даже тигров сильней:

«Когда бы ты вспомнил, как в детстве, бессильный,
Ты спал на груди материнской моей,

Не стал бы, сынок, обижать ты старуху,
Согбенную гнетом трудов и скорбей».

РАССКАЗ 7

У скупого богача болел сын. Добрые люди сказали ему:

— Мы советуем тебе ради его исцеления Коран прочесть или же овцу в жертву принесть! Богач погрузился на некоторое время в раздумье, а потом сказал:

— Лучше прочитать Коран, ибо стадо далеко.

Некий благочестивый человек, услыхав это, воскликнул:

— Он отдал предпочтение чтению Корана потому, что Коран у него на кончике языка, а золото — в средоточии души.

Головою в молитве склониться — для них
Означало бы смертную муку,

Если б вместе с молитвой пришлось им подать
Людям страждущим помощи руку...

За какой-то динар примут муку они,
Как ослы, в грязной глине топчась,

Но Аллаху попросишь хвалу их прочесть —
Пропоют и бесплатно сто раз...

РАССКАЗ 8

Некоего старика спросили:

— Почему ты не женишься?

— Мне не обрести блаженства со старухами! — ответил он.

— Да ты женись на молодой, ты ведь богатей большой! — сказали они.

— Если мне, старику, не нравятся старухи, — отвечал он, — то как же может молодая полюбить меня, старика!

Старик семидесяти лет решился юношею стать,
Но не дождался от жены он благосклонного приема.

Не золото — здесь мощь нужна, ведь женщине милей всего
Могучий, стройный кипарис — зачем пустая ей солома?

РАССКАЗ 9

Недавно один старичок, очень дряхлый, задумал:
«Женюсь-ка и всем покажу — я еще молодец!»

Посватал красавицу он, что «Жемчужиной» звали,
Укрыл он ее от людей, словно жемчуг в ларец...

Свершился и брачный обряд, как желает обычай,
Но в битве себя показал недостойным боец.

Он, лук натянув, промахнулся — суконное платье
Прошьет лишь стальною иглой многоопытный швец.

Он сетовал горько, друзьям говорил не однажды,
Что «та востроглазая дом разорила вконец»!

О ссорах семейных услышал и градоправитель,
И вот Саади к старику обратился: «Отец!

Ты сам опозорил себя, и при чем тут супруга?
Коль руки дрожат, станет жемчуг сверлить лишь глупец».

Глава седьмая
О ВЛИЯНИИ ВОСПИТАНИЯ

РАССКАЗ 1

У некоего вазира был сын-тупица. Вазир послал его к ученому учиться и попросил:

— Воспитай его — быть может, он поумнеет.

Долгое время ученый обучал сына вазира, но не влияло на него воспитание. Послал ученый к его отцу человека сказать: «Не становится он умным, а меня с ума свел!»

Коль восприимчив человек душою,
То воспитанье след оставит в нем,

Когда ж дурна природа — на железо
Мы полировкой блеск не наведем.

Хотя б купал ты пса в реке неделю —
Всё ж будет он грязнее с каждым днем.

Когда осла Исы сведешь ты в Мекку,
Из Мекки он вернется все ж ослом...

РАССКАЗ 2

Некий мудрец наставлял своих сыновей:

— Любимые дети, учитесь какому-нибудь ремеслу, ибо не заслуживают доверия богатство и мирское добро; в этом мире легко могут исчезнуть золото и серебро: или вор украдет все, или сам владелец растратит их мало-помалу; ремесло же — это живой родник и вечное богатство. Если человек, владеющий ремеслом, лишится власти, — не беда, ибо ремесло в его душе — богатство. Куда бы он ни пошел, он всюду встретит уважение, будет встречен по чести и усажен на почетном месте, а человек, не владеющий ремеслом, всегда нищенствует и терпит лишения.

Тому, кто властвовал, несносна власть других,
Тому, кто в неге рос, не снесть обид людских.

*

Однажды смута в Сирии была,
И многие покинули жилище;

Ученые, из прежних мужиков,
Пошли в вазиры, кинув пепелище,

А неучи, вазиров сыновья,
В деревне у крестьян просили пищи.

*

Ты хочешь от отца наследства? Это — знанье.
Другое ты в полдня прокутишь достоянье.

РАССКАЗ 3

Некий ученый обучал одного царевича. Он его безжалостно терзал, неимоверно его истязал. Однажды мальчик, ослабев от побоев, пошел с жалобой к отцу и, сняв одежду, показал свое истерзанное тело. У отца сжалось сердце, он вызвал учителя и сказал:

— Ты не позволяешь себе бить и истязать детей подданных, так как же ты бьешь моего сына? Какова тому причина?

— Причина заключается в том, — ответил он, — что говорить речи с умом и совершать достойные поступки должны все люди вообще, а цари в особенности, ибо все, что они делают и говорят, становится притчей во языцех, а слова, что простыми людьми произнесены, и поступки, что ими совершены, не имеют такой цены.

Если дервиш сто поступков свершит недостойных —
Ни одного не заметят дервиша друзья.

Если же глупость случится сказать падишаху —
Слава о ней донесется в чужие края.

Поэтому-то учитель царевича и счел нужным, воспитывая нрав царских сыновей, — да взрастит их Аллах с добрым нравом, — стараться больше, чем воспитывая простых людей.

Кто в детстве не получит воспитанья,
Не будет счастья в жизни знать потом;

Сгибай сырую палочку как хочешь —
Сухую выпрямишь одним огнем.

Понравились царю этого ученого суждения и наставления. Пожаловал он ему почетное платье и осыпал дарами, возвысил его в более высокий сан..

РАССКАЗ 4

Видел я одного школьного учителя в Магрибе, человека с кислым лицом и злым языком, бессердечного и бесчеловечного, жадного и невоздержанного, так что при виде его падал дух у мусульман; сердца людей наполнялись мраком и тоской, когда он читал Коран. Несколько чистых мальчиков и непорочных девочек томились в его жестоких руках, как в плену. Они не осмеливались смеяться и не решались говорить, ибо он то одному давал пощечину по серебряной щечке, то другого хлестал тростью по хрустальной ножке. Короче говоря, дошло до меня, что его подлую душу распознали, избили его и прогнали, а школу одному доброму человеку передали. Новый учитель был добродушен и благочестив, благороден, мягкосердечен и красноречив. Не говорил он слова упрека иначе, как по необходимости, и с его языка не срывалось ни одного обидного замечания. У детей исчез страх перед суровостью первого учителя. Как только они ангельский нрав второго учителя заметили, они на его ласку бесноватостью ответили. Надеясь на его мягкость и снисхождение, забыли они учение, большую часть времени проводили за игрой и ломали неисписанные грифельные дощечки друг другу об голову.

Когда наставник не довольно крут,
То дети все вверх дном перевернут.

Через две недели побывал я в этой мечети снова и увидел, что прогнали учителя второго, а первого учителя опять обласкали и посадили на прежнее место. Я искренне огорчился и воскликнул:

— О господи, зачем же этого дьявола опять сделали учителем ангелов!

Мои слова услыхал некий старец, остроумный и познавший мир. Он засмеялся и сказал:

Царь в школу сына поместил, чтоб тот вступил на правый путь,
Серебряной дощечкой царь велел ему украсить грудь.

И золотом по серебру слова начертаны сурово:
«Полезней жезл учителей, чем баловство отца родного»!

РАССКАЗ 5

Сыну одного праведного человека после смерти дядьев достались в наследство несметные богатства. Он стал распутничать и предаваться расточительству. Не осталось такого тяжелого греха, которого бы он не совершил, и такого хмельного напитка, которого бы он не пил. Однажды ради его же блага я начал его увещевать:

—О сынок, доход — это текучая вода, а жизнь — вращающееся мельничное колесо; делать большие расходы может лишь тот, у кого имеется постоянный доход.

Когда доходов ты лишен, расходов лишних избегай,
Ведь корабельщик на реке недаром весело поет:

«Коль не пополнят убыль вод дожди, идущие в горах,
То даже сам могучий Тигр иссякнет ровно через год!»

— Возьмись-ка за ум, оставь потехи, ибо, когда кончится твое богатство, ты станешь терпеть лишения и раскаиваться.

Однако юноша, прельщенный музыкой и кутежами, не внял этим советам и так возразил на мои слова:

— Противоречит суждению мудрых людей отравлять настоящий покой страхом перед грядущей бедой!

Тому, кто тонет в море наслаждений,
Зачем же мучаться, боясь лишений?

Веселым будь — зачем, ответь-ка мне,
О завтрашнем сегодня плакать дне?

Это особенно относится ко мне, когда я сижу на престоле щедрости, соединенной с великодушием, а моим благодеяниям народ без устали хвалу поет.

Кто щедростью прославлен средь народа,
Тот знает, что деньгам нужна свобода.

Коль славен ты на улице своей,
Как ты закроешь двери для людей?

Я понял, что ему все мои советы ни к чему и мое горячее дыхание не может расплавить его холодное железо. Я не стал уговаривать его, прекратил общение с ним и доверился словам мудрецов, изрекших: «Скажи то, что ты должен сказать, а если тебя не будут слушать, ты не будешь виноват!»

Ты не скупись на добрые советы,
Пусть собеседник твой — пустоголов.

Хотя твои советы не помогут
И не избавят дурня от оков,

Пусть он хотя бы разведет руками
И скажет: «Жаль, не слушал добрых слов!»

Спустя некоторое время я увидел его в бедственном положении, как и опасался. Он пришивал лоскуток к лоскуточку и хлеб собирал по кусочку. У меня защемило сердце, когда я увидел его жалкое состояние. Я не счел благородным ковырять своими укорами рану нищего человека и посыпать ее солью. Поэтому я сказал про себя:

Беспутный гуляка, поверь, никогда
Не вспомнит, что ждет его завтра беда.

Соря семенами весною веселой,
Зимою деревья останутся голы.

РАССКАЗ 6

Некий царь отдал своего сына ученому, заявив ему:

— Это — твой сын, усилий не жалей, воспитай его как одного из своих сыновей!

— Повинуюсь, — ответил ученый.

Несколько лет он прилежно занимался с царевичем, но из него ничего не вышло, в то время как сыновья ученого достигли совершенства в познаниях и в красноречии. Царь-отец позвал ученого во дворец и с укором ему сказал:

— Ты изменил нашему уговору, не выполнил данного обещания.

— Да не будет скрыто от внимания повелителя лика земли, — отвечал ученый, — что воспитание всех детей одинаково, а их природы различны.

Хоть злато, серебро из камня добывают,
Но в каждом камне их едва ли ты найдешь.

Сухейль сияет всем — но здесь сафьян родит он,
А там произведет лишь груду грубых кож.

РАССКАЗ 7

Я слыхал, как некий старец говорил своему ученику:

— О сынок, если бы души сынов Адама были привязаны к Подателю хлеба насущного столько же, сколько к самому насущному хлебу, то они стали бы благороднее ангелов.

Еще тогда тебя Творец на краткий миг не забывал,
Когда зародышем ты был, еще не жившее созданье;

Тебя природой наделил, рассудком, разумом, душой,
Дал красоту, дал мысль и речь, воображенье и сознанье.

Он десять пальцев на руках дал в дар тебе для дел твоих,
А руки прикрепил к плечам — и дал тебе существованье.

И ты, ничтожный человек, решил, неблагородства полн,
Что Он забудет дать тебе хоть что-нибудь на пропитанье?

РАССКАЗ 8

Я слыхал, как один бедуин говорил сыну: «Я буная, иннака мас’улун йаум-ул-киямати ма за иктасабта ла йакулу би ма интасабта», то есть: «О сынок! В день Воскресенья спросят тебя: «Какие добрые дела свершил ты в земной обители», а не станут спрашивать: «Кто твои родители?»

Покрывало Каабы, что все мы лобзаем,
Славным стало, поверьте, не шелком своим —

Но, пробыв два-три дня с камнем, сердцу любезным,
И само оно стало для нас дорогим.

РАССКАЗ 9

В сочинениях мудрецов говорится: «Скорпион рождается путем необычным, от других животных отличным, ибо он съедает внутренности матери, разрывает ее чрево и уходит в пустыню, как раз после этого и остаются те шкурки, которые мы видим в норках скорпионов». Однажды я изложил это поверье одному вельможе.

— Я сердцем верю в то, что этот рассказ правдив, — сказал он, — да как и мог бы он быть лжив? В соответствии с тем, как они обращаются в детстве с матерью, так их, естественно, любят и почитают, когда они вырастут!

Внимал однажды сын отцовским наставленьям,
Отец сказал: «О сын, запомни мой завет:

Тот, кто родителей своих не уважает,
Не будет знать любви, узнает много бед».

ПРИТЧА

Скорпиона спросили:

— Почему ты не показываешься зимою?

— Велико ли уважение ко мне летом, чтобы мне показываться еще и зимою? — отвечал он.

РАССКАЗ 10

Нищенка — жена одного дервиша — была беременна; наступило время родов. У дервиша никогда еще не было детей.

— Если Господь Всеславный и Всевеликий подарит мне сына, — говорил он, — то я, оставив себе только рубище, которое ношу я сам, все свое имущество дервишам раздам.

И действительно, у него родился сын. Тогда дервиш разостлал скатерть для других дервишей, согласно обету. Через много лет, вернувшись из путешествия в Сирию, я отправился к одному своему другу и стал расспрашивать соседей о делах дервиша. Мне сказали, что он находится в городской темнице.

— За что же его посадили? — спросил я.

Мне ответили:

— Сын его вина напился, подрался, пролил кровь человека и скрылся. Из-за него-то отцу сковали шею цепью, а ноги — тяжелыми оковами!

— Это бедствие он сам выпросил у господа! — воскликнул я.

Когда бы женщина, о муж благоразумный,
Рожала только злых и ядовитых змей,—

По мненью мудрецов, все ж это было б лучше —
Но только б не рожать бессовестных детей!

РАССКАЗ 11

Когда я был дитятею я спросил у одного взрослого человека, когда наступает совершеннолетие.

— В книгах написано, — отвечал он, — что оно имеет три признака: во-первых, наступление пятнадцати лет, во-вторых, появление страстных грез по ночам и, в-третьих, появление волос под мышками. Но в действительности же примета его одна, и она совершенно ясна: довольно и того, чтобы о служении Господу Всеславному и Всевышнему ты заботился больше, чем об удовольствиях своей плоти; тот, у кого этого свойства нет, по мнению мудрецов, совершеннолетия лишен примет.

Капля семени в утробе облик обретет людской,
Если только там спокойно сорок дней лишь проведет.

Но когда сорокалетний знаний и ума лишен,
Настоящим человеком не зовет его народ.

*****

Человек великодушным, щедрым должен быть,
Человек ли ты — не скажешь по чертам лица.

Храбрым будь в душе — немного значит храбрый вид,
И намалевать нетрудно облик храбреца.

Если доблести лишен ты, нет в душе добра,
Ты походишь на картину — иль на мертвеца...

Захватить мирские блага — в том заслуги нет,
Если можешь ты, попробуй, завоюй сердца!

РАССКАЗ 12

Однажды среди пеших паломников, совершавших хадж, завязалась ссора. Я тоже был пешим паломником в этом путешествии. Мы вцеплялись друг другу в волосы, царапали лицо, всячески ругались и дрались. И вот я слышу, как один из ехавших в паланкине говорит своему товарищу:

— Удивительно! Когда костяная пешка дойдет до края шахматной доски, она делается ферзем, то есть становится лучше, чем была, а пешие паломники, идущие в Мекку, пройдя пустыню, сделались хуже.

О друг мой, передай хаджи, который обижает бедных,
Бранится, оскорбляет всех и будоражит весь народ:

«Хаджи не ты, а твой верблюд — бедняга терпелив и скромен,
Одни колючки только ест и ношу, не ропща, несет...»

РАССКАЗ 13

Один индус изучал искусство приготовления бенгальских огней. Какой-то мудрец сказал ему:

— Ведь твой дом из камыша, значит эта игра для тебя нехороша!

Коль ты в правоте своих слов неуверен — молчи,
Коль думаешь, будет ответ на слова твои скверен,— молчи!

РАССКАЗ 14

У одного мужика заболели глаза. Он отправился к скотскому врачу и попросил:

— Полечи меня!

Скотский врач помазал ему глаза лекарством, которым мазал глаза четвероногих, и тот ослеп. Мужик пошел с тяжбой к судье; судья сказал:

— Скотский врач не заслуживает никакого наказания, ибо если бы этот мужик не был ослом, он не стал бы иметь дело со скотским врачом!

Смысл этих слов в следующем: пусть тот, кто неучу большое дело передает, знает, что он не только раскается, но и будет сочтен легкомысленным со стороны людей благоразумных.

Не станет умный человек, которым ум руководит,
Дела свои вручать тому, чья мысль поверхностна, легка;

Циновочник — он тоже ткач, но кто же вздумает его

Вести к станку, коль ткут на том одни тончайшие шелка?

РАССКАЗ 15

У одного из великих имамов скончался сын. Его спросили:

— Что нужно написать на надгробной плите?

— Величие и слава священной книги[19], — молвил он, — слишком высоки, чтобы можно было написать слова из нее на таких местах, где они с течением времени стираются, где ходят люди и где гадят собаки. Итак, если уж необходимо в силу обычая написать несколько слов, то достаточно и следующих стихов:

Когда зеленой веткой рос средь жизненного сада ты,
Как сердцем радовался я, увидев лист зеленый, твой;

Приди ко мне весною, друг, и ты увидишь, как мой прах,
Зимой схороненный сюда, порос зеленою травой.

РАССКАЗ 16

Некий благочестивый муж проходил мимо одного из владельцев мирских благ. Он увидел, что тот, крепко связав раба по рукам и ногам, истязает его.

— О сын мой, — молвил он, — Господь Всеславный и Всевеликий сделал пленником твоей власти подобное тебе существо и подчинил тебе его. Воздай же хвалой за благодать господа всевышнего

и не твори такого насилия над рабом... Не должно быть так, чтобы в день Воскресения он оказался лучше тебя, а ты был им пристыжен.

Зачем же над тобою властен гнев?
Зачем же бьешь рабов, рассвирепев?

За деньги на базаре ты купил их,
Но сотворить рабов — ведь ты не в силах!

Забудь, гордец, о гордости своей —
Ведь в мире есть властители мощней.

О господин Арсланов и Агушей —
Ты Господа великого послушай!

Предание о господине мира[20] (да благословит и да приветствует его Бог!) гласит, что он изрек: «Величайшим горем в день Воскресения из мертвых будет то, что праведный раб в рай будет взят, а злонравный господин — ввергнут в ад!»

Ты не злись на раба, что под игом томится твоим,
Истязанья оставь и не злобствуй, безмерно суровый,—

Не позорно ли будет тебе, коль на Страшном суде
Раб свободу получит, тебе же наденут оковы?

РАССКАЗ 17

Как-то раз шел я из Балха в Бамьян. Весьма опасная была эта дорога, так как в этой местности разбойников было много. Нам сопутствовал один юноша, бывший нашим телохранителем. Он легко нес щит, был метким лучником, умелым воином и таким сильным, что десять могучих мужей не могли натянуть его лук и ни один силач на земле не мог бы положить его на обе лопатки.

Однако, знаешь ли, был он изнежен, белоручка, не видал мира, не совершал путешествий, не достигал его слуха гром боевых барабанов, никогда не видел он молний от мечей конных воинов.

К врагу не попадал он в плен, не вырывался, еле цел,
И вкруг него не лился дождь кровопролитных вражьих стрел.

Случалось так, что мы с этим юношей шли рядом впереди всех. Он валил своей мощной дланью старые глиняные стены, попадавшиеся по пути, вырывал одной рукой могучие деревья и самодовольно говорил:

Подайте мне слона — пускай увидит слон богатырей,
Подайте льва, чтоб посмотрел на длани доблестных мужей.

Так мы шли, как вдруг из-за камня высунули головы два индуса и не спускали с нас глаз, собираясь убить нас. В руках у одного была палка, а под мышкой у другого — праща. Я сказал юноше:

— Чего же ты ждешь?

Укрепившись душой, напряги свои силы,
Враг ступает на край неизбежной могилы.

И вот вижу я, что стрела и лук выпали у юноши из рук, а телом его овладела дрожь.

Не каждый, кто стрелою меткой может
Пронзить кольчугу, волосок рассечь,

В тот миг, когда в бою придется круто,
Сумеет взяться за булатный меч.

У нас не осталось иного выхода — мы отдали свои пожитки, оружие и одежду и так спасли себе жизнь.

За важным делом посылай ты опытных мужчин,
Что заарканить бы могли свирепейшего льва.

Пусть юноша силен, могуч, пусть крепок он, как слон,—
Но он, когда придут враги, увянет, как трава.

А ратник опытный познал закон суровых битв,
Как знает муж-законовед священные слова,

РАССКАЗ 18

Я был свидетелем того, как сын одного богача сидел на могиле своего отца и спорил с сыном бедняка:

— У моего отца каменная гробница с золотой надписью, с мраморной плитой, обведенной лазоревыми плитками. Разве она похожа на могилу твоего отца? Там положены два кирпича и на них насыпаны две горсточки праха!

Сын бедняка, выслушав эти слова, сказал:

— Пока твой отец зашевелится под этими тяжелыми камнями, мой отец уже будет в раю обеими ногами!

Коль ноша у осла не тяжела,
И шаг, бесспорно, легок у осла.

*

Бедняк, терпевший униженья и бедности тяжелый гнет,
Легко, без всяких сожалений, к могиле мрачной подойдет.

А если кто вкушал лишь негу, покой, довольство, наслажденье —
Совсем не с легким сердцем примет он смерти роковой приход.

Когда оковы снимет узник, он будет радостен и весел,
Зато эмиру будет тошно, коль в плен к врагам он попадет.

РАССКАЗ 19

Я спросил одного мудреца о значении следующего изречения: «Злейший враг твой — это твоя страсть, гнездящаяся между твоими ребрами!»

— Это значит,— ответил он,— что любой враг становится другом, когда ему делаешь добро, а страсть будет для тебя все более и более тяжкой, пока ты будешь ей делать поблажку за поблажкой.

Умеренно вкушая пищу, ты станешь ангелу подобен,
А станешь жрать подобно зверю — придется камнем вниз упасть...

Исполнишь ты других желанье — они твою исполнят волю;
Но выполнишь ты прихоть страсти — тобою будет править страсть.

СПОР САДИ С ЛЖЕДЕРВИШЕМ

ПО ПОВОДУ БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ

В одном обществе я видел человека в дервишеском обличии, но не соблюдавшего дервишеские обычаи. Сидел он, раскрыв тетрадь жалоб, и поносил богачей, обливая их грязью. И вот наконец он сказал, что у бедняков связаны руки могущества, а у богачей сломаны ноги добродеяния.

Великодушные не слишком-то богаты,
Богатые зато бывают скуповаты...

Меня задели эти речи: ведь я вскормлен благодеяниями вельмож.

— О друг,— молвил я,— богачи — это источник жизни бедняков, сокровище для отшельников, убежище для странников и приют для

путешественников. Они несут много забот, чтобы других спасти от невзгод. Они протягивают руку к пище только тогда, когда насыщаются их слуги и подчиненные. Избытки их щедрот достаются вдовам и старикам, ближним и соседям:

И милосердны богачи и всем готовят угощенья,
Зекат, фитрат они внесут, щедры на жертвоприношенья:

Сравняешься ль с богатым ты, лишенный всякого уменья?
Поклоны бить умеешь ты, да и поклоны бьешь без рвенья

Щедрость дается могуществом, а страх Божий приобретается благодаря достатку, и эти качества больше имеются у богатых, ибо у них есть имущество, очищенное налогами в пользу бедных, чистое одеяние, нетронутая душа и спокойное сердце. Страх Божий укрепляется изысканными блюдами, а крепость богослужения — изящной одеждой. А какая сила может исходить от пустого желудка и какая добродетель — от пустых рук; какие странствия могут совершить ноги истомленного жаждой? Какое добро могут делать руки голодного?

Если ты на завтра средств лишен,
Вечером едва заснешь, расстроен.

Муравей сбирает летом корм —
Но зато зимой вполне спокоен.

Внутренний покой несовместим с нищетой, а душевная сосредоточенность не удается бедняку. Один вечернюю молитву Господу возносит, а другой сидит и ужина просит. Разве можно сравнивать этих людей?

Кто состоятелен, в мольбе
Склонился — и немудрено,

А если в средствах ты стеснен,
То сердце тоже стеснено.

Итак, молитвы богачей скорее дойдут до Господних ушей, ибо богач внутренне сосредоточен и спокоен, не возмущен сердцем и душой не расстроен. Обладая средствами к жизни, богачи беспрестанно творят молитвы. Арабы говорят: «Да защитит меня Господь от гнетущей нищеты и от соседства нелюбимого человека». Предание гласит: «Бедность — позор для человека в обоих мирах!»

— А разве ты не слыхал,— воскликнул он,— что пророк — мир ему! — изрек: «Бедность — моя гордость!»

— Замолчи,— возразил я,— слова господина мира (мир с ним!) относятся к бедности людей, выступающих в качестве подвижников на ристалище довольства малым и подставляющих себя под стрелы провидения, а не к тем, что облекаются в рубище праведных, чтобы торговать полученной милостыней.

О громкозвучный барабан, внутри безрадостно пустой,
Ты без припасов никогда с врагом начать не сможешь бой.

Мужчиной будь и не гляди голодным взглядом на людей —
А четки в много сотен бус ты больше не носи с собой.

Невежественный бедняк не успокоится никак, пока бедность его не приведет к кощунству: ибо «бедность приводит к неверию». Если у тебя нет никаких благ мирских, ты не можешь нагого одеть, не можешь добиться спасения ввергнутого в беду. Разве могут подняться до величия богачей люди нашего сословия, разве может сравниться рука подающего с рукой просящего? Разве ты не ведаешь, что Господь

Всеславный и Всевышний во всех ясных стихах Корана так предвещает благоденствие обитателей рая: «Они обеспечены насущным хлебом!» Знай же, что человек, обремененный заботами о средствах к жизни, лишен счастья нравственной чистоты, а царство душевного покоя запечатано для него перстнем насущного хлеба.

Томимый жаждой часто видит сон,
Что целый мир в источник превращен.

Едва я вымолвил эти слова, поводья терпения выскользнули из рук дервиша, и он, обнажив меч своего языка, пустил коня красноречия на поле дерзости и, погнав его на меня, воскликнул:

— Ты так превознес добродетели богачей и столько наговорил пустых речей, что воображение может представить себе, будто они какое-то спасительное снадобье или ключ к сокровищнице насущного хлеба. На самом же деле это горсточка людишек надменных и высокомерных, самодовольных и скверных, алчущих имущества и мирских благ, жаждущих высокого положения и богатства. Они не говорят ничего, кроме глупостей, а на бедных взирают только с презрением. Ученых они относят к разряду нищих негодяев, а бедных ославляют как безмозглых лентяев. Возгордившись своим действительным богатством и обольщаясь своим мнимым высоким достоинством, они садятся выше всех, считая себя лучше всех; им не приходит в голову поднять на кого-нибудь глаза. Они не ведают слов прежних мудрецов, изрекших: «У кого страха Божия меньше других, а богатства больше, те внешне богаты, а внутренне бедны».

Когда пустослов богатством своим
Похвастать решит в глазах мудреца,

Его ты считай ослиным хвостом,
Хоть думают все: «Он мускусный бык».

— Не смей их хулить, это великодушные люди! — сказал я.

— Врешь,— крикнул он,— это рабы дирхемов. Какая от них польза, если они, словно апрельские тучи, над землей проходя, не посылают дождя, если они похожи на солнечный диск, но ни на кого не светят, если они сидят на коне могущества, но не трогают его с места? Они и шага не сделают ради господа и дирхема не дадут без упреков и укоров. Они сбирают богатство ценой мучительного труда, оберегают его жадно и после себя его оставляют с горечью безотрадной. Как говорят мудрецы: «Серебро скряги только тогда выходит из земли, когда он сам уходит в землю».

Один, трудясь, из кожи лезет, чтоб накопить себе добра,
Другой придет — и беззаботно уносит горы серебра.

— Ты решил, что хозяева благ скупы, только судя по своей нищете,— ответил я,— ведь тому, кто забывает свою жадность, великодушный и скупой кажутся одинаковыми. Да, что такое золото, известно пробному камню, а нищему известно, кто такой скряга!

— Я это говорю потому,— воскликнул он,— что они приставляют к дверям слуг и держат откормленных грубиянов, чтобы те не пускали к ним почтенных людей, толкали в грудь чистых праведников и говорили: «Никого нет дома!» Да, они говорят правду!

О тех, кто разума лишен, кому паренье незнакомо,
Привратник хорошо сказал: «Не ждите, никого нет дома».

— Это происходит потому,— ответил я,— что они доведены до крайности попрошайничеством всяких просителей и повержены в отчаяние домогательствами нищих. Ведь ум не поверит, что глаза нищих насытятся, если даже все пески пустынь превратятся в жемчуг.

Не насытят жадных глаз мирские блага,
Как колодец не наполнится росой.

Где ты много претерпевшего и много горя испытавшего человека ни встретишь, ты сразу заметишь, что он, полный жадности, бросается в дела, влекущие за собой много бедствий, не остерегаясь последствий, не страшась Господней кары и не различая дозволенного от недозволенного.

Если камень бросят псу, начинает прыгать пес —
Думает бедняга пес, что хозяин бросил кости.

Если двое гроб несут, жадный поспешит за ним —
Он решит, что будет пир и зайти бы нужно в гости.

А на власть имущих господь взирает благосклонным взором и при помощи дозволенного охраняет их от недозволенного. Пусть я ничем не подкрепил мои слова и не привел веских доказательств, но я прошу тебя сказать правду: видел ли ты когда-нибудь, чтобы праведнику связали руки за спиной, несчастного посадили в тюрьму, отняли целомудрие у какой-нибудь беспорочной девицы или отрубили кому-либо кисть руки по какой-либо иной причине, кроме бедности? Часто отважных мужей, гонимых нуждой, ловят при налетах и перебивают им ноги. Да и понятно: когда бедняком владеет непреодолимая страсть, а у него нет возможности удовлетворить ее, она толкает его на преступление, ибо чрево и похоть — близнецы, они оба порождены одной утробой: пока держится одно, стоит на ногах и другое. Я слыхал, что одного нищего поймали, когда он насиловал мальчика. Он не только был опозорен — его хотели еще и побить камнями. «О мусульмане,— взмолился он,— у меня нет возможности жениться и нет силы терпеть. Что же мне делать, ведь в исламе нет монашества!» К числу причин душевного покоя и внутренней сосредоточенности,

которых достигают богачи, принадлежит и то, что они каждую ночь прижимают к груди красавицу, позволяющую им каждый день начинать сызнова молодость; утренняя заря склоняет голову перед красотой этого кумира, а нога стройного кипариса от зависти вязнет в глине.

Словно виноградным соком пальчики обагрены —
Ногти их — в крови красавиц, что безумно влюблены.

Не может быть, чтобы они, сливаясь с ее красотой, ходили вокруг греха или покушались на гнусные дела.

Если ты любим прекрасной пери,
Что тебе до тюркского кумира?

*

Если фиников свежих гора пред тобою лежит,
Разве станешь камнями ты гроздья сбивать винограда?

Зато бедные, как правило, свою чистоту преступными делами меряют безрассудно, а голодным украсть хлеб нетрудно.

Голодный пес, увидев мясо, едва ль проявит любопытство:
То мясо ли осла Дадджала, или Салехова верблюда.

Сколько беспорочных людей попадают из-за бедности к источнику злонравия и пускают свое доброе имя по ветру бесславия.

Когда ты голоден, не можешь быть воздержан;
Благочестивей, нищетой повержен.

Ты говоришь, что богатый перед бедным закрывает дверь. Но в этом ты мне поверь; если бы Хатем Тайский, живший в пустыне, был горожанином, нищие извели бы его своими приставаниями и сорвали бы с него одежды!

— Нет, нет! — воскликнул он.— Я жалею богачей!

— Нет, ты завидуешь их богатству! — ответил я.

Так мы спорили и препирались друг с другом.

Я старался отразить каждую пешку, которую он продвигал, от каждого шаха, который он объявлял, я загораживался ферзем. И он проиграл все полноценные монеты кошелька разума и истратил все стрелы из колчана доказательств.

Не бросай щита, коль вдруг нападет велеречивый —
Обладает он одним красноречием заемным;

Верой, знаньем победишь, этот рифмоплет речистый
Держит стражу у ворот — пусто за мостом подъемным.

В конце концов у него иссякли доказательства, и я опозорил его. Он протянул руку вражды и начал браниться, ибо таков обычай невежд — когда противник побеждает их доказательствами, они гремят цепью неприязни; когда Азар, гранильщик идолов, не мог победить сына доказательствами, он стал зло на него кричать и заявил: «Если ты не

перестанешь, я побью тебя камнями!» Дервиш выругал меня, я бросил ему резкое слово, он разорвал на мне ворот, я схватил его за бороду.

Он на меня, я на него —
И споры превратились в ссору.

Стекался люд издалека,
Дивясь такому разговору.

И вот мы пошли к кади решать этот спор, положась на его справедливый приговор; мы попросили судью мусульман вынести справедливое решение и указать на различие между богатыми и бедными. Судья, узнав о нашей тяжбе и выслушав наши речи, склонил в раздумье голову на грудь, подумал некоторое время, поднял голову и молвил:

— О ты, превозносящий богачей и позволяющий себе поносить бедняков, знай, что где роза, там и шипы, где вино, там и пьяный, где сокровище, там и змей, где царственный жемчуг, там и крокодил-людоед; за блаженством земной жизни следуют уколы жала смерти; райские наслаждения окружены стенами мучения.

Когда исчезнет гнет врагов, чем ты проверишь твердость духа?
Едины радость и печаль, шипы и розы, змей и клад.

Разве ты не видел, что в саду бывают и мускусная ива и сухое дерево? Также и среди богатых есть люди благочестивые и неверующие, а в кругу бедных есть и воздержанные и невоздержанные.

Когда б жемчужинами стать могли на свете все росинки,
Жемчужин полные лотки имелись бы на каждом рынке.

Господу Всеславному и Всевышнему близки богачи, живущие как бедняки, И бедняки, что помыслами богаты и высоки. Лучший из богачей тот, кто заботится о бедных, а лучший из бедняков тот, кто избегает богачей. «Кто уповает на Аллаха, с него довольно и этого!»

Затем судья, отвернувшись от меня, с укором взглянул в сторону дервиша и молвил:

— О ты, который говорил: «Богачи преступлениями отягощены и пороком опьянены!» Действительно, среди них есть люди с такими свойствами, которые ты указал; люди без высоких помыслов, обладающие незаконно присвоенным добром; они крадут и копят, сами не едят и другим не дают. Если, например, не будет дождей, или если снова наступит всемирный потоп, они, полагаясь на свое богатство, не позаботятся о страдающих бедняках и, не страшась господа, скажут:

Пусть люди с голода умрут — но есть еда в моем желудке,
Пускай потоп затопит мир — едва ли повредит он утке.

*

Те, кто едет на верблюде, восседая в паланкине,
Не подумают о нищих, увязающих в песке.

*

«Пусть гибнет мир,— сказал подлец,— пусть всех людей постигнет мор —

А мне-то что, я невредим, ведь свой я вытащил ковер».

Да, есть такие люди, о которых я только что сказал, но есть и другие — люди, расстилающие скатерть своих благ и раскрывающие руки щедрот, стремящиеся к доброму имени и благоволению Господа. Эти люди обладают и этой и будущей жизнью, ибо они слуги его величества, справедливого царя мира, победоносного государя, покровительствуемого и охраняемого Господом, держащего бразды правления народами, защитника границ ислама, наместника царства Соломона, справедливейшего государя Музаффараддинудунья, ата-бека Абу-Бекра, сына Саада, сына Занги (да продлит Аллах дни его и да защитит знамена его!).

Отец для сына меньше сделал,
Чем сделал ты для всех людей;

То было милостью господней,
Когда ты стал царем царей.

Когда судья довел речь до этого места и погнал коня красноречия за пределы нашего разумения, мы, в силу его решения, примирились и простили друг другу нанесенные обиды. После перебранки мы встали на путь взаимной любезности и, желая загладить прошедшее, поцеловали друг друга в голову и лицо, и беседа между нами завершилась следующими словами:

О ты, бедняк, не сетуй на злосчастье —
Злосчастен ты, коль беспрерывно тужишь;

О ты, богач, пока еще ты счастлив,—
Будь щедр, и счастье в небесах заслужишь.

Глава восьмая
О ПРАВИЛАХ ОБЩЕНИЯ

Мирские блага даны ради достижения в жизни покоя, а не жизнь для того, чтобы копить добро мирское. Умного человека спросили:

— Кто счастлив, а кто несчастен?

— Счастлив тот,— ответил он,— кто ел пищу и сеял зерно, а несчастен тот, кто умер и оставил неиспользованное имущество.

Поверь мне, тот не человек, кто бесполезно прожил жизнь,
Кто в жизни лишь добро копил, не пользуясь своим добром.

*

Моисей (мир ему!) наставлял Каруна:

— Будь добр к другим, как добр к тебе Бог!

Не послушал его Карун-гордец, и ты слышал, каков был его конец!

Кто в жизни блага не творил ни золотом, ни серебром,
Тот голову свою сложил за золото и серебро;

Коль хочешь наслаждаться ты и здесь и в будущем, в раю,
Ты всем одно добро твори, как Бог тебе творит добро.

*

Арабы говорят: «Совершай добро, но не попрекай им, и польза от этого вернется к тебе!», то есть дари, но не напоминай об этом, ибо выгода от того сама придет к тебе.

Когда распустит корни щедрот великих древо,
Оно поднимет ветви до самых облаков;

Но ты оставь укоры — его подпилишь корни,
И вовсе не придется тебе вкусить плодов.

*

Воздай же господу хвалу — он благом наделил тебя,
И множество его даров в руках твоих уже скопилось;

Когда ты служишь у царя, похвал не требуй от него —
Себе служить позволил он — благодари его за милость.

*

Двое напрасно трудились и без пользы бились: тот, кто копил и не воспользовался накопленным, и тот, кто учился и ничего потом не сделал.

Как много в жизни ты ни выучил наук,
Коль не приложишь их, то будешь неуч, друг...

Осел не будет ничему научен,
Хотя бы связкой книг он был навьючен...

Безмозглый скот — как может он узнать,
Что он везет — полено иль тетрадь?

*

Наука для поддержки веры нужна — не для обретения мирских благ существует она.

Кто продал набожность, воздержанность, науку,
Тот жатву снял и сжег, обрек себя на муку.

Невоздержанный ученый — это слепец, держащий факел.

Кто, промотав без пользы жизнь, остался под конец без сил,
Тот, не купивши ничего, все деньги на ветер пустил.

Государство приобретает красоту благодаря ученым, а вера достигает совершенства благодаря людям воздержанным. Цари больше нуждаются в обществе мудрецов, чем мудрецы в близости к царям.

Послушай моего совета, государь,
Другой такой совет услышишь ты едва ли —

Одним лишь мудрецам правление вручай,
Хоть мудрецам дела правленья не пристали.

*

Три вещи недолговечны: товар без торговли, наука без споров и государство без политики.

*

Милость к злым — жестокость к добрым, прощать угнетателей вредных — значит, угнетать бедных.

Если только будешь ласков и любезен с подлецом,
Государству навредит он — ты виновен будешь в том.

*

Нельзя доверять дружбе царей и приятному полосу детей: первая кончается из-за одного подозрения, а второй ломается после одной ночной грезы.

Души, о друг, не отдавай той, у которой сто друзей, —
Иначе распростись навек с любезною душой своей.

*

Не каждую тайну выкладывай перед другом ибо ты не узнаешь нипочем — быть может, когда-нибудь он станет тебе врагом. Не каждое зло, которое ты можешь сделать, причиняй врагу, ибо может случиться, что со временем вражда в прошлое канет, и он другом, станет. Тайну, которую хочешь утаить от всех, не, раскрывай ни перед кем, даже перед твоим верным другом, ибо у этого друга могут оказаться свои верные друзья — и так образуется целая цепь.

Не верь обетам, и другому ты тайн своих не открывай;
Он не удержится, расскажет про все другому человеку...

Глупец, у самого истока запруду возводи всегда:
Когда ручьи воды добавят, едва ли ты запрудишь реку.

*

Хотел бы дело в тайне ты оставить —
Зачем о нем на перекрестках славить?

*

Цель слабого врага, изъявляющего покорность и высказывающего свое дружеское расположение, состоит только в том, чтобы стать врагом сильным. Ведь если говорят: «Нельзя доверять дружбе друзей», то как же можно положиться на лесть врагов?

*

Кто считает ничтожным слабого врага, подобен тому, кто оставляет гореть маленький огонек.

Скорей, скорей туши огонь, пока ты можешь потушить.
Ведь если разгорится он, он весь охватит мир земной.

Зачем же допускать, чтоб враг мог натянуть тугой свой лук,
Когда сегодня можешь ты его пронзить своей стрелой?

*

Свою речь с двумя людьми, враждующими между собой, веди так, чтобы не стыдиться их, если внезапно дружба последует за враждой.

Борьба меж двух врагов напоминает пламя,
Снабжает ябедник огонь вражды дровами.

Когда же между них настанет снова мир,
Он будет пристыжен, печален, грустен, сир...

Кто вечно разжигать вражду людскую любит,
Того в конце концов его ж огонь погубит.

*

Будь осторожен, говоря с друзьями,
Чтобы не дать подслушивать врагу;

Беседовать у стен остерегайся —

Вдруг ухо за стеной в одном шагу?

*

Кто живет в мире с врагами, тот обижает своих друзей.

Коль сблизился твой друг с твоим врагом,
Будь мудр и тотчас позабудь о нем.

*

Если ты колеблешься, решая какие-либо дела, выбирай такой приговор, который содержит меньше зла.

Не говори с мягкосердечным грубо,
Не ссорься с тем, кому затишье любо.

*

Если дело можно уладить золотом, не следует рисковать жизнью. Арабы говорят: «Меч — последняя уловка!»

Когда от ловкости своей не можешь пользы ты извлечь,
Тогда — и лишь тогда, мой друг,— хватайся за булатный меч.

*

Слабого врага щадить не надо, ибо, когда он станет сильным, тебе не будет от него дана пощада.

Перед беспомощным врагом не хвастай силой исполина —
Пока есть кость — есть костный мозг; в рубахе есть всегда мужчина.

*

Тот, кем будет уничтожен злодей, спасет от его злодейства людей, а самого злодея спасет от Господней кары.

Будь милосерд, мой друг, прекрасно это, только
Ран не лечи у тех, кто мучает людей.

Кто милосердным был с гадюкой, тот не понял,
Что тем Адамовых он предал сыновей.

*

Принимать советы врагов — ошибка, но выслушивать их нужно, чтобы поступать наоборот. Это и будет истинно правильный образ действий.

Не слушай, друг мой, никогда коварных вражьих наставлений,
Иль от раскаянья себе руками разобьешь колени.

Когда тебе укажет враг прямой, стреле подобный путь,
Скорей ты должен от него в любую сторону свернуть.

*

Гнев сверх меры вызывает страх, а неумеренная ласка уменьшает к тебе уважение в людских сердцах. Не будь настолько суров, чтобы всем надоесть, и настолько кроток, чтобы тебе дерзили.

Будь кротким и суровым — пополам,
Как врач: и режет он и льет бальзам...

Всегда суровы только грубияны,
Но есть и в вечной кротости изъяны.

Разумному заносчивость чужда,

Но он не стерпит также и стыда.

*

Пастух просил совета у отца:
«Подай совет, достойный мудреца!»

«Настолько ты забудь мягкосердечье,
Чтоб волк не ведал путь в стада овечьи».

*

Два человека — враги государства и веры: жестокий царь и невежественный отшельник.

Не должен царство возглавлять владыка,
Когда он бога не покорный раб.

*

Царь и на врагов должен гневаться в меру, чтобы не подорвать друзей своих веру: ведь пламя гнева прежде всего падает на самого гневающегося, а дойдет ли затем язык пламени до врага, или не дойдет — неизвестно.

О сын Адама, в прахе ты рожден,
Что ж спесью ты великой опьянен?

Ты очень дерзок и высокомерен —
Не прах ты, а огонь, я в том уверен.

*

В земле Бейлаканской я раз навестил богомольца,
Его попросил: «Дай свое наставленье невежде!»

«Будь кроток, как прах, о ученый, — так он отвечал мне,—
Не то будет праху равно, что изведал ты прежде».

*

Человек дурного нрава — пленник в руках могучего врага, он не избавится от его карающих когтей, куда бы ни ступала его нога.

И если бы от рук беды ушел злонравный в небеса —
Он был бы все равно в беде от злого нрава своего.

*

Когда ты видишь, что во вражеском войске царит разброд, сиди спокойно, не боясь невзгод, но, когда враги согласны меж собой, опасайся расстройства в своих рядах.

Пируй, не торопись, среди своих друзей,
Коль видишь, что враги воюют меж собой;

Когда ж согласье ты заметишь среди них,
С камнями становись на башне крепостной.

Когда у врага истощаются все хитрости, он дергает за цепь дружбы и тогда с помощью этой дружбы наделает таких дел, которых никакой враг сделать бы не сумел.

*

Старайся размозжить голову змеи рукою врага, и, какая бы сторона ни одолела, так или иначе будет совершено доброе дело: если одержит победу враг, будет убита змея, а если одолеет она, ты избавишься от врага.

В сраженье не пренебрегай ты даже немощным врагом —
Он может вырвать мозг у льва, когда погибель у ворот

*

Промолчи, если ты знаешь, что чье-либо сердце огорчит твоя весть,— предоставь другому ее принесть.

О соловей, нам возвещай всегда благой весны приход,
А весть дурную пусть сова, ночная птица, принесет.

*

Не сообщай царю о чьем-нибудь предательстве, если только ты совершенно не уверен, что он благоприятно примет твое сообщение,— иначе ты сам ускоряешь свою гибель.

Тогда лишь слово в ход пустить — твой долг,
Когда уверен ты, что будет толк.

*

Кто пытается читать наставления самодуру, тот сам нуждается в наставлении.

*

Не поддавайся обману врага и не покупай высокопарных слов у присяжного льстеца: первый расставил сеть коварства, а другой раскрыл полу жадности. Только глупцу нравятся похвалы, подобные трупу, который покажется толстым, если подуть в лодыжку.

Не слушай похвалу любого златоуста,
Когда хвалить тебя велит ему нужда;

Пусть ты лишь раз его желанья не исполнишь —
Пятьсот пороков он найдет в тебе тогда.

*

Пока никто не укажет говорящему его недостатка, его речь не будет течь гладко.

Если по сердцу ты и пришелся невеждам ретивым,
В самомненье пустом не считай себя красноречивым.

*

Всем людям свой ум кажется ясным, а свое дитя — прекрасным.

Иудей с мусульманином спорили раз на базаре —
Я давился от смеха во время того разговора.

Мусульманин кричал возмущенно: «Коль купчая крепость
Не годится, пусть я иудеем умру от позора!»

Собеседник вопил: «Мусульманином стать я согласен,
Если я поступаю нечестно — свидетель мой Тора».

Да, никто про себя не подумает: «Глуп я, наверно»,
Если разум навеки исчезнет с земного простора.

*

Десять человек могут поесть за одной скатертью, а две собаки не могут поладить у одного трупа. Жадный человек не насытится целым миром, а человек нетребовательный сыт одним хлебцем. Мудрецы говорят: «Быть богатым воздержанием лучше, чем быть богатым состоянием».

Тощую кишку ты можешь хлебным мякишем наполнить,
Жадный глаз ты не насытишь видом всех земных богатств.

*

Отец мой, уходя из жизни этой,
Сказал слова последнего совета:

«Страсть — это пламя; будь же в стороне,
Чтоб в адском не сгореть тебе огне...

Ты пламени того не стерпишь жженья —
Так погаси его водой терпенья...»

*

Кто в дни могущества не делает добрых дел, тот во время бедствия готовит себе печальный удел.

Злосчастней нет обидчика людей —
В день бедствия он не найдет друзей.

*

Все, что делается наскоро, живет недолго.

На Востоке, слыхал я однажды, над чашей китайской
Сорок лет просидят — и выходит всего лишь одна;

А в Мардаште в один только день тебе сделают сотню —
Без труда мы поймем, что едва ль высока их цена.

*

Сын Адама родится совсем несмышлен и бессилен,
А птенец, в мир явившись, за пищей отправится разом;

Но, мгновенно став на ноги, он ничего не достигнет,
Человек — обретет совершенный, недремлющий разум;

Есть повсюду стекло, потому его люди не ценят;
Но с почтеньем относятся к трудно добытым алмазам...

*

Дела делаются при помощи терпения, а кто поступит торопливо, ничего не добьется — и не диво!

Я в пустыне видал: тот, кто шел не спеша, без усилья
Обгонял торопыг, хоть у тех на ногах были крылья...

Ветроногий гнедой понесется — потом отстает,

А погонщик верблюдов идет понемножку вперед.

*

Для невежды нет ничего лучше молчания. Если бы он понял этот благой совет, его невежества исчез бы всякий след.

Коль разум твой несовершен, молчи:
Ведь если слово скажешь — будет грех;

Язык болтливый вечно губит нас:
Так гибнет от свища лесной орех.

*

Раз глупец порешил всем наукам осла обучить;
Он затратил на это немало и средств и труда;

Мудрый молвил ему: «Не старайся, несчастный глупец,
В этом деле пустом ты натерпишься только стыда.

Говорить не научишь скота; но ты сам у него
Поучиться молчанью без всякого мог бы вреда».

*

Когда труда подумать не возьмешь,
В ответ на правду часто скажешь ложь...

Иль говори, как человек, толково,
Иль, словно скот, не говори ни слова.

*

Когда кто-либо спорит с человеком умнее себя, желая, чтобы люди узнали, насколько он умен, он только показывает им, что он разума совсем лишен.

Когда старейший начинает речь,
Ты, даже лучше зная, не перечь!

*

Кто с дурными дружбу ведет, ничего доброго в жизни не найдет.

Коль ангел с чертом поведет знакомство,
Усвоит он одно лишь вероломство.

Добру злодей не выучит никак,
Из волка не получится скорняк.

*

И не ищи невидимых пороков —
Людей стыдя, натерпишься упреков

*

Кто учился наукам и не применил их на деле, похож на человека, вспахавшего волом землю, но не по сеявшего семян.

*

В теле, лишенном сердца, нет мысли о Боге, скорлупа, лишенная ядра, недостойна покупки

*

Не каждый, кто ловок в споре, честен в договоре.

Идет красавица — посмотришь, — но только ты лицо открой —
Увидишь бабушку седую под все скрывающей чадрой...

*

Если бы все ночи были «ночами могущества[21]», то у ночи могущества не было бы никакой цены.

Коль каждый камень станет вдруг рубином,
Меж них в цене различья не найти нам.

*

Не всякий, кто по виду величав, имеет хороший нрав. Дело в сути, а не в коже.

По внешним признакам легко за день один узнаешь ты,
Насколько человек умен, насколько знанье глубоко;
Но душу так не распознать—не попадайся на обман:
Ведь подлость и за много лет раскрыть бывает нелегко..

*

Кто сражается с великанами, проливает свою же кровь.

Себя великим мнишь ты? Косоглазый
Двойными видит вещи все кругом:

Наверняка себе проломишь череп,
Когда с бараном ты столкнешься лбом

*

Драться руками с могучими львами и выходить против мечей с одними кулаками — не дело разумных людей.

Не думай с одним кулаком
Устоять против львиных когтей;

Увидевши львиную мощь,
Свой жалкий кулак пожалей.

*

Немощный, тягающийся с мощным, погибает и тем самым становится другом своего врага.

Не сможет неженка и белоручка
Мечом с отважным воином сразиться,

И слабый лишь по глупости великой
Вступает в бой с железною десницей.

*

Удел того, кто не слушает советов, — слушать укоры.

Коль совет идет тебе не впрок,
Молча, друг, выслушивай .упрек.

*

Люди бездарные не могут видеть людей доблестных так, как базарные псы охотничьих собак; как эти псы поднимают лай, не осмеливаясь подойти к охотничьим собакам, так и подлецы, которые не могут тягаться ни с кем доблестью, в силу подлости своей начинают перемывать косточки доблестных мужей.

Бездарный завистник злословит всегда издалека,
Вблизи же немеет бесстыжий болтливый язык.

*

Если бы не власть желудка, ни одна птица не попала бы в силки охотника, да и сам охотник не ставил бы силков.

*

Мудрец ест очень мало, богомолец — не досыта, отшельник — столько, чтобы держаться на ногах, человек молодой по горло набивает себя едой, старик станет есть, пока не прошибет его пот, а каландар — столько, что в желудке не останется места для дыхания, а на скатерти — пищи для кого бы то ни было.

Без сна провел подряд две ночи оков желудка грустный пленник;
Одну — от тяжести желудка, от пустоты его — другую.

*

Глупо советоваться с женщинами и грешно оказывать милость злодеям.

Коль тигров миловать ты рад —
Забыл ты, значит, про ягнят.

*

Кто не убивает врага, находясь перед ним, тот враг самому себе.

Когда змея на камне, а у тебя в руке — другой,
То будет глупо медлить — зачем давать змее покой!

Некоторые думают наоборот и говорят: «Лучше помедлить с казнью пленников, ибо тогда остается возможность выбора: можно убить, можно и миловать, а если убить пленного, не подумав, может случиться, что ты благое дело погубишь неосторожно, а вновь совершить его будет невозможно».

Легко души лишить живого,
Но мертвый жить не будет снова...

Стрелок не станет зря спешить:
Стрельнешь — стрелы не воротить.

*

Мудрец, связывающийся с невеждами, не должен ждать уважения к себе. Если невежда, дерзость показывая свою, одолевает мудреца в словесном бою, это не удивительно, ибо камень всегда разбивает жемчуг.

Коль соловья посадят к воронью,
Захочется ль петь песню соловью?

*

Коль доблестного мужа обидят негодяи,
Пусть добрый без обиды подумает, рассудит:

Коль чашу золотую сомнет простой булыжник,
Не станет он дороже, металл не хуже будет.

Не удивительно, если мудрец, избегающий с невеждами встречи, в их обществе лишается дара речи; ведь громы барабана заглушают звуки арфы, а запах вонючего сыра перебивает благоухание амбры.

Я слышал как-то хвастовство глупца —
Он руганью осилил мудреца...

Но тих напев хиджазский благородный —
И громогласен барабан походный!

Жемчуг остается драгоценным, хотя бы он упал в грязь, а пыль — презренна, хотя бы она вознеслась до небес.

*

Способность без воспитания ничтожна, а воспитание без способностей невозможно. Пепел — высокого происхождения, ибо огонь — высшая стихия, но так как сам по себе пепел не обладает благородством, то он равен праху. Настоящий мускус тот, который сам благоухает, а не тот, который расхваливает москательщик. Мудрец подобен лотку москательщика — он молчит и показывает свои способности, а невежда похож на громогласный походный барабан, внутри пустой.

Когда мудрец к невеждам попадает,
Народ о нем пословицу слагает:

«Он что красавица среди слепцов,
Корана свиток средь еретиков».

*

Целой жизнью своей обретаешь ты верного друга,
Так нельзя за мгновенье терять своих верных друзей...

Если камень за многие годы в рубин превратился —

Берегись, за мгновенье о камень его не разбей...

*

Разум, подчиненный страсти, в таком же плену, как слабовольный мужчина у сварливой жены во власти.

В том доме двери радости навек затворены,
Откуда к нам доносится истошный крик жены.

*

Разум без могущества — это колдовство и коварство, а могущество без разума — богохульство и дикарство.

Сначала нам рассудок нужен,
Уменье, мудрость — власть потом:

Ведь власть, врученная невежде, —
Оружье битвы против Бога.

*

Великодушный муж, который ест сам и дает другим, лучше богомольца, владеющего благами и приберегающего их.

Кто отказывается от страсти ради того, чтобы понравиться людям, тот, отрекаясь от дозволенной страсти, впадает в страсть греховную.

Отшельник, что не ради бога вступил на путь уединенья,—
Глядится в зеркало дрянное, и ждет его одно смятенье.

*

Мало да мало — будет много, капля да капля — будет поток; те, кто лишен могучей длани, копят мелкие камни, чтобы в удобное время нежданно размозжить череп тирана.

По капле собирается ручей,
Ручьи — озер начало и морей.

Великого начало — это малость,
Обилье хлеба по зерну сбиралось.

*

Ученый не должен спокойно проходить мимо глупости простолюдина, ибо это принесет вред им обоим: первого будут меньше уважать, а у второго укоренится его невежество.

Коль слишком ласков будешь ты к невежде,
Он станет горделивее, чем прежде...

*

Грех против божественных заповедей, кем бы он ни был совершен, предосудителен, а если он исходит от ученых, он более всего возмутителен, ибо знание — оружие против сатаны, а когда вооруженный человек попадает в плен, он терпит большой позор.

Бедняк из черни, что в лохмотьях ходит,
Ученых невоздержных превосходит.

Он сослепу сбивается с пути,
А тем и зрячим прямо не пройти.

*

Душа человеческая находится во власти одного мгновенья, а наша жизнь — это бытие между двумя небытиями. Поэтому тот, кто продает свою веру за мирские блага, — осел. Что могли купить братья, продавшие Иосифа? «О сыновья Адама, разве я не завещал вам не поклоняться сатане!»

Ты поссорился с другом по вражьим наветам.
С кем же ты разлучен? Чей ты друг перед светом?

*

Сатана не показывается людям благочестивым, как царь — разорившимся купцам.

Тому одалживать не надо, кто без молитвы век, живет,
Хотя бы, бедностью убитый, широко разевал он рот.

Того, кто думает, что Божьи заветы выполнять не стоит,
Поверь, отдача долга, друг мой, и вовсе не обеспокоит.

*

Людям не вспомнить после смерти имени того, чьего хлеба они не ели при его жизни.

*

Лишь нищая вдова может понять вкус винограда, но его не почувствует владелец виноградного сада.

*

Иосиф праведный — мир ему!—во время засухи в Египте досыта не ел никогда, дабы не ушла из его памяти людская беда.

Людей довольных, от нужды свободных,
Не тронут муки бедняков голодных.

Лишь тот поймет бедняцкий злой удел,
Кто сам мученья бедности терпел.

*

О всадник, на коне сидящий! Скорее в сторону взгляни ты,
Как ослик там увяз средь грязи, таща колючки — тяжкий груз.

Не занимай огня напрасно в жилище бедного соседа:
Из дымохода вздохи сердца выходят — а не дым, боюсь.

В голодный засушливый год не спрашивай у изнуренного бедняка: «Ну, как тебе живется?», если на его рану пластыря не наложишь и если перед ним денег положить не можешь.

Увидевши осла, что с ношею увяз,
Беднягу пожалей, но шествуй, друг мой, мимо.

А если, подойдя, спросил ты: «Что стряслось?» —
Тогда, схватив за хвост, тяни неутомимо.

*

Две вещи противны разуму: съесть больше пищи, чем тебе положено волею рока, и умереть раньше определенного срока.

Не изменится судьбина, как ни жалуйся, ни плачь ты —
Пусть и тысячу проклятий изрыгнешь ты, клокоча:

Что за дело серафиму, стерегущему все ветры,
Если у старушки жалкой и погаснет вдруг свеча?

*

О ты, ищущий хлеб насущный, сиди на месте и долю свою обретешь; а ты, смертью искомый, не беги, ибо душу свою не спасешь.

Искать ты будешь хлеб свой или нет —
Господь с небес пошлет его тотчас;

Пусть к тигру, льву ты в лапы попадешь —
Они тебя пожрут лишь в смертный час.

*

Рука не достанет того, что не суждено, а суженое достанет, где бы ни было оно.

Слыхали мы, что Искандер с трудом дошел до царства тьмы.
Но воду жизни выпил кто? И это ведь слыхали мы.

*

Без счастья рыбак и в Тигре рыбы не найдет, а рыба до смертного часа и на суше не умрет.

Алчущий подлец по белу свету бродит —
Ищет пищи он — ищет смерть его...

*

Распутный богач — это грязи позолоченный комок, а праведный бедняк — красавица, покрытая пылью дорог. Последний подобен заплатанному Моисееву облачению, а первый — Фараоновой бороды роскошному украшению.

*

Бедствию добрых людей в счастье перейти суждено, а счастью дурных — кануть на морское дно.

Скажи тому, кто властен и богат
И кто забыл про бедность и несчастье,

Что скоро он в обители иной
С богатством распрощается и властью.

*

Завистник обделен божьими благами и враждует с невинными людьми.

Я видел презренного раз человека,
Который вельможу порочил спесиво.

Сказал я: «Почтенный, когда ты несчастен»
То разве же в этом виновен счастливый?»

*

Завистнику ты не желай беды,
И так страдает без конца бедняк:

Зачем тебе с несчастным враждовать —
Ведь в сердце у него — страшнее враг.

*

Ученик без рвения, что без денег влюбленный, паломник, не знающий пути, сокол, крыльев лишенный. Ученый без трудов — персиковое дерево, плодами не отягощенное, а подвижник без знаний — без двери здание не освещенное.

*

Коран ниспослан с определенной целью, чтобы люди добрые нравы обретали, а не для того, чтобы они бессмысленно начертанные знаки читали.

*

Благочестивый простолюдин — пешеход, прошедший свой путь, а нерадивый ученый — всадник, на пути сумевший заснуть.

*

Грешник, воздевающий руки с покаянием, лучше богомольца, преисполнившегося дерзанием.

*

Лучше кроткий, сердечный бойцов предводитель,
Чем обидчик, суровый законов блюститель.

*

Одного человека спросили:
— На кого похож ученый без трудов?
— На пчелу без меда, — ответил он.

Скажи пчеле безжалостной и злой:
Ты меда не даешь, так хоть не жаль.

*

Мужчина без мужества — женщину напоминает собой, а жадный богомолец — что человек, совершающий разбой.

Одевший белые одежды, чтоб люди на тебя смотрели,
Хоть помыслов безбожно низких полна все время голова,—

Ты не тянись к мирской добыче, тогда совсем неважно будет,
Длинны ли, вовсе коротки ли твоей одежды рукава...

*

Сердца двух людей никогда не расстанутся с тоскою, и ноги их не освободятся от глины сожаления: купца, у которого разбился корабль, и наследника, связавшегося с нищими странниками.

Прольют дервиши кровь твою всегда,
Коль им добро отдать ты не готов;

Иль желтых ты рубашек избегай,
Иль все им отдавай без дальних слов.

С погонщиком слонов ты другом стал?
Готовь же в доме место для слонов!

*

Хоть и ценна одежда, подаренная царем, но свое изношенное платье еще ценнее; хотя и вкусны угощения вельмож, но кусок хлеба из своей котомки еще вкуснее.

Своим трудом добытый уксус и лук-порей ценней всегда,
Чем хлеб и жареный барашек, коль их подарит диххуда.

*

Противно разуму и мнению мудрецов принимать наугад лекарство и без каравана пускаться в путь в незнакомое царство.

*

Имама Муршида Мухаммеда Газзали— да помилует его Бог! — спросили:

— Каким образом, величавый старик, ты такого совершенства в науках достиг?

— Я не стыдился спрашивать обо всем, чего не знал! — отвечал он.

Тогда лишь можешь ждать выздоровленья,
Когда твой пульс врачу пощупать дашь, мой друг;

Не знаешь — спрашивай; унизишься немного,
Зато достигнешь так благих вершин наук.

*

Не спеши расспрашивать о том, что, как ты угадываешь, так или иначе станет тебе известно, ибо подобные расспросы уменьшат уважение к тебе.

Когда Лукман увидел, что Давид
Железо превращает в воск чудесно,

Он не спросил: «Как это сделал ты?» —
Он знал, что будет все и так известно.

*

Одно из необходимых правил общежития — или сам себе строй дом, или уживайся с домовладельцем, если живешь не в своем.

Всегда веди с людьми беседу, согласную с природой их,
Чтоб на тебя взирать без гнета, с душевной радостью могли.

Когда встречается с Меджнуном разумный, умудренный муж,
Один предмет для разговора он должен знать — его Лейли!

*

Всякий, кто общается с дурными, если даже их нравы не окажут на него воздействия, подвергнется подозрению в том, что совершает такие поступки, как и они; если он в развалины помолиться пойдет, на него скажут, что он вино там пьет.

Невеждой станешь, без сомненья,
С невеждами вступив в общенье.

Спросив совета мудрецов,
Я услыхал: «Не знай глупцов!»

От них ослом мудрейший будет,
Дурному — глупости прибудет.

*

Кротость верблюда, как известно, столь велика, что, если ребенок за повод его возьмет и сто фарсангов его проведет, верблюд не выйдет из повиновения.

Но если им встретится опасная пропасть, в которой они могут погибнуть; а ребенок по незнанию захочет пойти туда, тогда верблюд вырвет повод из его рук и не станет больше слушаться его, ибо, когда нужна твердость, кротость предосудительна: недаром говорят, что от твоей кротости враг другом не станет, а только еще больше набуянит.

Пред тем, кто с тобою любезен, ляг прахом покорным у ног,
Но если кто груб и бесстыден, брось горстью в глаза его

прах;

Не нужно быть кротким, смиренным, когда грубиян пред тобой:
Не счистишь ты ржи застарелой, когда лишь напильник в руках...

*

Кто прерывает речи других, чтобы показать высоту своих знаний, выказывает на деле глубину своего невежества.

Ни слова не промолвят мудрецы,
Пока никто не спрашивает их:

Непрошенный пусть правду говорит —
Его причтут к числу людей пустых.

*

У меня была на теле под одеждой рана, и мой шейх — да помилует его Бог! — каждый день справлялся:
— Ну, как твоя рана?
Но он не спрашивал:
— Где она находится?

Я понял, что он нарочно избегает этого, ибо по правилам приличия не все члены тела полагается упоминать. Недаром мудрецы говорят: «Кто не взвешивает своих речений, при ответе натерпится оскорблений!»

Пока не знаешь достоверно, что речь твоя — одна лишь правда,
Ты должен лишь хранить молчанье, не допуская лишних слов.

Пускай, сказавши слово правды, ты все ж останешься в оковах —
Но это лучше, чем неправдой найти спасенье от оков.

*

Кто болтает, лживые речи меча, он испытает как бы удар боевого меча: если даже рана заживет под конец, все равно останется рубец. После того как братья Иосифа — мир с ним! — были прозваны лжецами, им не доверяли, даже когда они говорили правду. И тогда им сказал Господь: «Быть может, страсти ваши толкают вас на это дело, но лучше воздержаться»[22].

Привыкший вечно говорить лишь правду,
Хоть ошибется — будет вмиг прощен;

А кто, прославлен ложью, скажет правду —
Доверья все равно не встретит он.

*

Высшее из созданий по облику — это человек, а низшее — собака, но по единодушному мнению мудрецов — благодарная собака лучше неблагодарного человека.

Хоть пса камнями закидаешь ты —
Но никогда он хлеб твой не забудет.

Не то подлец — ласкай его всю жизнь,
Из пустяка с тобой он драться будет...

*

Кто потакает страстям своим, тот для доблестей недостижим; а если доблести человек лишен, управлять людьми недостоин он.

Обжорливым волом не будь прельщен:
Он много ест, но спит все время он.

Пусть и упитан он порой изрядно,
Но груз чужой тащить едва ль отрадно...

*

В Евангелии сказано: «О Адамов сын, если дам тебе могущество, ты забудешь меня ради мирских благ, а если я сделаю тебя бедным, ты будешь сидеть в унынии. Но как же ты поймешь сладость молений, обращенных ко мне, и когда устремишься к поклонению мне?»

В благоденствии всегда
Ты беспечен, горд, кичлив,

А в несчастье предан ты
Грусти, горю и тревогам.

Если счастьем и бедой
Так бываешь поглощен,

То когда же будешь ты
Занят не собой, а Богом?

*

Неотвратимая вышняя воля одного с царского престола свергает, а другого в чреве рыбы оберегает.

Счастлив, чья душа все время лишь молитвой занята.
Пусть он даже оказался в чреве жадного кита.

*

Если бог меч гнева своего обнажит, пророк и раб пред ним задрожит; если он шевельнет бровью милости, то уравнит дурных с добрыми своей любовью.

В день Страшного суда, когда он гневно глянет.
Уместны ли самих пророков извиненья?

Но если только добр и милостив он будет,
То даже грешники тут вправе ждать прощенья.

*

Кто, несмотря на опыт, который ему довелось в здешнем мире приобрести, не пойдет по праведному пути, тот подвергнется мукам на том свете: «И мы заставим их испытать на этом свете легкие наказания, а затем тяжкие муки на том свете»

Великие потом к цепям прибегнут,
Сначала же оружье мощных — слово

Но если кто не слышит наставлений.
Они в оковы закуют такого.

*

Счастливцы берут пример с деяний и трудов своих предшественников, прежде чем их собственные поступки становятся примером для их потомков; зато вор не может удержать рук от кражи, пока ему их не укоротят.

Птица не приблизится к зерну,
Коль другую видит средь сетей;

Ты бери пример с чужой беды,
Чтобы быть примером для людей.

*

Как может слышать тот, у кого ухо желания создано тугим? Как не пойдет тот, кого аркан счастья тащит насильно к дням благим?

Как будто светлый, лучезарный день,
Сияет ночь господним всем друзьям;

Но счастье это силой не возьмешь.
Когда господь его не дарит нам.

*

На Тебя у кого бы суда мы просили?
Не найдешь справедливей на свете судьи;

И никто еще с силой такой не рождался.
Чтобы длани святые осилить Твои:

Тот, кого Ты ведешь, никогда не собьется
И с дороги Твоей не сойдет в забытьи.

Если ж сбил Ты кого-то с пути, на дорогу
Уж не выведут злого советы, ничьи.

*

Нищему, которому улыбнулось счастье, лучше, чем царю, которого постигло ненастье.

Горе, несущее радости свет,
Лучше веселья — предвестника бед.

*

С неба на землю благодатный дар льется, а с земли на небо пыль несется: «На каждом сосуде появляются капли того, что в нем содержится».

Если не в угоду тебе мой добрый нрав,
Все ж будь добронравным, презренье обуздав.

*

Бог Всеславный и Всевышний видит все, но все скрывает, а сосед ничего не видит ясно, но зато орет громогласно.

Если бы все ясновидцами были —
Зло не дай Бог нам увидеть такое, —

Все бы боялись злословия ближних,
Больше никто жить не мог бы в покое.

*

Золото из рудников кирками вырывают, а из рук скупого его деньги вместе с душой вырывают.

Низкий не ест, он всегда бережет:
«Лучше еды, — говорит он, — терпенье».

Скоро увидишь: врагам он помог,
Злато оставил и умер в презренье.

*

Кто не прощает зависящему от него, тот подвергнется насилию более могущественных, чем он.

Не всякий, кто силой похвастаться может,
Бессильного, дерзко напав, уничтожит.

Несешь ты обиду для бедных сердец,—
Сильнейший обидит тебя под конец.

*

Человек благоразумный бежит, отвратив свой взор, если видит, что возникает спор, а где видит мир, он бросает якорь, ибо там безопасность далека, а здесь течет удовольствий река.

*

Игроку нужны три шестерки, а ему выпадают три единицы.

Лучше ристалища луг или поле.
Жаль только, конь не гуляет по воле.

*

Один дервиш во время тайной молитвы говорил:

— Господи, будь милостив к дурным, а к добрым ты милостив уже тем, что сотворил их добрыми!

*

Первый человек, который стал носить знаки царского достоинства на одежде и перстень на пальце, был Джамшид. Его спросили:

— Почему ты отдал левой руке все украшения, ведь превосходство принадлежит правой, без сомнения!

— Правая рука достаточно украшена тем, что она правая, — отвечал он.

Велел художникам китайским Фаридун,
Чтоб вышили они на пологе владыки:

«Ты добрым будь к дурным, благоразумный муж,
Ведь добрые и так счастливы и велики».

*

Некоего мудреца спросили:

— Правая рука обладает столькими достоинствами, почему же перстень носят на пальце левой руки?

— Разве ты не знаешь, — отвечал он, — что люди достойные всегда бывают обездолены.

Тот, кто придумал счастье и создал хлеб насущный,
Одним дарует доблесть, другим дарит удачу.

*

Тому подобает наставлять царей, кто не боится лишиться головы своей и не ждет от царя золота.

Хоть золотом его, о друг, осыплешь ты кругом,
Или взмахнешь над головой отточенным мечом —

Кто верен, помощи не ждет и не боится злого:
Вот в этом — более ни в чем — религии основа.

*

Царь существует для того, чтобы людей от угнетателей защищать, шихна — чтобы разбойников укрощать, а судья — чтобы между мошенниками споры прекращать; никогда два противника, любящие истину, не пойдут к судье.

Когда тебе известно точно, что вышло время долг отдать,
Отдай скорей по доброй воле, иль заберут твой долг насильно;

Когда харадж ты не уплатишь, тебя заставят заплатить,

К тому ж военные издержки придется возместить обильно.

Всем людям набивает оскомину кислое, а судье — избыток сладкого.

Судья тогда тебе присудит со сладкой дыней огород,
Когда он взятку огурцами с тебя заранее возьмет.

*

Что остается делать блуднице, когда она постарела, и шихне, когда его отставили от дела? Она раскаивается в распутстве, а он — в насилиях.

Коль юноша стал углоседом — он Божий муж, ему хвала,
Но углосед-старик не диво: ему ль подняться из угла?

*

Пусть юноша стремится все страсти побороть,
У старца вожделенья не знает больше плоть.

*

Спросили некоего мудреца:

— Господь Всеславный и Всемогущий сотворил множество прекрасных плодовых деревьев, но почему же ни одного дерева не называют благородным, кроме кипариса, который даже не приносит плодов? Не скажешь ли, что за мудрость скрывается в этом?

— Каждое дерево, — отвечал мудрец,— только при определенных условиях и в известное время зеленеть станет, а в других условиях и в другое время оно вянет. А кипарис ни от чего не завянет, он всегда свеж, а это и есть признак благородных.

Не отдавай преходящему сердца — и после халифов
Долго в Багдаде еще будет Тигр протекать полноводный;

Если ты можешь, будь щедрым, — как пальма, усыпан плодами;
Если не можешь, возьми в образец кипарис благородный.

*

Два рода людей, умирая, испускают вздохи, считая, что дела их плохи: первый — тот, кто имея что есть, не ел, и второй — тот, кто, обладая знаниями, не совершил никаких дел.

Кто видит образованного скрягу,
К нему уже не может скрыть презренья;

А щедрый человек пусть многогрешен —
Но щедрость покрывает прегрешенья.

*

Завершилась книга «Розовый сад», и помог мне в этом Бог. Благодаря содействию Создателя — славно Его имя! — не заимствовал я, по обычаю писателей, ничего из стихов предшественников для украшения этого сборника.

Лучше старое рубище буду латать я —
Но зачем напрокат брать мне новое платье?

Речи Саади большей частью возбуждают веселье у всех и вызывают добрый смех: поэтому люди близорукие распускают свои злые языки, утверждая, что не дело благоразумных людей утомлять бесполезно мозг и голову и попусту глотать дым свечей — ведь этому равносильно чтение подобных речей. Однако пусть не останется скрытым от светлых взоров благочестивых мужей, к которым и обращена эта книга, что в ней жемчуг спасительных увещаний нанизан на нитку хорошего слога, а горькое снадобье наставлений правдивых приправлено медом замечаний шутливых, чтобы это снадобье, обладающее горькой природой, все же удостоилось счастья быть принятым читателем.

Мы дали назиданье, что ум наш занимало,
И дней на сочиненье затратили немало.

Не захотят, быть может, полезной книгу счесть —
Но долг посланца ясен: вручить он должен весть.

Читатель! Попроси же прощенья мне у Бога
И сам суди о книге моей не слишком строго.

Коль что тебе полезно, бери себе, владей,
И о писце ты тоже молитвы не жалей!

ПРИМЕЧАНИЯ

Абдулькадир Гилянский — знаменитый мистик, суфийский шейх, проповедник, автор многочисленных трудов по суфизму, основатель дервишеского ордена Кадырия. Умер в 1166 году. Был учителем учителей Саади.

Абульфарадж Ибнальджузи — учитель Саади в Багдаде.

Абульфаварис — ироническое прозвище осла.

Абубекр, сын Абинасра — советник, министр правителя Фарса Абубекра, сына Саада Занги.

Абу-Хурейра — один из сподвижников Мухаммеда. «Абу-Хурейра» буквально обозначает «отец кошки». По преданию, у него была красивая кошка, с которой он не расставался.

Агуш — типичное имя тюркского раба у мусульман.

Азар — по Корану, отец пророка Авраама (Ибрахима), был скульптором и делал прекрасные идолы из мрамора, которым и поклонялся. Приведенные слова он говорит Аврааму (Коран, 19, 47), когда тот уговаривает его отказаться от идолопоклонничества.

По преданию, Азар был приближенным легендарного тирана Немрода, который ввергнул в огненную печь пророка Авраама. За это он был жестоко наказан богом; по божественной воле комар проник через ухо в его мозг, и он умер в мучениях.

Айван — портик, терраса.

Александрия — город в Египте,, основанный, Александром Македонским.

Алеппо — город в Сирии.

Али — двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, сын Абу-Талиба; он одним из первых последовал учению Мухаммеда, после смерти которого впоследствии был халифом — четвертым, после Абубекра (632—634), Омара (634—644) и Османа (644—656). Был убит в городе Куфе в 661 году. Сторонниками шиизма, одной из двух главных форм ислама, Али признан святым. Первых трех халифов шииты не признают и считают узурпаторами.

Меч Али — по-арабски называется «Зульфикар» (буквально: «рассекающий спинные позвонки»)—был подарен Али самим Мухаммедом. Мухаммед отнял этот меч во время битвы в местечке Бедр у язычника араба Аса ибн Мунаббиха.

Потомки Али носили длинные локоны.

Аман — по корану — вазир, министр египетского царя Фараона, который преследовал Моисея и, как сам Фараон, был богатым, надменным и безбожником.

Амр и Зейд — самые распространенные имена у арабов, обычно приводимые в грамматических примерах.

Амр ибн Лейс — один из царей из династии Саффаридов. После смерти своего брата Якуба в 878 году Амр ибн Лейс был признан халифом Альму-тамид-Биллахом правителем Хорасана, Сейстана и Фарса. Правил он двадцать два года. В 899 году был разбит Саманидами, взят в плен и отправлен в Багдад, где и умер в темнице халифа.

Анвари — знаменитый персидский поэт-панегирист (умер в конце XII века). Полное имя его — Авхададдин Али ибн Исхак Анвари Абиверди. Учился он в Тусе, затем попал во дворец сельджукского султана Санджара (умер в 1157 г.), затем покинул дворец, вел уединенный образ жизни и осуждал себя за то, что писал панегирики. Стихи Анвари вычурны и отличаются большим техническим мастерством.

Ануширван — иначе Нуширван, или Нушинра-ван (буквально: «бессмертная душа») — один из наиболее могущественных царей Ирана из династии Сасанидов (531—579). В годы правления его отца Кавада выступил Маздак, руководитель народного восстания, который проповедовал общность имущества и равенство людей. Восстание Маздака было подавлено Ануширваном, и все участники его казнены. За это зороастрийские жрецы и впоследствии мусульманское духовенство присвоили ему прозвище «Справедливый».

Ардашир Бабакан — основатель династии Сасанидов в Иране (226—241).

Арслан — типичное тюркское имя.

Атабек — «регент», титул правителей области Фарс.

Аяз — любимый раб Махмуда Газнийского.

Баальбек — город в Сирии.

Багдад — город в Ираке, несколько веков был столицей Аббасидского халифата и крупнейшим центром культуры. В Багдаде учился Саади.

Балх — один из крупнейших городов в Хорасане. В XIII веке во время монгольского нашествия был разрушен. Ныне небольшой городок в северной части Афганистана.

Бамьян — город на территории современного Афганистана.

Барабан отправления.
...уйти, не сделав дела, — это стыд!
Не взвален вьюк, хоть барабан гремит!
Буквально в оригинале сказано:
Стыдно тему, кто ушел (из этого мира) и (добрых) дел не совершил,
Ударили в барабан отправления, а он не навьючил никакой грузи.

По учению ислама, все мусульмане должны совершать добрые дела, выполняя определенные предписания шариата — мусульманского закона, то есть заниматься благотворительностью, помогать своему ближнему и т. д.

Когда люди умирают, они с собой берут на тот свет все свои грехи и добрые дела. Барабан отправления — приближения смерти, предсмертный час.

Барбат — музыкальный инструмент.

Бармы — украшение облачения царей.

Бахрам-Гур — иранский царь из династии Сасанидов Бахрам V (421—438). Легенды о Бахраме рассказаны у Фирдоуси в его «Шах-наме», у Низами в поэме «Семь красавиц» и v многих других поэтов.

Вторая часть имени «Гур» — значит «онагр», дикий осел. Бахрам любил охотиться на онагров, за что ему и присвоили эту кличку.

«Гур» одновременно обозначает и «могилу», в сорок восьмом рассказе второй главы и в других местах поэт обыгрывает это слово.

Башиз — мелкая монета.

Бейлаканская земля — Белокан, город в Азербайджане.

Бейт — двустишие.

Бени-Хилал — одно из арабских племен и его становище.

Басра — город в Месопотамии (ныне — в Ираке). По преданию, город основан первым халифом Абубекром (632—634). Во времена Саади был одним из крупнейших городов на Среднем Востоке.

Вазир — первый советник, министр у восточных мусульманских царей.

Вакф, или вакуф — пожертвование или завещание на богоугодное дело. Управление распределением вакфа находится в руках

своеобразных благотворительных обществ.

Васит — город в арабском Ираке между Куфой и Басрой, поэтому он назван «Васит» — «середина».

Гален (Джалинус) — знаменитый римский врач и естествоиспытатель, творчество которого оказало громадное влияние на развитие средневековой медицины. Родился в Пергаме около 130 года и умер около 200 года. На востоке Гален пользовался исключительной популярностью. Он является также автором многочисленных трудов по логике, философии и т. д.

Гарун-ар-Рашид — один из известных арабских халифов из династии Аббасидов, прославленный сказками «Тысячи одной ночи». Во времена Гарун-ар-Рашида могущество аббасидского халифата достигло своего апогея. Он правил с 786 по 809 год.

Гебры — огнепоклонники, последователи зороастризма — религии древних иранских народов. Основателем этой религии считается Зороастр (Зардушт, Заратустра). Основные положения этой религии — борьба добра и зла и культ огня. Гебры с точки зрения ислама — неверные.

По учению ортодоксального ислама, все люди, кроме мусульман, то есть те, кто исповедует другую религию, и особенно огнепоклонники, являются врагами Аллаха.

Гулам — раб, слуга. Может употребляться и в значении воина-телохранителя.

Гурия — райская дева, красавица.

Гяур — «неверный», то есть немусульманин.

Давид (Дауд) — царь Израиля и Иудеи (X век до н. э.), отец Соломона. В Библии и Коране — один из святых пророков. По легенде, он был мудрецом, железо по велению Бога в его руках

делалось как воск; он впервые начал делать кольчугу. Обладал дивным голосом, который поражал даже животных и птиц.

Дадджал — антимухаммед, мусульманский антихрист, который, по поверью, явится на своем осле перед кончиной мира.

Дамаск — один из крупнейших городов Сирии.

Дамьеттская ткань — ткань, славившаяся в свое время на всем Востоке и производившаяся в городе Дамьетте, в Египте.

Дервиш — 1) бедный, бедняк, нищий, бродяга; 2) мусульманский странствующий монах* сочетающий в себе суровый аскетизм и мистическое познание. На Востоке существовали многочисленные дервишские ордена, по сути дела мало чем отличавшиеся друг от друга. Дервишизм на Востоке возник в конце VIII — начале IX века и особенно распространился в X и последующих веках. Дервишизм первоначально возник как своеобразный протест против ортодоксального ислама и, таким образом, против тогдашней действительности. Основным девизом дервишей было: умерщвление своей плоти, очищение своей души и при помощи этого познание бога, слияние с ним.

Впоследствии дервишизм выродился и многие дервиши превратились в обыкновенных попрошаек.

Дехканин — крестьянин, земледелец.

Джамшид — один из первых мифических царей Ирана, жизнь и деяния которого подробно описаны в «Шах-наме» Фирдоуси. В его царствование, которое длилось семьсот лет, страна благоденствовала. У него была чудесная чаша, которая отражала все происходящее в мире. По преданию, знаки царского достоинства были введены впервые им.

Джелалова эра — старый иранский солнечный календарь, составленный в XI веке в Исфаганской обсерватории группой ученых-астрономов под руководством знаменитого поэта и ученого Омара

Хайяма. Этот календарь был посвящен сельджукскому султану Джелалледдину Мелик-шаху (1070—1092), по имени которого было названо и летоисчисление.

Диван—1) сборник стихов; 2) государственная канцелярия.

Динар — золотая монета (римск.: денарий).

Дирхем—1) греческая драхма, монета; 2) мера веса от трех до двенадцати граммов.

Диххуда — староста деревни.

Диярбекир — город в Месопотамии.

Дэв (див)—злой дух.

Египетское царство. — Так называют мусульмане античное египетское государство, жители которого с точки зрения мусульманской религии были неверными — язычниками и т. д.

В рассказе тридцать девятом: «...назло нечестивому царю, который, гордясь, притязал на божественность...» поэт имеет в виду мифического египетского царя с собственным именем «Фараон», с которым связано много легенд. По Корану, когда Моисей начал свою миссию в Египте, Фараон объявил его лжецом и изгнал вместе с братом. Братья бежали на корабле в Ханаанскую землю. После того как Моисей был признан всеми пророком, Фараон, полагаясь на свое могущество и богатство, объявил Моисею войну, считая его лжецом, и возомнил себя богом. Он приказал своему министру Аману построить дворец, который мог бы достичь стран неба, «чтобы я поднялся до Господа Моисея, ибо я считаю его лжецом» (коран, 40, 38)[23]. Бог наказал его за это и утопил в море.

Замахшари — известный арабский филолог, автор многочисленных трудов по арабскому языку (XII век).

Заузан — провинция в Хорасане.

Заххак — см. Фаридун.

Зейнаб — одна из четырех жен пророка Мухаммеда.

Зекат — налог, взимавшийся с движимого имущества в пользу бедных.

Зулмат — легендарное царство тьмы, в котором таится источник «воды жизни».

Зуннун — прозвище известного египетского мистика и отшельника. Зуннун — буквально значит: «Господин рыбы». По преданию, однажды он путешествовал на корабле. Случайно один из путников потерял жемчуг, и все заподозрили Зуннуна, которого до того звали Саабаном. Тогда он начал молиться богу, по велению которого из моря вышла рыба с жемчугом во рту. После этого он и был прозван Зуннуном.

Иззаддовле — мечеть на окраине Шираза.

Иона (Юнис). — Ислам причисляет Иону к числу пророков бывших до Мухаммеда. Иона, сын Матея из рода Вениамина, по коранической легенде, заимствованной из Библии, был одним из посланников Божьих. Он был в числе путников на корабле, который стал тонуть, и был выброшен в море. Его проглотила рыба. Он и в чреве рыбы возносил хвалы Богу, спасся и был выброшен на пустынный морской берег.

Иосиф — см. Юсуф.

Иса — Иисус Христос. Осел Исы — осел, на котором, по легенде Иисус въехал в Иерусалим.

Искандер — Александр Македонский, покоривший весь Восток до Китая. Мусульмане причисляют его к числу пророков. Александр Македонский на мусульманском Востоке считается символом

мудрости, справедливости. О нем написано много поэм, в которых он изображается примерным царем, ставящим интересы подданных выше своих личных выгод.

Ислам — мусульманская религия; основан пророком Мухаммедом в VII веке.

Истахр — древний Персеполь, один из древнейших городов Ирана.

Йемен — страна в южной части Аравийского полуострова. Ныне суверенное государство. Издавна Йемен славился своими первоклассными тканями и сафьяном отличного качества. (См. Сухейль.)

Кааба — мечеть с священным камнем в Мекке, которая является главной святыней мусульман. Паломничество, так называемый хадж, в Мекку в определенное время года и совершение там соответствующих религиозных обрядов считается одной из религиозных обязанностей всех мусульман, достигших совершеннолетия. Однако совершить паломничество в Мекку к Каабе удавалось не всем мусульманам, ибо для этого требовались определенные материальные средства.

Каба — восточная одежда, нарядный кафтан.

Кади — духовный судья.

Каландар — странствующий дервиш, бродячий аскет.

Карун — библейский Корей. По легенде, он обладал несметными богатствами, золотым дворцом. Но он был надменен и жесток. Жил он чрезвычайно роскошно, ездил на белом муле, одевался в пурпур, его сопровождали четыре тысячи всадников.

«Но он поступал несправедливо по отношению к своим согражданам». «Сограждане говорили ему: не чванься своими сокровищами, ибо Господь не любит людей хвастливых. Постарайся добиться при помощи тех благ, которые тебе даровал Господь, чтобы

тебе было назначено место в ином мире; не забывай доли своей в этом мире и оказывай благодеяния другим, так же как Господь оказал их тебе на земле, ибо Господь не любит предающихся излишествам». На это Карун ответил: «Все, чем я обладаю, я получил исключительно только в силу того знания, которое принадлежит мне одному». По мнению комментаторов, Карун знал тайну алхимии. Моисей обратился к Богу и попросил освободить его народ от Каруна. По повелению Бога Моисей приказал земле поглотить Каруна вместе с его сокровищами, золотыми дворцами и людьми. Как гласит предание, когда земля поглотила Каруна до колен, а затем и до пояса, Карун кричал Моисею и молил его о помиловании, но Моисей оставался неумолим (Коран, XXVIII).

Касыда — хвалебное стихотворение, ода, панегирик.

Кашгар — крупный город в Восточном Туркестане (Китай).

Кебаб — жаркое, шашлык.

Кей-Хосров — мифический могущественный царь древнего Ирана. .

Китайские узоры. —

Если книгу удостоит царским взором он,
То китайские узоры расцветут по ней.

В оригинале буквально сказано:

Если его царская благосклонность украсит ее (книгу),
То она станет словно китайская картинная галерея и картины Эрженга.

Китайские художники на Востоке пользовались исключительной популярностью; китайские картины считались непревзойденными шедеврами искусства.

«Картины Эрженга». — «Эрженг» — священная книга манихейцев — якобы была украшена изумительными картинами и миниатюрами. Автором этой книги считается основатель манихейской религии Мани (казнен в 244 году, а по другим данным — в 275 году). Религия, основанная Мани, представляла эклектическое соединение христианских, зороастрийских и ряда других верований и была распространена в Иране, Средней Азии. Мусульманский мир считал Мани искусным китайским художником, творившим чудеса.

По некоторым данным, подобное представление о Мани связано с тем, что манихейские храмы, как и христианские, украшались великолепной живописью.

Киш — остров в Персидском заливе.

Колоквинт — растение с горькими плодами. Его обмытые семена употребляются в пищу.

Коран — священная книга мусульман, ниспосланная якобы Мухаммеду Богом через посредство архангела Гавриила. Коран состоит из ста четырнадцати глав (по-арабски сур), данных якобы Мухаммеду в качестве откровения Аллахом. Каждая сура в свою очередь состоит из нескольких стихов (аятов).

Кураза — мелкая монета.

Куфа — город в Месопотамии, основанный в VII веке нашей эры. Во времена халифов из династии Омейядов (661—749) и до X века Куфа была одним из крупнейших культурных центров на мусульманском Востоке. Ныне Куфа — небольшая деревня.

Куфта — блюдо из рубленого мяса.

Кыбла — направление на город Мекку, сторона, в которую обращают свое лицо мусульмане при молитве.

Лейли — героиня арабской легенды, девушка, в которую был влюблен Меджнун. Трагическая любовь Лейли и Меджнуна воспета

многими восточными поэтами.

Лот — один из пророков, бывших до Мухаммеда, друг и сподвижник Авраама. Он якобы жил и проповедовал в Сирии в одном из пяти городов, стертых с лица земли по воле Аллаха. Сограждане Лота предавались постыдным порокам и разврату. Лот, посланный Богом, наставлял их на путь праведный, проповедовал единобожие и т. д. Однако жители города не послушались его, не вняли его наставлениям и продолжали предаваться разврату. Жена Лота была на их стороне. Тогда он обратился к Аллаху, который отправил ангелов наказать их и спасти Лота вместе с семьей. Ангелы спасли Лота, а жену его обратили в соляной столб за то, что она оглянулась на Содом и Гоморру, которые были осыпаны градом камней и уничтожены. «Жена Лота» — стало нарицательным именем для порочных людей из хорошей семьи.

В двустишии —

Супруга Лота сблизилась с дурными,

И сгинуть племени его пришлось — поэт намекает на вышеизложенную легенду.

Лукман — у арабов и некоторых других народов считается одним из самых мудрых людей, когда-либо бывших на земле. В Коране неоднократно говорится о нем. По мнению группы мусульманских схоластов, Лукман был сыном Баура, сына Иова. Он якобы прожил тысячу лет, дождался эпохи Давида и у него научился мудрости. Но еще до эпохи Давида он был известен своею мудростью и давал советы по праву. По легенде, Бог предложил ему выбрать пророческую миссию или мудрость. Он предпочел последнюю. Лукмана изображают исключительно скромным, учтивым, почтительным, но и наблюдательным. Одно из преданий (Коран, XXI, 80; XXXVI, 10) гласит, что однажды Лукман увидел, как Давид работает над кольчугой, хотел спросить его, как он делает, но промолчал, ибо он был уверен, что и без того узнает тайну этого искусства. Действительно, вскоре он узнал, что в руках царя Давида Бог делает железо мягким, словно воск. На арабском языке имеется сборник басен, приписываемый Лукману. На основании этих басен некоторые исследователи склонны видеть в нем Эзопа. По утверждению

некоторых арабских схоластов, Лукман был черным, с толстыми губами и происходил из Египта, где находился в рабстве. По другому утверждению, он был портным или сапожником.

Нередко высокопоставленные особы подсмеивались над его внешностью. Лукман, по своему обычаю, отвечал им спокойно, с сознанием своего достоинства: «Хотя у меня черное лицо, зато белое сердце; хотя у меня толстые губы, но зато они произносят мудрые, искусные слова». У него был якобы сын по имени Анаам. Это дает исследователям некоторое основание для отождествления Лукмана с Эзопом, сына которого звали Аннусом.

«Подумай о выходе, прежде чем входить» — арабская пословица, приписываемая Лукману.

Магриб (буквально: «закат»). — Под Магрибом восточные мусульманские народы подразумевали западную часть халифата, то есть начиная от северного побережья Африки и вплоть до Испании. Здесь имеется в виду Северная Африка.

Малатья (Мелитан) — город в Малой Азии. В времена Саади входил в состав Византии.

Ман — мера веса, от двух до пяти килограммов.

Мардашт — городок в Африке.

Махмуд, сын Сабуктегина — султан, самый видный и выдающийся представитель династии Газневидов (названной по имени столицы их царства города Газна, или Газнин, ныне находящегося на территории Афганистана).

Газневидское государство было основано тюркским рабом, воспитанником Саманидов Алптегином. Долгие годы прослужив у Саманидов, он был назначен наместником Хорасана. После смерти Саманидского правителя Нуха, сына Насра (умер в 954 году), между Алптегином и его наследником возникли разногласия. Алптегин со своей тюркской гвардией после долгих битв и сражений перебрался в Газну и основал там Газневидское государство. Через четырнадцать лет после его смерти его любимый тюркский раб Себуктегин в 977

году стал главою этого государства. В 997 году ему наследовал его сын, бывший ранее правителем Хорасана, Махмуд (997—1030). В годы его правления Газневидское государство расширилось. Махмуд покорил почти весь Иран и большую часть Средней Азии. Он неоднократно совершал грабительские походы в Индию и отличался жадностью и жестокостью.

Машшата — женщина, наряжающая и причесывающая девушек и невест.

Меджнун — герой множества восточных произведений; арабский юноша, сошедший с ума от любви к Лейли.

Медресе — высшее духовное училище в восточных странах.

Мекка — священный город у мусульман в Аравии, где находится Кааба, куда совершают паломничества.

Мимбар — кафедра в мечети.

Миср — Египет.

Музаффараддин — прозвище правителей Фарса из рода Салгаридов; буквально — «победитель веры». В «Гулистане» Саади упоминает следующих правителей Музаффараддиов:

1. Музаффараддин Саад, сын Занги (умер в 1226 году).

2. Музаффараддин Абубекр, сын Саада, сына Занги (1226—1258). Благодаря мудрой политике Абубекра Фарс спасся от монгольского погрома. Он выплатил монголам большую сумму золота, и монголы оставили правителей Фарса в покое. Саади за это неоднократно превозносил Абубекра в своих касыдах и считал его примером справедливого и мудрого царя. В XIII веке, после нашествия монголов, Фарс с его столицей Ширазом оставался единственным безопасным местом, куда стекались ремесленники, ученые, поэты и т. д. с разгромленных монголами мест.

3. Музаффараддин Саад, сын Абубекра, сына Саада, сына Занги, которому и посвящен «Гулистан» и с именем которого связано

прозвище Саади, умер в юношеском возрасте от какой-то болезни и правил всего двенадцать дней.

Мурдад — месяц иранского солнечного года (21 июля — 21 августа).

Муршид — духовный руководитель, суфийский шейх.

Мухаммед (Магомет) — основатель мусульманской религии, пророк.

Благ совершитель, победитель,
Сана признаков носитель.

По преданию, «на облике Мухаммеда была печать пророчества». Такой печатью, которую якобы имел Мухаммед, подобно другим посланникам аллаха, бывшим до Мухаммеда, был особый знак у него на спине между плечами. Поэт в этом стихе имеет в виду этот знак, считающийся печатью пророческой миссии.

Достиг вершин он совершенства,
Он мрак рассеял красотой.

По преданию, Мухаммед отличался необыкновенной выразительной внешностью, которая поражала всех. В его облике все видели пророческую миссию. Намекая на это, поэт хочет сказать, что он своим пророчеством избавил людей от мрака невежества, в котором они пребывали до его появления.

Мухаммед Газзали — знаменитый суфийский шейх, проповедник, автор многочисленных трудов (умер в 1111 году). Учился в Багдаде, там же преподавал, затем покинул Багдад и совершил много путешествий. В конце жизни вел уединенный образ жизни. Мухаммед Газзали вел непримиримую борьбу против материалистических взглядов Авиценны. Он боролся также против крайных суфийских течений, направленных против ислама. Газзали проповедовал суфизм,

не выходивший за рамки правоверного ислама. Он ввел этот суфизм в официальный ислам, лишив его, таким образом, анти-исламской и антифеодальной направленности.

Мухаммед Хорезм-шах — царь Хорезма, области в Средней Азии, современник Чингис-Хана, впоследствии (1220) разгромленный им. Умер от голода на одном из островов Каспийского моря

Мухтасиб — надзиратель за нравственностью в городе.

Муэдзин (Муэззин) — духовное лицо, призывающее мусульман к молитве.

Намаз — ритуальная мусульманская молитва.

Нимруз — государство в Малой Азии.

Новруз (Новый год) — первый день весны, 21 марта. Новогодний праздник у некоторых мусульманских народов. Этот праздник справлялся еще в древнем Иране в день весеннего равноденствия.

Ной (Нух) — по Корану, один из пророков, бывших до Мухаммеда. По Библии — десятый и последний из допотопных патриархов, проживший несколько эпох.

Зачем морских бояться волн, когда сам
Ной корабль ведет.

Поэт намекает на известную кораническую легенду, заимствованную из Библии.

По этой легенде, Аллах послал Ноя, чтобы он наставлял людей на «путь истинный», то есть проповедовал идолопоклонникам исламский монотеизм. Однако «вожди их, неверующие, сказали: он такой же человек, как и мы, но ему хочется отличаться от нас...» Тогда Ной обратился к Аллаху за помощью, и он дал Ною откровение, говоря ему: «...построй ковчег, под наблюдением нашим и сообразно нашему откровению, и как только будет произнесен приговор, взойди в ковчег этот и возьми с собой по паре от каждого рода животных, а также семью свою, за исключением того лица, относительно которого

предварительно было дано приказание наше; и не заступайся за негодных людей, ибо они будут поглощены волнами». (Коран, XXIII, 26 и след.)

Во время этого всемирного потопа внук Ноя, сын

Хама, Ханаан, отличавшийся дурным нравом, не послушался отца, не вошел в ковчег, взобрался на гору, но ему не удалось спастись, и он погиб.

Поэт часто намекает на эту легенду.

Рамазан — месяц мусульманского лунного года. В рамазане мусульмане постились ежедневно от восхода до захода солнца.

Рум — Византия.

Рустам — легендарный герой иранских народов. Рустам, сын Заля, сына Сама, является главным героем эпопеи Фирдоуси «Шах-наме», где подробно описываются его жизнь и подвиги. Рустам является также нарицательным именем, обозначающим: богатырь, силач, герой.

Саад — см. Музаффараддин.

Сабур — душистая трава с горьким вкусом, алоэ.

Салех — один из пророков, бывших, по мусульманскому преданию, до Мухаммеда. По Корану, Аллах послал Салеха к фемудянам, чтобы он наставлял их на путь праведный. Они же не послушались его и ответили: «Ты воистину бесноватый, ты ведь такой же человек, как и мы: покажи нам знамение, если ты говоришь правду».

Он в качестве знамения избрал верблюдицу и сказал своим согражданам: «Пусть один день ей будет назначена ее порция воды, а другой — вам ваша. Не причиняйте ей никакого зла, ибо вы испытали бы за это наказание великого дня». Эта верблюдица выпивала в источнике всю воду, которая набиралась за день, и фемудяне могли пить воду только на другой день. «Они убили ее, но уже на следующий день раскаялись. Наказание постигло их». (Коран, XXVI, 142—159.)

В последнем рассказе седьмой главы поэт имеет в виду описанную верблюдицу, которая считается святой.

Санджария — мечеть в городе Санджар, в Месопотамии. Город основан сельджукским шахом Сандждром в XII веке.

Сарханг — военачальник, полководец.

Сахбан Ваил — знаменитый арабский оратор, красноречие которого вошло в поговорку. Жил в VII веке.

Сахибдиван — буквально: «глава царской канцелярии». Титул вазира и советника монгольского хана в Иране Абака Хаджи Шамседдина Джувейни, современника Саади. Как говорит об этом и ряд других указаний самого Саади, он был с ним в близких отношениях, посвятил ему несколько касыд — хвалебных од. Сахибдиван Шамсаддин Джувейни был одним из первых покровителей Саади.

Сахр — имя дьявола. По легенде, у легендарного царя Соломона, которого ислам причисляет к числу пророков, бывших до Мухаммеда, был перстень, на котором было начертано имя Бога. Благодаря этому перстню все живые существа и духи подчинялись Соломону и все, что бы он ни желал, исполнялось. Однажды Сахр, который служит символом безобразной внешности и уродства, украл у Соломона его перстень и таким образом захватил его царство на несколько дней.

Свободный — по мусульманской терминологии означает «свободный от мирских уз», «святой», «благородный».

Семь отроков (буквально: «друзья пещеры») — по христианской легенде, заимствованной Кораном, семь отроков — сыновья знатного эфесского вельможи, жившего в царствование императора Деция, — отказались от религии своих сограждан — идолопоклонничества. За это они держали ответ перед императором. Но им удалось скрыться и избежать казни. Они удалились в пещеру, где провели долгие годы во сне.

Когда семь отроков покинули своих сограждан, за ними последовала и их собака, которая верно служила им, охраняя «в течение триста девяти лет» вход в пещеру. В результате совместной жизни с этими «юношами — друзьями по пещере» собака якобы научилась говорить и овладела даром речи. (Коран, XXII.) Эта кораническая легенда о собаке и семи отроках вошла в поговорку.

В стихах:

Но человеком стал в пещере живший
Средь отроков правдолюбивых —

Саади намекает на эту кораническую легенду.

Серендиб — остров Цейлон.

Сулейман — библейский царь Соломон. По легенде. он властвовал не только над людьми. Ему покорялись и птицы, и животные, и духи, которые носили его на ковре-самолете по обширному его царству. У него был перстень, на котором было написано имя Аллаха, и благодаря этому перстню он достиг невиданного могущества. По представлению некоторых классических арабских и персидских авторов, область Фарс была центральной частью царства Соломона. Титул «преемник Сулеймана» прилагается к именам всех правителей Фарса.

Сура — глава Корана.

Суфизм — мистико-пантеистическое учение, возникшее в IX веке как своеобразный протест против ортодоксального ислама и тогдашней феодальной действительности. Суфии, обожествлявшие природу и ее явления, стремились постичь божественную сущность и слиться с Богом путем внутреннего очищения и самоусовершенствования. Они отрицали богатство и власть, требовали равенства между людьми, отрицали социальное деление между ними, ибо, по их мнению, каждый человек является носителем частицы

божественной субстанции. Многие антифеодальные движения протекали под лозунгом суфийского учения.

Многие великие персидские и таджикские поэты были суфиями. Следует отметить, что в суфийской литературе была выработана особая символика с использованием образов плотской любви. Например, «влюбленный» у суфиев означал человека, стремящегося к единению с возлюбленной — Богом. Эта двусмысленность терминологии давала возможность многим поэтам проповедовать идеи, несовместимые с исламом.

В дальнейшем суфизм распался на несколько течений. Часть этих течений со временем стала рупором для проповеди идей, угодных господствующему классу. Эти суфийские шейхи-шарлатаны, проповедовавшие непротивление злу, безропотность, обманывали доверчивые народные массы, обирали их и служили орудием в руках власть имущих для одурманивания угнетенных людей.

В двадцать четвертом рассказе второй главы, а также и в других рассказах Саади с поразительной меткостью определяет сущность подобных суфиев.

Сухейль — звезда Канопус, главная звезда созвездия Корабль Арго; по представлению мусульманских астрономов, Сухейль восходит в Йемене, и благодаря его воздействию в Йемене вырабатывается лучший сорт сафьяна.

Тамуз — восьмой месяц сирийского солнечного календаря, самый жаркий месяц (июль).

Тарикат (буквально: «путь») — одно из названий суфизма.

Татары — монголы, которые после монгольского нашествия в мусульманских странах считались людоедами.

Татарское нашествие.— Так называли в Иране монгольское нашествие под водительством Чингис-хана, которое началось в 1220 году.

Тора (евр.: «учение», «закон») — у евреев закон Моисея и пятикнижие, содержащее в себе этот закон.

Триполи — город в Сирии, столица графства, основанного крестоносцами.

Тур — Синай, горная гряда полуострова, образуемого заливами Суэцким и Акаба. Эта гора считается священной потому, что, по легенде, там скрывались пророк Моисей во время богоявления и пророк Илья во время преследования.

Угульмуш — один из потомков азербайджанских атабеков Ильдигизидов, который впоследствии отложился от них (XIII век).

Урди-Бихишт — месяц старого солнечного иранского календаря, продолжающийся с 21 апреля по 21 мая.

Фараон — см. Египетское царство.

Фаридун — мифический царь древнего Ирана, один из главных героев «Шах-наме» Фирдоуси. Престол предков Фаридуна был отнят узурпатором и тираном Заххаком, из плечей которого росли две змеи, питавшиеся мозгом людей. Заххак каждый день убивал двух человек для кормления этих змей. Народ под руководством кузнеца Кавы поднял восстание против Заххака, заковал его в цепи и вернул престол Фаридуну, который правил справедливо. Фаридун хотел разделить свое царство между своими сыновьями Ираджем, Салмом и Туром. Но между братьями возникли распри. Был убит Ирадж, после чего началась война между Ираном и Тураном, которая продолжалась долгие годы.

Фарраш — слуга, расстилающий ковры.

Фарс — область на юге Ирана, на берегу Персидского залива. Во времена Саади Фарс был обширной областью, которой подчинялась и большая часть Ирана — персидский Ирак, а также Ирак Арабский и почти вся Месопотамия.

Столица Фарса — город Шираз.

Фарсанг (фарсах) — путевая мера, шесть-семь километров.

«Фатха» и «дамма» — вспомогательные знаки гласных в арабском алфавите, изображаемые в виде кривой и косой черточек; символически изображают щетину на лице.

Фитрат — разговение; прекращение поста, подаяние бедным после поста.

Франки — Так называли на Востоке во время Саади крестоносцев, а впоследствии всех европейцев.

Хаджжадж ибн Юсуф — полководец и наместник Халифа Абдалмалика ибн Марвана (685—705), известный своей жестокостью, свирепостью и тиранством.

Хадж — паломничество в город Мекку, где находится священный черный камень — «метеорит» в храме Каабы. Человек, совершивший хадж, получает почетное прозвище «хаджи».

Хаджа — господин, вельможа, служит титулом; часто значит просто «купец».

Хадис — предание о Мухаммеде и его сподвижниках.

Хамадан — один из крупных городов Ирана.

Ханаан (Кан’ан) — в Библии под этим названием имеется в виду область между Иорданом и Средиземным морем. В Ветхом Завете ханаанеями обозначаются племена, населявшие Палестину до прибытия евреев. Иногда под Ханаанской землею подразумевают всю Палестину, все земли, занятые евреями по обеим берегам Иордана. Ханаанцы происходят из общей прародины семитов — Аравии. Еще задолго до нашей эры они нахлынули на переднюю Азию. Восприняв

вавилонскую культуру, они долгое время служили хранителями этой культуры. По коранической легенде, Иосиф Прекрасный (см. Юсуф) происходил из Ханаана, и в Ханаанской земле он был брошен в колодец, откуда его вытащили египетские купцы и увезли с собой в Египет и там продали вельможе по имени Пантефрия.

Я торгую красавицами, но только не в Ханаане.

Поэт намекает на это предание и хочет сказать, что в Ханаане, где водятся такие красавцы, как Иосиф, нет смысла торговать красавицами.

Ханаан (Канан) — младший сын Хама, сына пророка Ноя. Он был проклят своим дедом за то, что заметил его наготу и сообщил об этом своему отцу Хаму. Ханаан считается родоначальником ханаанских племен.

Харад ж — налог, земельная подать.

Харвар — мера веса, равная тремстам килограммам (буквально: «ноша осла»).

Хатайцы — тюркское племя, жившее в Туркестане, в Хотане. Хатайцы много воевали с хорезм-шахами. Хорезм-шах Мухаммед в 1210 году окончательно разбил и изгнал их из Хотана.

Хасан Мейманди — вазир, министр султана Махмуда Газневедского. (См.)

Хатем Тайский — легендарный арабский эмир, славившийся своей щедростью.

Хафса — одна из четырех жен пророка Мухаммеда.

Хиджаз — область в Аравии, лежащая на берегах Красного моря; в Хиджазе находится Мекка.

Хорасан — северо-восточная часть Иранского плоскогорья. В разные времена входила в состав разных государств.

Хосров — титул иранских царей из династии Сасанидов (226—650), иногда употребляется в качении «царь» вообще.

В 38 рассказе имеется в виду Ануширван Справедливый.

Хума — феникс, легендарная птица, приносящая счастье людям. По легенде, на кого бы ни пала тень Хумы, тот делался царем. Хума не трогает живых существ и питается костями.

Хутба — торжественное провозглашение имени главы царствующего дома во время пятничного богослужения в мечети. В мусульманских странах хутба была одной из прерогатив независимой суверенной власти.

Хурмуз — Ормуз IV (578—590), Иранский царь из династии Сасанидов, сын Ануширвана Справедливого. Он очень круто обошелся с советниками и министрами своего отца и, заподозрив их в заговоре, заточил в темницу. Озлобленные придворные подготовили против него заговор, свергли с престола и на его место посадили его сына Хосрова Парвиза.

Хусейб (или Хузейб) —во времена Гарун-ар Рашида был министром финансов в Египте.

Хуфаджи — одно из арабских племен, занимавшееся разбоем.

Шариат — правовая система ислама.

«Шах-наме» («Книга царей») — гениальная эпопея великого персидско-таджикского поэта Фирдоуси (умер в 30-ых годах XI века). В этой эпопее излагается мифическая история иранских народов по царствованиям (всего пятьдесят царств).

В книге большое место занимают образы Фаридуна, олицетворения справедливости, и тирана Заххака, о которых и идет речь в шестом рассказе первой главы «Гулистана». Один из основных героев «Шах-наме»— Рустам.

Шейх — «старейшина племени», «старец» — почетный титул, дававшийся ученым, поэтам и т. д.

Шираз — один из древнейших городов Ирана, столица Фарса, родина таких замечательных поэтов, как Саади и Хафиз. В те времена был одним из культурных центров на Ближнем Востоке. Во время монгольского нашествия уцелел, и поэтому многие поэты, писатели, ученые и т. д. перебрались в Шираз В этом городе и поныне находятся могилы Саади и Хафиза.

Эльбурс — название горного хребта в Иране.

Шихна (Шахна) — начальник полиции.

Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный. По легенде, он был исключительно красивым. У мусульман он служил символом красоты.

По Корану, Иосиф был младшим сыном Иакова. Он обладал привлекательной внешностью и носил признаки пророческой миссии. Отец любил его больше всех. Старшие братья позавидовали ему. И вот однажды они решили: «Убьем Иосифа или удалим его в какую-нибудь страну; тогда взоры отца нашего будут покоиться только на нас и жизнь наша будет протекать в достатке».

И однажды, уговорив отца, взяли с собой Иосифа и в пустыне бросили в колодец, а возвратившись, сказали отцу, что Иосифа растерзал волк. «Мимо того места, где был покинут Иосиф, случайно проходили путники: они отправились за водой к тому колодцу». Они вытащили Иосифа из колодца, увезли в Египет и «продали его за бесценок».

Это последнее выражение у мусульман вошло в поговорку и обозначает: «променять бесценную вещь на вещь, ничего не стоящую». Этот образ в разных вариантах использован предшественниками Саади. У Абу-Шукура Балхи, X век, Иосиф заменен розой, а у Хайяма— умер в 1123 году — вином).

Саади этот образ использует, не изменяя его: «Что же могут купить лучшего те, кто продают Иосифа?»

В Египте Иосиф был куплен вельможей по имени Китфир (Пентефрий). Его жена Зулейха влюбилась в Иосифа, но он не ответил

взаимностью. По городу начали ходить сплетни, и горожанки начали говорить об этой любовной истории. Зулейха, прослышав эти разговоры, решила проучить своих подруг: «Она пригласила всех этих женщин к себе, устроила пир и дала каждой из них по ножу (и по померанцу); затем она приказала явиться Иосифу. При виде его Они пришли в необычайный восторг и в рассеянности порезали себе пальцы, восклицая: «Да хранит нас бог, это не человек, а восхитительный ангел».

«Вот тот человек,— сказала им жена Китфира,— который навлек на меня ваше злословие. Мне хотелось заставить его уступить моим желаниям, но он предпочел остаться целомудренным; если он и впредь откажется повиноваться моим приказаниям, то будет брошен в тюрьму и будет влачить существование среди подонков общества!»

В девятнадцатом рассказе пятой главы в стихах:

О, если бы те, кто ныне шлет укоры за мою любовь,
Увидели, о госпожа, черты небесные твои!
Тогда, твой видя светлый лик, не померанец золотой,
А пальцы резали б они, себя не помня, в забытьи!

Саади намекает на этот эпизод.

Иосиф действительно был брошен в тюрьму, откуда он был освобожден в голодный год и назначен личным слугой Фараона, управляющим житницами страны. Однажды, когда его братья прибыли из Ханаанской земли, чтобы получить хлеб, Иосиф узнал их и в их мешок тайно положил свою рубашку. Когда они вернулись, отец их сразу почувствовал запах Иосифа, и глаза его, ослепшие от слез, выздоровели. (Коран, XII.)

В стихах:

«Скажи, как то случилось, мудрец с душой невинной:
К тебе сорочки запах из Мисра долетел,
В колодце ж ханаанском ты сына не узрел»,—

поэт намекает на этот эпизод.

Якуб — библейский Иаков, по исламу — один из пророков, бывших до Мухаммеда, отец Иосифа Прекрасного. (См. Юсуф.)

Ясновидение —

> Ясновиденья нет у меня — и когда бы меня спросили,
> Что б я мог ответить о том, кто отличий лишен?

В оригинале буквально сказано: «Если кто-нибудь спросит у меня его описания, то что же может сказать лишенный сердца о лишенном каких-либо внешних признаков?»

Поэт здесь обыгрывает слово «бидел» — «лишенный сердца», он хочет сказать, что он настолько влюблен в Аллаха, что он «лишился сердца», то есть впал в забытие. Под словом же «ба дел», то есть «обладающий сердцем», поэт подразумевает человека, постигающего Аллаха, сливающегося с Божеством. Таким образом, получается двойная игра.

По учению ислама, Аллах не обладает никакими внешними признаками, и потому никто не может видеть его.

Строка двусмысленна: 1) Аллах не обладает внешними признаками, то есть 2) он настолько велик, что не поддается описанию.

Яхья — евангельский пророк Иоанн Креститель, сын Захария. У мусульман считается святым.

Редактор С. Даронян
Худож. редактор /'. Кудрявцев
Технич. редактор М. Позднякова
Корректоры М. Фрадкина и Н. Манушина
Сдано в набор 12/II 1957 г.
Подписано к печати 8/1V 1957 г.
Бумага 70x92i/$_{e2}$—10,13 печ. л.—11,85 усл.-печ. л. 12 14 уч.-изд. л. Тираж 30 ООО. Заказ № 165. Цена 4 р. 50 к.
Гослитиздат Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.
20-я типография Главполиграфпрома Министерства культуры СССР Москва, Ново-Алексеевская, 52.

notes

Примечания

1

Перевод К. Чайкина (Саади, Бустан, 1936, стр. 64),

2

А. Е. Крымский, История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, М. 1914 — 191 7 , стр. 393.

3

Перевод прозы Саади везде наш.— Р. А.

4

Е. Э. Бертельс, Навои, изд. АН СССР, М. —Л. 1948, стр. 47.

5

Джизия — налог, взимаемый в мусульманских странах с иноверцев. В данном контексте употреблено в переносном смысле.

6

По народному поверью, степная рысь питается остатками пищи льва.

7

То есть Мухаммед.

8

Из Корана.

9

То есть Мухаммеда.

10

То есть дервишам.

11

Из корана.

12

Русское слово *бакалейщик* происходит от арабского *баккал*.

13

Речь идет о семи эфесских отроках, живших в пещере.

14

Из корана.

15

Из корана.

16

Согласно мусульманскому обычаю, умершему под голову кладут кирпичи.

17

По восточному поверью клады охраняются драконами-змеями.

18

В Египте Иосиф был куплен вельможей по имени Китфир (Пентефрий). Его жена Зулейха влюбилась в Иосифа, но он не ответил взаимностью. По городу начали ходить сплетни, и горожанки начали говорить об этой любовной истории. Зулейха, прослышав эти разговоры, решила проучить своих подруг: «Она пригласила всех этих женщин к себе, устроила пир и дала каждой из них по ножу (и по померанцу); затем она приказала явиться Иосифу. При виде его Они пришли в необычайный восторг и в рассеянности порезали себе пальцы, восклицая: «Да хранит нас Бог, это не человек, а восхитительный ангел».

19

Корана.

20

Мухаммеде.

21

Ночь, в которую, по мусульманской легенде, был ниспослан Коран.

22

Из Корана.

23

Здесь и ниже цитаты из корана даны в переводе Саблукова (Изд. Казань, 1894).